

ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Надежда КАРА

**ЯЗЫК БОЛГАР МОЛДОВЫ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

СБОРНИК СТАТЕЙ

Chişinău, SSB, 2017

CZU 811.163.2'276

К 210

Сборник статей рекомендован к печати Научным советом Института культурного наследия АНМ (протокол №6 от 20 июня 2017 г.), а также рекомендован к печати Правлением Научного общества болгаристов Республики Молдова (протокол №19 от 22 сентября 2017).

Рецензенты:

Татьяна Зайковская, доктор филологии, конференциар
Екатерина Кожухарь, доктор филологии, конференциар
Васил Кондов, доктор филологии, конференциар

Спонсоры:

Мария Константинова
Георгий Карпов

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Кара, Надежда.

Язык болгар Молдовы: история и современность: Сборник статей / Надежда Кара; Институт культурного наследия Академии Наук Молдовы, Научное общество болгаристов Республики Молдова. – Chișinău: SȘB, 2017 (Tipogr. "Lexon-Prim"). – 210 p.

Referințe bibliogr. la sfârșitul art. și în subsol. – 100 ex.

ISBN 978-9975-9577-9-3.

*Моим любимым дедушке и бабушке,
вырастившим и воспитавшим меня,
Ивану Петровичу и Марии Захаровне Дожа
посвящаю*

СОДЕРЖАНИЕ

Предговор	5
От автора	7
Din partea autorului	9
Раздел I. Диалектный язык болгар Молдовы	11
Болгарские говоры как объект лингвистического описания	11
Самуил Борисович Бернштейн – исследователь болгарских бессарабских диалектов	17
Увод към сборника „Език, литература и култура на българите в Молдова”	28
Българският език в Молдова (материали за проучване)	31
Болгарский язык Молдовы в публичной сфере	58
Болгарский язык в Молдове и проблемы его изучения	66
Об одной языковой общности болгар Молдовы	74
Раздел II. Лексические особенности языка болгар Молдовы	85
Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века	85
Особенности состава личных имен в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины	93
Турцизмы с экспрессивной коннотацией в бессарабских болгарских говорах	104
Из истории румынских лексических заимствований в болгарском языке	116
Раздел III. О языке фольклора болгар Молдовы	120
Николай Кауфман – собиратель и исследователь народных песен болгар Молдовы и Украины	120
Болгарские и русские пословицы о женщине	129
Представление о внешности женщины (образ-концепт «женская красота») в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины	135
Семантика и символика фитонимической лексики в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины (группа «цветы»)	145
Символика и коннотация фитонимов в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины (группа «плодовые деревья»)	170
Раздел IV. Преподавание родного языка в полилингвальной и поликультурной среде	184
Проблема интеркультурного образования и воспитания в полилингвальной среде	184
Болгарский язык в современной школе Молдовы	191
О стратегии усовершенствования куррикулума по болгарскому языку и литературе	195

ПРЕДГОВОР

Преди няколко десетилетия, като студент по руска филология в Кишиневския държавен университет „В. И. Ленин”, разбира се, не можех да предположа, че някога ще имам честта да напиша рецензия и предговор за книгата на първата ми преподавателка по български език Н.В. Кара, която, безспорно, има огромна заслуга за по-късната ми професионалната ориентация и като българист.

Книгата на Н. Кара до голяма степен отразява дългогодишния ѝ труд в областта на науката за българския език. А структурата ѝ съвсем ясно подчертава направленията, в които изследователката е работила до ден днешен и продължава да работи и сега.

Те се състои от четири раздела. Първият от тях включва редица статии, седем на брой, посветени на изследванията на българските говори в Бесарабия, и започва с две от тях, в първата от които се акцентува върху нуждата от подновяване на изследването на българските преселнически говори във връзка с изучаването на българския книжовен език в наше време в средните и висшите учебни заведения в страната: „Процес преподавания литературного болгарского языка затрудняется без знания преподавателем хотя бы в какой-то мере особенностей тех говоров, которыми студенты владеют.” Втората статия е посветена на организатора на мащабното проучване на българските говори в Молдова и Украйна в края на 40-те и през 50-те години на миналия век.

Вторият раздел включва четири статии, посветени на личните имена на българите в Молдова, включително и в песенния им фолклор, а също така на турцизмите и румънизмите в българския език. Както в миналото, така и в днешно време много е важен въпросът какви имена трябва да носят хората, причисляващи себе си към една или друга народност. Разбира се, мотивите за именуването с оглед на времето са различни, но едно нещо, без съмнение, е важно – те трябва да отговарят на културата на даден народ, в противен случай в понякога се наблюдават много или малко неприятни казуси... А що се отнася до чуждиците в българския език и диалектите му, то много важен дял от тях, по известни исторически причини, заемат турцизмите. За българите от Молдова, разбира се, представляват голям интерес и румънизмите.

Третият раздел от книгата, посветен на фолклора, съдържа пет статии, от които първата е посветена на най-големия събирач и изследовател на песенния фолклор на бесарабските и таврийските българи проф. Николай Кауфман, който в продължение на няколко „самокомандировки” успява да запише огромно количество народни песни и инструментални

мелодии както в Молдова /където първите си записи прави в с. Кортен/, така и в Одеска и Запорожка област на Украйна. Интерес предизвикват и статиите от този раздел, посветени на образа на жената в българския и руския фолклор, разгледан в сравнителен план. Другите две статии от този раздел, а именно: „Семантика и символика фитонимической лексики в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины /група цветя/” и „Символика и коннотация фитонимов в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины /група „плодовые деревья”/”, според нас, могат да послужат като пример и образец за подобен анализ на словесни фолклорни произведения за тези изследователи, студенти и докторанти, които проявяват интерес към тях.

Последният, четвъртият раздел в книгата е посветен на проблемите, свързани с изучаването както на родния, така и на другите езици, в условия, когато родният език не е държавен. Такъв е и българският език в Молдова. Както отбелязва авторката, „Полноценная этническая самоидентификация невозможна без знания родного языка, без вхождения в поле национальной культуры через язык. Это первая часть проблемы сохранения национальной идентичности языковой личностью.”

Н.В. Кара е дългогодишен преподавател по български език с огромен опит в тази област, както и един от авторите на програми и учебници, свързани с изучаването на българския език и българската литература в условията на Република Молдова: „В процессе преподавания языка в школе ... важно создать такие условия, в которых учащийся начинает соотносить себя не только со своей, но и с другими культурами, испытывать соучастие, симпатию, стремление найти способы взаимодействия, желание сотрудничать с людьми другой этнической принадлежности, несмотря на имеющиеся различия.”

Събрани на едно място, в този сборник, статиите на Н.В. Кара ще бъдат много по-удобни за ползване от учители, студенти, докторанти и изследователи и от всички останали, които се интересуват от проблемите на българския език в страната, засегнати в тях. Без съмнение, книгата ще ги направи много по-достъпни за споменатата читателска аудитория.

Васил Кондов,
доц. д-р по филология

ОТ АВТОРА

Представляемый вниманию читателя сборник статей включает ряд работ автора, написанных в разное время, но так или иначе касающихся тем и проблем, связанных с языком болгарской диаспоры в Молдове, отчасти и в Украине.

Уже в начале 90-х годов XX века появилась возможность ввести в круг исследуемых тем особенности функционирования болгарского языка в Молдове, современное его состояние как с диалектологической, так и с социолингвистической точки зрения.

Преподавание современного болгарского литературного языка в школах с болгарским контингентом учащихся в Молдове потребовало внимания к некоторым методическим аспектам, а также к лингвокультурологическим проблемам (родной язык в полилингвальном и поликультурном окружении).

Интерес с лингвокультурологической точки зрения представляют этнокультурные контакты, отразившиеся в языке болгар на лексическом и текстовом уровне – влияние тюркских, славянских и романских языков.

Язык болгарских диалектов Молдовы (и Бессарабии – в историческом, диахронном аспекте) – это не только бытовое общение или опыт использования болгарского языка в более широких функциональных сферах. Это также и культурная история, представленная в фольклоре.

Следующим аспектом исследований болгарского языка стал культурный этнический код, сохраненный в фольклоре болгар Молдовы и Украины, в частности, в песенном фольклоре. В этой сфере функционирования языка болгар диаспоры находит отражение актуализация определенных фрагментов этнической картины мира, представленной через лексические группы с особенностями символического и аксиологического (ценностного) наполнения.

Интерес представляет актуальная (в соответствии с показателями частотности словоупотребления) лексика, которая отражает как традиционную этническую картину мира (степень ее сохранности), так и некоторые особенности, связанные с жизнью диаспоры в Буджаке – с отличной от природы и социальной истории Болгарии. Эти исследования могут послужить основой для изучения некоторых особенностей культурного кода диаспоры в поликультурном окружении.

Все статьи, вошедшие в сборник, объединены тематически в четыре раздела.

Первый раздел посвящен диалектному состоянию языка болгар Молдовы и опыту социолингвистического описания современного его состояния.

Во второй раздел включены статьи, описывающие некоторые аспекты лексического состава языка болгар диаспоры, его истории и современных особенностей.

В третий раздел вошли статьи, посвященные отражению этнической картины мира в языке некоторых фольклорных жанров болгар диаспоры.

Статьи четвертого раздела посвящены проблемам преподавания современного болгарского литературного языка учащимся – носителям диалектной формы в современной школе Молдовы.

Статьи публикуются в том виде, в каком они представлены в первой публикации. В отдельных случаях внесена необходимая корректорская правка. В конце ряда статей даны уточнения, которые автор счел возможным ввести в соответствии с замечаниями и предложениями коллег в процессе подготовки издания. Также в конце каждой статьи указано место ее первой публикации.

Автор выражает искреннюю признательность всем коллегам, прочитавшим данный сборник и сделавшим ряд ценных замечаний, уточнений и дополнений, которые автор, по возможности, ввел в текст рукописи.

Особо хотелось бы отметить советы Т. Зайковской и Е. Кожухарь, которые автор с благодарностью учел при подготовке сборника к изданию, а также уточнения В. Сырфа и Е. Сорочану, относящиеся к описанию лексики тюркского происхождения в болгарских диалектах.

Представленные в сборнике статьи могут быть полезны студентам и преподавателям школ и лицеев, интересующимся историей языка и культуры болгарской диаспоры в Молдове.

DIN PARTEA AUTORULUI

Prezenta culegere de studii atrage atenția cititorilor prin faptul că include o serie de articole publicate de autor, la diferite date cronologice, dar într-un fel sau altul conexe temei generic și problemelor științifice. Aceste articole sunt circumscrise aspectului lingvistic al diasporei bulgărești din Republica Moldova, parțial Ucraina.

Deja la începutul anilor '90, ai secolului al XX-lea s-a ivit oportunitatea de a conferi temei cercetate noi abordări, reieșind din realitățile și circumstanțele perioadei. Astfel au fost luate drept suport de cercetare și analiză particularitățile funcționării limbii bulgare pe teritoriul Republicii Moldova, statutul actual al acesteia, înțeles din punct de vedere dialectologic și sociolingvistic.

Predarea limbii literare moderne bulgare în instituțiile școlare din Republica Moldova (anume în acele instituții unde contingentul de elevi este de etnie bulgară) necesită atenție sub diferite aspecte, precum cel metodologic, cu privire la problemele lingvistice determinate de contextul cultural, întrucât vorbim despre o limbă maternă de natură polilingvă și un mediu multicultural.

Interesul pentru abordarea lingvistică și culturală este fundamentat de contactele etnoculturale, reflectate în limba bulgară la nivel lexical și textual, în care evidențiem influențe lingvistice de origine romanică, slavă și turcică.

Dialectele limbii bulgare din Republica Moldova – (și Basarabia dacă luăm în considerare reperul diacronic) – nu reflectă doar o interacțiune socială, dar și o experiență a utilizării limbii bulgare în diferite sfere funcționale ale societății. De asemenea, aceasta prezintă o istorie culturală reflectată în folclor.

Prin urmare, un aspect al cercetării a devenit codul etnocultural, perpetuat în folclorul bulgarilor din Republica Moldova și Ucraina, cu precădere, în cântecele populare. Sub acest aspect funcționalitatea limbii bulgarilor din diasporă cunoaște anumite particularități de reactualizare a unor fragmente din imaginea etnică a lumii, reprezentată prin intermediul grupului lexical, în special cu ajutorul conținutului simbolic și axiologic.

Interes prezintă lexicul actual, evaluat în corespundere cu frecvența folosirii vocabularului, care reflectă atât o imagine tradițională etnică a lumii (gradul de conservare), cât și anumite particularități, corelate cu viața diasporei din Bugeac – diferită de cadrul natural și istoric al Bulgariei. Prin urmare, aceste studii pot constitui bază pentru cercetarea unor particularități ale codului cultural al diasporei, aflată într-un mediu multicultural.

Lucrarea include articole structurate în patru compartimente (secțiuni).

Materialele din prima secțiune se referă la situația dialectologică a limbii bulgarilor din Republica Moldova și la experiența înțelegerii contextului ei sociolingvistic la etapa actuală.

A doua secțiune include articole, în care se descriu anumite aspecte ale structurii lexicale a limbii vorbite de bulgarii din diasporă, istoria și particularitățile ei contemporane.

A treia secțiune cuprinde articole analitice cu privire la imaginea etnică asupra lumii bulgarilor din diasporă, reflectată în anumite genuri de folclor.

Articolele din a patra secțiune incadrează aspecte cu privire la problema predării limbii literare moderne bulgare vorbitorilor purtători de aceste dialecte în școlile din Republica Moldova.

Articolele păstrează esența și forma primei editări, dar în unele situații s-au făcut corectările de rigoare. La sfârșitul unor articole au fost introduse anumite puncte de concretizare, în conformitate cu observațiile și sugestiile parvenite de la colegi în timpul realizării culegerii. De asemenea, la sfârșitul fiecărui studiu este prezentată o notă cu privire la data și detaliile primei publicări.

Aduc sincere mulțumiri colegilor care au lecturat, analizat culegerea curentă și au oferit o serie de completări, sugestii valoroase, pe care, după posibilitate, le-am inclus în textul manuscrisului. În mod special, aș dori să menționez sfaturile oferite de T. Zaicovscaia și E. Cojuhari, pe care autorul le-a luat în considerație la pregătirea colecției pentru publicare, precum și precizările oferite de V. Sîrf și E. Soroceanu, referitoare la descrierea lexicului de origine turcă în dialectele bulgare.

Aspectul aplicativ al lucrării este validat de faptul că studiile pot fi utile studenților, profesorilor de gimnaziu și liceu, interesați de istoria limbii și culturii diasporei bulgărești din Republica Moldova.

РАЗДЕЛ I

ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК БОЛГАР МОЛДОВЫ

БОЛГАРСКИЕ ГОВОРЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Систематическое и планомерное изучение говоров болгарских переселенцев на территории СССР, проводившееся в 40–50-е годы XX века большой группой советских лингвистов, заложило основу для дальнейших исследований этих говоров. Как известно, результатом работы было издание «Атласа болгарских говоров в СССР». И на протяжении четырех десятилетий опубликованный материал служил объектом дальнейшего углубленного изучения болгаристами в различных лингвистических аспектах: в лингвогеографии, описательной диалектологии, исторической диалектологии¹. Прделанная учеными Института славяноведения АН СССР работа отражена в ряде изданий. Это статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР, выпуски 1–8, выходявшие с 1950 до 1958 г. Причем 9-й выпуск был подготовлен уже Институтом славяноведения совместно с Институтом болгарского языка БАН и вышел под редакцией крупнейших специалистов-лингвистов С.Б. Бернштейна и Ст. Стойкова.

В сборниках опубликованы материалы к изучению диалектов болгарского языка на территории Советского Союза и ряд исследований. Описывались в основном говоры северного и южного Буджака, представленные на территории Украины и Молдовы, а также говоры болгар Запорожья и Крыма.

Как было установлено, большинство говоров южного Буджака принадлежало к говорам северо-восточной Болгарии, хотя обнаруживаются в них следы и юго-восточных говоров (восточнофракийский тип). В южном Буджаке встречаются переселенцы (малочисленные потомки), сохранившие говор восточнородопский, не имеющий ничего общего с другими говорами Бессарабии.

Поскольку болгарские поселения южного Буджака (территория Украины) более многочисленны, естественно, что им отведено больше места в упомянутых исследованиях. Здесь можно назвать работу Е.В.Чешко «К истории кайракийского говора», заметки того же автора о говорах

жителей болгарских сел Измаильской области Украины (Арцизский, Татарбунарский, Саратовский, Суворовский, Ренийский и др.). Е.В.Чешко подчеркивает отличие говоров болгар, проживающих на территории Молдовы (в Комрате, Кирсово, Твардице, Валя-Пержей, Исерлии, Кирютне, Пандаклии), от говоров поселений Измаильской и Болградской областей².

В изданных материалах и исследованиях наиболее детально, на звуковом, грамматическом и лексическом уровнях, описаны говоры отдельных поселений болгар – сел Суворово, Криничное, Твардица. Говор с. Суворово описан Э. И. Зелениной³, с. Твардица Чадыр-Лунгского района – Н. В. Котовой⁴ и Т. В. Шевцовой⁵, с. Криничное (Чемша-Варуита) – В. К. Журавлевым⁶. В системе описания говоров болгар Молдовы представляет интерес также работа Ст. Стойкова «Говор села Твърдица (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдова)»⁷.

Реальность наших дней побуждает нас вновь обратиться к переселенческим болгарским говорам как к объекту лингвистического описания. Интерес к говорам сегодня должен быть не только чисто научным, но и прагматическим. Как известно, в ряде школ Молдовы и Украины введено изучение болгарского языка для учащихся болгарской национальности. В Одесском университете, в педагогических институтах Измаила и Кишинева сформированы группы студентов из местных болгар, изучающие болгарский язык и литературу. Предполагается, что в дальнейшем эти студенты станут учителями болгарского языка в начальной и средней школе. В преподавании современного болгарского литературного языка этим студентам – носителям переселенческих болгарских говоров – мы сталкиваемся с той реальной языковой ситуацией, которая требует и прагматического подхода, и теоретического осмысления.

Процесс преподавания литературного болгарского языка затрудняется без знания преподавателем хотя бы в какой-то мере особенностей тех говоров, на которых студенты общаются. Частные беседы, сколь бы продолжительны они ни были, не дают систематического представления об особенностях говора, которым студент владеет. Казалось бы, эту проблему можно снять, если обратиться в «Атласу болгарских говоров в СССР». Но дело в том, что за период, прошедший со времени фиксации того или иного болгарского говора в «Атласе...», говор претерпел ряд изменений. Это касается и фонетического уровня говоров, и некоторых моментов морфологической системы, и, несомненно, лексического состава. Причем эти изменения представляют интерес для исследования не только как таковые, но и в связи с тем, что они скорее всего не тождественны в различных говорах. Вариативность изменений также интересна для лингвиста-диалектолога. Здесь, скорее всего, проявится особенность языковых

контактов носителей каждого из говоров с русским, украинским, гагаузским населением, а также влияние, в первую очередь, русского литературного языка. Последний фактор обычно влечет за собой тождественные изменения в говорах болгар Украины и Молдовы.

Таким образом, чисто практический интерес к говорам требует пересмотра их состояния на различных уровнях языковой системы – фонетическом, морфологическом, лексическом. Вероятно, эта работа может быть проделана с помощью самих студентов. Внимание к родному говору как к объекту лингвистического описания, несомненно, послужит основой языковой рефлексии и самоконтроля, а также позволит лучше освоить нормы литературного болгарского языка. Сама процедура анализа и описания студентами говора требует внимания к системе и оценки конкретных диалектных признаков языка, сопоставления с литературной нормой. Отсюда – активизация и закрепление литературной нормы в их речи.

К области практического интереса в определенной мере можно отнести специальное изучение лексического состава говоров болгар-переселенцев. Без знания лексики говора в его нынешнем состоянии невозможно составление словарей болгарского литературного языка, рассчитанных на учащихся-болгар Молдовы и Украины. Словарь должен учитывать состав и частотность диалектной лексики повседневного употребления, отличающейся от литературной нормы. (Над составлением такого мини-словаря работает сотрудник сектора болгаристики Академии наук Молдовы Н. Н.Тодоров). В этой работе, конечно, можно использовать изданный, но уже частично устаревший, изменившийся лексический материал⁶. В сущности же, необходима дополнительная работа по проверке состава лексики активного употребления в болгарских говорах сегодня.

Проблема актуальности изучения болгарских переселенческих говоров затрагивалась в выступлениях и докладах участников Второй всесоюзной конференции по болгаристике. В ряде докладов и сообщений обоснована необходимость теоретического подхода к изучению болгарских переселенческих говоров. Так, в выступлениях Т.В. Поповой и Л. Э. Калнынь намечены аспекты типологического подхода к изучению структурных закономерностей болгарских диалектов. Это классификация болгарских переселенческих говоров на фонологическом уровне; изучение говоров как синхронно функционирующих систем в свете проблемы вариативности языковых явлений; взаимодействие диалекта и литературного языка; проблема устойчивости-неустойчивости языковых явлений, выявление факторов, оказывающих влияние на этот процесс; сопоставительный анализ синхронных состояний одного и того же диалекта, разделенных определенным отрезком времени¹⁰.

Сообщение исследователя М. С. Горе на конференции также касалось необходимости теоретического аспекта изучения языка болгар-переселенцев. Несомненный интерес в этом сообщении представляет тезис, касающийся теории непрерывного развития лексики и семантики в применении к лексическим системам говоров¹¹.

Лексика современных говоров болгар-переселенцев может быть объектом многоаспектного лингвистического изучения для решения целого ряда актуальных проблем. Но сегодня именно лексический состав говоров и особенности лексико-семантического уровня наименее изучены.

В 1955 г., работая над публикацией материалов по словарю суворовского говора, Э. И. Зеленина отмечала, что «собранный (лексический – Н. К.) материал страдает недостатками. При собирании материала мало внимания было обращено на семантику и синонимику. Не всегда фиксировались все значения слова, иногда не выделялись главные значения слов и второстепенные, не были уточнены значения некоторых дублетов». Для определения круга проблем в дальнейших исследованиях важно то, что «имеющийся диалектологический материал не охватывает всех разделов лексики, а те разделы, по которым имеется материал, представлены очень неполно, поэтому не могут удовлетворить исследователя»¹². Такое положение дел требует изменений не только для решения учебных задач и задач лексикографии. Дальнейшее изучение лексики и семантики болгарских переселенческих говоров необходимо и для решения вопросов истории диалектного членения болгарского языка.

Академик С.Б. Бернштейн, подводя некоторые итоги изучения современных болгарских диалектов, отмечает наметившуюся в последние годы возможность нового подхода к решению проблемы диалектного членения болгарского языка. Он состоит в том, что наряду с традиционными признаками диалектного членения – фонетическими, морфологическими – в качестве достаточно надежных привлекаются признаки словообразовательные и лексические. О возможности использования лексических признаков для классификации диалектов или говоров впервые сказал крупный болгарский ученый профессор Стойко Стойков. Как пишет С.Б. Бернштейн, «самое существенное и важное состоит в том, что Стойков показал, что и лексические признаки очень устойчивы, что они могут служить надежным основанием для установления древних диалектных границ».¹³ Ученик Ст. Стойкова, М. Младенов, обратился к картографированию семантических признаков различных лексем и, базируясь на нем, дал членение диалектов. В основу новейшего членения легла типология диалектных различий лексико-семантического уровня¹⁴. Сегодня диалектологи славянских языков пристально изучают структуру лексико-семантических диалектных различий языков, так как анализ по-

казывает, что именно на этом уровне диалектные различия выявляются особенно отчетливо.

В диалектологии русского языка накоплен достаточный опыт исследования структуры диалектных различий лексико-семантического уровня. Этот опыт, несомненно, применим и к исследованию лексического материала современных говоров болгар-переселенцев.

Вся система работы предполагает в первую очередь уточнение и обновление накопленного ранее материала по лексике болгарских говоров. Затем (а лучше – одновременно) необходимо провести картографирование значений слов в некоторых лексических группах и далее – картографирование лексико-семантических различий по говорам. Возможно и сопоставление лексико-семантических особенностей говоров (в определенных лексических группах) с данными современного болгарского литературного языка.

Такой подход и его результаты могут быть использованы как для уточнения членения говоров болгар-переселенцев, так и для сравнительного изучения лексико-семантических процессов в говорах и в литературном языке метрополии.

Таким образом, кроме уже существующих, утвердившихся подходов к изучению болгарских переселенческих говоров возможны (в частности, на лексико-семантическом уровне) новые, вызванные современными потребностями. Болгаристы вузов Украины и Молдовы должны скоординировать свои усилия, так как есть поле и для научной, и для практической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попова Т. В. Актуальность изучения переселенческих болгарских говоров на территории СССР // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений Второй всесоюзной конференции по болгаристике. Харьков, 1991.

² Статьи и материалы по болгарской Диалектологии СССР. Вып. 2. 1952. С. 21-83.

³ Статьи и материалы... Вып. 5. М., 1954. С.65-134; Вып. 8. М.,1958. С. 85-105.

⁴ Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. II. М.;Л., 1950. С. 270-308.

⁵ Статьи и материалы... Вып. 2. С. 84-98.

⁶ Статьи и материалы... вып. 8. С. 64-86.

⁷ Там же. С. 3-63.

⁸ Статьи и материалы... Вып. 2, 3, 5, 7, 8. М., 1952-1958.

- ⁹ Платонова И. В. О принципах создания программ, учебников, учебных пособий по болгарскому языку для нефилологов // Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений Второй всесоюзной конференции по болгаристике. Харьков, 1991. С. 168.
- ¹⁰ Калнынь Л. Э. К проблеме типологической характеристики болгарских диалектов // Там же. С.169.
- ¹¹ Горе М. С. К вопросу о развитии лексических систем болгарских говоров в СССР // Там же. С. 171.
- ¹² Зеленина Э. И. Словарный состав суворовского говора // Статьи и материалы... Вып. 7. М., 1955. С. 63-114.
- ¹³ Бернштейн С.Б. К вопросу о членении болгарских диалектов // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С.10,16.
- ¹⁴ Там же. С.18.
- ¹⁵ Мораховская О. Н. Типология диалектных различий лексико-семантического уровня (структурный аспект) // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1983. М., 1988.

Опубликовано в: «Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине». Кишинев: Штиинца, 1993. – С. 7-12.

САМУИЛ БОРИСОВИЧ БЕРНШТЕЙН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БОЛГАРСКИХ БЕССАРАБСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Самуил Борисович Бернштейн (21.12.1910 – 6.10.1997) – один из крупнейших славистов-языковедов XX века. В связи со столетием этого замечательного ученого хотелось бы коснуться его неизмеримого вклада в исследование болгарских говоров Бессарабии и, опираясь на его труды и исследования его соратников (1), предложить материалы о деятельности С. Б. Бернштейна в области болгарской диалектологии.

Напомню, что будущий ученый в 1931 году закончил историко-этнологический факультет Московского университета, затем, по окончании аспирантуры, в 1934 году защитил в Ленинграде кандидатскую диссертацию, тема которой относилась к исследованию истории болгарского языка – «Тюркские элементы в языке [болгарских] дамаскинов XVII–XVIII вв.»².

С 1934 по 1938 г. С.Б. Бернштейн руководил кафедрой болгарского языка и литературы в Одесском педагогическом институте, а в 1938 г. был приглашен заведовать кафедрой языкознания в Одесском университете, с 1937 по 1939 г. был там же деканом литературного факультета. Именно тогда у молодого ученого появляется интерес к бессарабским и крымским болгарам. Прежде всего он собирает архивные документы, на основе которых впоследствии напишет ряд статей о переселении болгар в Бессарабию и Крым³. Опубликованные материалы тем более важны, что во время Великой Отечественной войны многие из этих архивных документов пропали. Однако особый интерес С. Б. Бернштейн проявляет к диалектам местного болгарского населения. Позже в своих воспоминаниях ученый напишет: «Мысль о создании атласа болгарских говоров в СССР возникла у меня в конце 1935 г., вскоре после выхода в свет польского атласа южного Подкарпатья, составленного М. Малэцким и К. Нитчем... В связи с этим весной 1936 г. был составлен первый вариант программы, имевший всего 94 вопроса»⁴. Работая в 1936 и 1937 гг. в болгарском секторе Одесского педагогического института, С.Б. Бернштейн имел возможность «собрать некоторый материал от студентов-болгар, обучавшихся в институте. Особенно полно были представлены говоры сел Парканы, Катаржино, Терновки (близ Николаева), Гюневки, Радоловки и Инзовки» (Лингвистический атлас болгарских говоров СССР, с. 20). Уже в довоенный период С.Б. Бернштейн публикует интересную статью, посвященную болгарским говорам – «Болгарские говоры Украины (Ольшанский район)» (1939)⁵. Собранный тогда богатый

лингвистический материал лег в основу его дальнейших научных разработок, послужил толчком к новым полевым исследованиям.

В 1939 г. С. Б. Бернштейн переводится на работу в Московский институт истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского, который с 1941 г. вошел в состав МГУ. С этого же времени он – заведующий Сектором славянской филологии в только что созданном Институте славяноведения АН СССР. Молодой ученый в 1943 г. принимает деятельное участие в организации кафедры славянских языков на филологическом факультете МГУ. Вначале он был назначен заместителем, а с 1947 г. – заведующим этой кафедрой⁶. В 1946 г. С. Б. Бернштейн защитил докторскую диссертацию, которая так же, как и кандидатская, была посвящена изучению болгарского языка – «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии». Позже на основе этого исследования была опубликована монография «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Т. I. Язык валашских грамот XIV–XV веков» (М., 1948). Книга является крупным вкладом и в балканистику.

Работы С. Б. Бернштейна по истории болгарского языка характеризуются тем, что ученый обращается к новым источникам, отражающим народные говоры. Для него история языка – это прежде всего история живого народного языка. В статье «К вопросу о периодизации истории болгарского языка» он пишет о необходимости строить периодизацию истории языка на основе изучения не только письменных памятников, но также и прежде всего народного языка.⁷ С.Б. Бернштейн по-новому формулирует задачи изучения истории болгарского языка, считая, что наиболее плодотворным является путь ретроспективный – от новоболгарского языка, представленного дамаскинами XVII–XVIII вв., к изучению народных говоров в более древнее время. Выполнению этой задачи – изучению народных говоров XIV–XV вв. – и посвящена монография «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии», т. I. Сложность задачи состояла в отсутствии собственно болгарских источников для исследования языка этого периода. Такими источниками, по мнению С. Б. Бернштейна, являются славянские грамоты валашских господарей XIV–XV столетий. Но прежде чем воспользоваться этим источником, исследователь должен был выяснить природу славянского языка в Валахии. Был ли славянский язык здесь чужим, книжным языком, понятным лишь духовенству и боярству (ср. латинский в Польше), или он развивался в родной (славянской) среде? В связи с решением этого вопроса возникал вопрос о взаимоотношении славянского и румынского элементов, о роли славянского элемента в формировании румынского народа и румынского языка, о значении собственно румынских памятников и румынских диалектов для истории славянских языков. Данные

языка валашских грамот ранее почти не использовались в исследованиях по истории болгарского языка. Таким образом, исследование С. Б. Бернштейна ввело в научный обиход большой и новый материал. Труд С. Б. Бернштейна является первым капитальным исследованием в этой области. В нем ученый рассмотрел широкий круг вопросов, далеко выходящих за рамки обычных лингвистических исследований: проблемы этнических и языковых взаимоотношений на территории Дакии, вопросы возникновения письменности в Валахии, дана филологическая критика исследуемых текстов (выделение сербских и болгарских элементов). Результаты исследования внесли существенный вклад не только в историю болгарского языка, но и в изучение так называемого славянского периода в истории румынского народа и языка⁸.

В своих исследованиях С.Б. Бернштейн много внимания уделяет проблематике балканского языкового союза, в частности – сложному вопросу о роли турецкого языка в формировании этого союза. В докладе на I Международном съезде балканистов в Софии он высказал мнение, что, «хотя сам турецкий язык не входит в балканский языковой союз (в нем нет так называемых балканизмов), многочисленные заимствования из него, главным образом лексические и словообразовательные, являясь общими для всех балканских языков, становятся еще одной чертой, объединяющей эти языки и заслуживающей специального изучения».⁹

Работы С. Б. Бернштейна по истории языка тесно связаны с его диалектологическими исследованиями. В изучении современных говоров ученый видит источник для истории языка, истории славянских народов, их древнейших связей и миграций. Не случайно с 1947 г. по инициативе и под руководством С. Б. Бернштейна начинается интенсивная работа по изучению болгарских говоров Советского Союза. Создается программа Атласа, проводятся экспедиции, в которых деятельное участие принимает и сам проф. С. Б. Бернштейн. Ученый отмечал: „В результате летней поездки 1947 г. во многие болгарские села Бессарабии мне удалось собрать ценный материал для новой программы... В течение двух месяцев работало шесть самостоятельных пунктов: Комрат, Кирсово, Новое Валя-Перже, Твардица, Старое Валя-Перже, Исерлия, Новый Троян, Ново-Ивановка, Кириутня, Задунаевка, Дермендере, Чийшия, Пандаклия, Кубей, Болгарийка, Кайраклия I, Болград, Курчи, Каракурт, Вайсал, Бановка, Шикирли-Китай, Ташбунар, Импуцита и Кайраклия II... Число обследованных пунктов достигло 28. Число описанных говоров значительно превышает эту цифру, так как в некоторых пунктах было обнаружено по несколько говоров, каждый из которых был описан самостоятельно...».¹⁰

С. Б. Бернштейн выступает с рядом теоретических статей, где формулирует свои взгляды по вопросам лингвистической географии, пи-

шет о задачах Атласа, принципах и методах сбора и обработки материала, приемах картографирования и т. п. Под его редакцией начинает издаваться серия «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» [1949—1962], где печатаются монографические исследования говоров и публикуется ряд научных очерков об экспедициях. Об этой послевоенной работе ученого пишет Г. В. Венедиктов: „Особенно напряженно и целенаправленно изучением болгарских говоров он занимается в первые послевоенные десятилетия. Широкому размаху этой планомерной работы, начатой в 1947 г., благоприятствовало, во-первых, то, что на территории бывшего СССР находится большое число сел с болгарским населением, говоры которых, генетически связанные с разными диалектными зонами в Болгарии, хорошо сохранились. Во-вторых, создание в самом конце 1946 г. Института славяноведения АН СССР сделало возможным организацию... изучения всех болгарских говоров в СССР, прежде всего с целью лингвистического картографирования, а также монографического описания некоторых из них. Инициатором и руководителем всей работы по исследованию этих говоров стал С.Б. Бернштейн”.¹¹

Большое значение С.Б. Бернштейн придает лингвистической географии. Он подчеркивает: «Много нового и очень важного материала дают атласы историкам и археологам, так как обнаруживают древнейшие границы различных племенных образований, следы многих колонизационных процессов. Лингвистическое картографирование дает возможность установить связь современных говоров с древнейшими письменными диалектами, вскрыть изменение диалектных границ, изучить многие языковые факты и установить их соотносительную хронологию. Вот почему создание атласов является первоочередной задачей диалектологов»¹².

В 1958 г. выходит «Атлас болгарских говоров СССР» (С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина). В своих рецензиях на «Атлас» болгарский лингвист проф. Ст. Стойков признает его большое значение для болгарского языкознания, диалектологии, демографии и истории, для славянского языкознания вообще. Отмечая, что «Атлас» создан на основе самых лучших достижений лингвистической географии, примененных к специфическим особенностям болгарских говоров»,¹³ Ст. Стойков указывает на большое значение этого опыта для предстоящей работы по составлению болгарского диалектного атласа.¹⁴ Известный российский болгарист Г. В. Венедиктов отмечает, что «Атлас болгарских говоров в СССР» как первый опыт картографирования болгарского диалектного материала сыграл немалую роль в подготовке работы по составлению атласа говоров на территории самой Болгарии. С.Б. Бернштейн вместе со своими учениками-болгаристами во второй половине 50-х – начале 60-х годов принял участие во всех фазах работы над первым томом «Болгарского ди-

алектологического атласа», посвященного говорам Юго-Востока Болгарии... Этот том издан Болгарской академией наук в 1964 г. («Български диалектен атлас. Т.І. Юго-източна България»).

С 1956 г. начинается совместная работа советских и болгарских языковедов по сбору материала и созданию карт I тома Болгарского диалектного атласа, которая проводилась под руководством проф. С. Б. Бернштейна и проф. Ст. Стойкова. Этот том атласа, посвященный юго-восточным говорам, вышел в свет в 1964 г. и получил высокую оценку рецензентов. В. Г. Венедиктов справедливо отмечает, что из «трех областей славянской филологии – сравнительно-исторической грамматики, диалектологии и истории самой славянской филологии, которым Самуил Борисович Бернштейн отдал свыше полувека напряженной творческой деятельности, – наиболее притягательной для него как исследователя... на протяжении всего этого времени была диалектология»¹⁵

Будучи в Бессарабии, С. Б. Бернштейн уделяет внимание и болгарскому языку неболгарского населения (главным образом, гагаузов). В качестве примера он приводит село Кубей (село Червоноармейское, Болградский район). В связи с этим он пишет: „Болгары занимают южную часть села, гагаузы – северную. Все гагаузы хорошо говорят по-болгарски. Сразу же было обращено внимание на то, что гагаузы, родным языком которых является тюркский язык, говорят не на том болгарском диалекте, на котором говорят местные болгары. В результате тщательных разысканий удалось установить, что гагаузы сохраняют тот архаический болгарский диалект, на котором когда-то говорили местные болгары».¹⁶ (Здесь и далее – выделение курсивом наше – Н.К.).

Основные направления исследовательской деятельности С. Б. Бернштейна, к которым принадлежат фундаментальные труды ученого (и его многочисленные статьи), – история болгарского языка, диалектология и лингвогеография, а также сравнительно-историческое изучение славянских языков – органически связаны между собой предметно и единством метода. Лингвистическая география позволяет проникнуть в тайны древнего соотношения диалектов. С. Б. Бернштейн привлекает новые источники, из которых можно извлечь новые материалы для истории болгарского языка, – валашские грамоты – и исследует их во всеоружии историка, филолога и лингвиста. Он ставит вопрос об использовании древнерусских памятников как источника сведений по истории болгарского языка. Он обращается к балканистике для объяснения особой судьбы болгарского языка в семье других славянских языков. Исследуя историю языка, С. Б. Бернштейн не отрывает ее от истории его носителей, широко используя данные истории, этнографии и археологии для объяснения конкретной исторической ситуации языковых контактов и других факторов развития языка.¹⁷ Во многих

разработках в этих направлениях ученый использовал материалы из диалектов бессарабских и крымских болгар.

Это относится и к его работам по болгарской лексикографии, которой С. Б. Бернштейн уделял большое внимание. Его «Болгарско-русский словарь» [1947 г. и 1953 г.] был незаменимым пособием для изучения болгарского языка в Советском Союзе и оказал заметное влияние на появившиеся позже двуязычные словари, в том числе и издаваемые в Болгарии. В 1966 г. вновь был издан словарь С. Б. Бернштейна, в котором содержится уже около 58 000 слов. В нем был учтен опыт составления различных словарей в Болгарской академии наук, прежде всего однотоминого и трехтомного толковых словарей современного болгарского литературного языка. Занимаясь практической лексикографической работой, С. Б. Бернштейн глубоко интересуется теорией двуязычных словарей, чему посвящает специальные статьи.¹⁸

На страницах своих работ С. Б. Бернштейн постоянно определяет и подчеркивает теоретическую и прикладную актуальность исследования болгарских говоров Бессарабии для болгаристики, славистики, балканистики и сравнительного языкознания. Материалы, собранные в результате полевой диалектологической работы, широко используются в работах и общетеоретического характера (напр., «Очерк сравнительной грамматики славянских языков»...). В статьях, связанных с проблемами диалектологии и лингвогеографии, мы находим ряд высказываний и рассуждений, аргументирующих эту актуальность: «Сохранилось большое количество архивных документов, относящихся к болгарской иммиграции в Россию... Материал этот, представляющий для историка большую ценность, не дает, однако, ответа на многие вопросы. Чиновники... не интересовались фактами «дорусского» периода жизни болгар. В документах указывается не коренное место их жизни, а тот пункт, из которого они отбыли в Россию. Очень часто не указывается год основания болгарских сел. Нет никакого сомнения в том, что ответы на многие важные для историка болгарского переселения вопросы может дать изучение языка переселенцев. Тщательное сравнительное диалектологическое изучение болгарских говоров СССР и говоров Болгарии даст совершенно точный ответ на вопрос о времени основания того или другого болгарского села...».¹⁹

«Изучение болгарских говоров в нашей стране имеет большое значение и для дальнейшего развития болгарской лингвистики. Перед наукой Болгарии стоит огромной важности задача – тщательного и всестороннего изучения народных говоров. В основу болгарского национального языка легли народные говоры северо-восточной Болгарии, широко представленные на нашей территории. Отсюда становится понятным, какое большое научное значение имеет изучение грамматического строя и ос-

новного словарного фонда именно этих говоров, изученных до сих пор довольно поверхностно».²⁰

«Одной из первоочередных задач болгарской диалектологии является создание лингвистического атласа болгарских говоров.... Вот почему представляется чрезвычайно важным создание лингвистического атласа болгарских говоров СССР... Таким путем была бы оказана реальная помощь болгарским диалектологам...».²¹

«Можно с полным основанием говорить о большом значении наших болгарских говоров для изучения говоров Болгарии... Они представляют большой научный интерес и сами по себе. Здесь произошло формирование новых говоров в связи со смешением различных болгарских говоров; здесь с самого начала обнаружилось влияние со стороны русского, украинского, молдавского, румынского и гагаузского языков... В настоящее время много интересных новообразования можно наблюдать в бессарабских говорах. Наши болгарские говоры пережили и переживают много важных процессов в области лексики, синтаксиса, морфологии и фонетики. Изучение их – первоочередная задача ... болгароведов».²²

«В плане наших диалектологических исследований стоит составление словаря болгарских говоров СССР. Значение такого словаря для каждого диалектолога очевидно. В связи с этой работой был составлен словарь села Твардицы».

«На территории СССР... диалектолог может наблюдать и язык болгарского города со всеми его характерными признаками... В городе получают особое развитие профессиональные диалекты; на основе различных территориальных диалектов возникает общегородское койнэ. Все это требует от диалектолога применения более сложных и разнообразных методов изучения, нежели при изучении обычных крестьянских диалектов».²³

Этот взгляд С. Б. Бернштейна на перспективы изучения болгарской диалектологии в бывшем Советском Союзе остается актуальным и сегодня. Ученым России, Украины, Молдовы, а также Болгарии предстоит приложить усилия для дальнейшего комплексного лингвистического исследования языка таврических и бессарабских болгар. В целом труды С. Б. Бернштейна и его учеников являются фундаментальной теоретической основой для исследований языка бессарабских болгар. В работах ученого-слависта намечены цели, задачи, пути и методы исследования этого объекта лингвистики. Сегодня мы можем сказать, что актуальными остаются и создание полного словаря бессарабских болгарских диалектов, и исследование состояния этих говоров в городских условиях, и взаимовлияния болгарских говоров с другими языками контактной зоны, а также лингво- и этнокультурологические аспекты исследования накопленных лексических материалов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Из воспоминаний С. Я. Бернштейна (Бернштейн С. Я. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002) 1946 г., 24 мая

«По поручению директора Института русского языка составил план сектора на будущий год. Задача простая. По разделу славистики я наметил составление первого диалектологического атласа на основе изучения болгарских говоров нашей страны. К лету 1947 г. должен завершить составление вопросника атласа. Первая экспедиция в болгарские села Бессарабии состоится летом 1947 г.» (с. 79).

1947 г., 5 августа

„Вчера вернулся самолетом из очень интересной поездки в Бессарабию. Задач было много: познакомиться с состоянием болгарских говоров, установить маршрут экспедиции будущего года, собрать дополнительный материал для вопроса Атласа. Я впервые был в Бессарабии, прежде видел ее только из Тирасполя и Паркан. Положение в Бессарабии тяжелое. Кишинев в развалинах. После страшного недорода летом 1946 г. прошедшая зима унесла человеческих жизней больше, нежели война. На каждом шагу видны следы голода. Встретили меня молдавские лингвисты очень приветливо... Мы выехали 9 августа на юг. Посетили Комрат, Кирсово, Твардицу, Чадыр-Лунгу, Вале-Перже, Тараклию, Болгарийку, Болград, Чешма-Варуиту. Измаил, Каракурт, Вайсал, Бановку, Татарбунар, Сарату, Волонтировку, Каушаны, Бендер. Поездка продолжалась 11 дней. 20 августа мы были уже в Кишиневе» (с. 111).

1948 г., 27 августа

Вчера прилетел из Кишинева. Экспедиция прошла очень удачно... Выяснено, что необходимо обследовать говоры Таврии. Без таврических говоров много неясного остается при изучении бессарабских говоров» (с. 126).

II. Из воспоминаний учеников С. Б. Бернштейна

Академик Н. И. Толстой – выдающийся советский и российский славист-филолог:

«Сочетая педагогическую с научной работой, восстанавливая почти разрушенную в середине 30-х годов славистику, Самуил Борисович создает новую поросль, новую когорту молодых славистов, теперь уже признанных и заслуженных ученых и педагогов... Энергичность и целенаправленность Самуила Борисовича как научного мэтра, руководителя и организатора крупных научных предприятий и работ обеспечили довольно быстрый подъем славянского языкознания в нашей стране...».

Толстой Н.И. 60 лет служения славистике // «Studia slavica» К 80-летию С.Б. Бернштейна. М., 1991. С. 20.

О. А. Князевская – одна из первых студенток-болгаристок С.Б. Бернштейна, участница диалектологических экспедиций в Бессарабию:

«Лекции Бернштейна восхищали слушателей четкостью и отточенностью изложения. При этом он читал их в свободной манере, иногда слегка жестикулируя, и доходчиво, так что за ним было легко записывать. И читал без единой бумажки, опираясь лишь на богатство своей памяти! Нас поражали обширные знания Самуила Борисовича по истории славянских языков и славянской диалектологии; он приводил по памяти примеры из рукописных источников прошлого и множества славянских говоров, как и данные других индоевропейских языков. Память Бернштейна была уникальна... Собственно лингвистические проблемы конкретных славянских языков непременно соотносились им с судьбами реальных носителей, и в этой комплексности изложения, направленного от исторических фактов к фактам мышления, заключалась характерная особенность его курсов».

О. А. Князевская. Воспоминания давней ученицы // Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна. К пятилетию со дня кончины. М., 2002. С. 7.

Н. В. Котова – участница диалектической экспедиции в Бессарабии:

„Первое, что возникает... в памяти при мысли о Самуиле Борисовиче Бернштейне, – это наши незабываемые диалектологические экспедиции 1948–1950 гг. в болгарские села Бессарабии (Молдавия, Украина) и Приазовья (Украина)... Первая экспедиция в болгарские села Бессарабии состоялась летом 1948 г. Мы впервые погрузились в живой языковой материал, «кочуя» по болгарским селам под жарким бессарабским солнцем. Естественно, было немало трудностей, и в наших спорах (как и что записывать, ведь нередко разные «исследователи» слышали диалектные формы по-разному), арбитром выступал Самуил Борисович. Он учил нас слышать диалектную фонетику, смотрел наши картотеки, корректировал выбор «информаторов». Не раз ему приходилось решать и возникавшие бытовые трудности. Элегантный, подтянутый, в белом костюме, он производил неотразимое впечатление на сельских жителей, легко договаривался в правлении колхоза о том, чтобы нам, в те трудные для Бессарабии неурожайные годы, выдавали хлеб. Или возникал, все такой же элегантный, в белом костюме и шляпе, почти ночью, как *deus ex machina*, проехав несколько десятков километров, чтобы выволить меня из военной комендатуры г. Болград, где я сидела, арестованная за хождение по Бессарабии без надлежащих документов. Но, кроме всего, Самуил Борисович пробуждал в нас интерес к людям, к окружающей жизни и незаметно и ненавязчиво «строил» нас как личности. Сам же он был яркой личностью, надолго запомнившейся студентам-болгаристам, учившимся у него в Одесском университете, и болгарам-учителям, которых мы встречали в селах Бессарабии и Приазовья...

Лингвистические идеи, заложенные в нас Самуилом Борисовичем Бернштейном со времен его первых экспедиций, остаются перспективными и актуальными до сих пор... Одна из таких идей – «диалект как система». Она предполагает описание современного состояния диалекта как одного из срезов его исторического развития. В лингвистической практике она предполагает создание не «дифференциальных», а «полных» диалектных словарей, отражающих всю лексику диалекта, которую диалектологу удастся записать. Этот принцип Самуил Борисович последовательно отстаивал в спорах с болгарскими диалектологами....

Тщательно составленные «полные» диалектные словари в сочетании с записанными от разных представителей диалекта текстами позволяют не только описать систему говора (на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях), но и показать существующие в диалекте стили, свойственные речи разных групп носителей говора. ... Эта идея и ее практические реализации близки к идеям, получившим развитие в структурализме и в той области лингвистики, которую теперь называют социолингвистикой...

Другая идея – «язык (диалект) в контексте других языков (диалектов)», идея, плодотворно развивающаяся в работах Самуила Борисовича и его учеников по балканистике...

Еще одна идея – о «переходных зонах» между диалектами, реализуемых «пучками изоглосс», – также привела к идее определения «удельного веса» изоглосс и количественного исследования языковых явлений...“

Котова Н. В. Наш учитель // Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна. К пятилетию со дня кончины. М., 2002. С. 7-9.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Аванесов Р. И. Сорок лет в славистике // Исследования по славянскому языкознанию: Сборник в честь шестидесятилетия С.Б. Бернштейна. М.: Наука, 1971; Венедиктов Г. В. Профессор С. Б. Бернштейн как диалектолог. Вступительная статья // Бернштейн С. Б. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000 и др.

² Аванесов Р. И. Указ. соч., с. 19.

³ Бернштейн С. Б. Страницы из истории болгарской иммиграции в России во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 1. – М.- Л., 1949. С. 327-341; Он же. Из истории болгарских поселений в Крыму. (По материалам Одесского исторического архива) // Исследования в чест на М. Дринов. София, 1960. С. 273-281 и др.

- ⁴ Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002.
- ⁵ Бернштейн С. Б. Болгарские говоры Украины (Ольшанский район) // Наукові записки Одеського педагогічного інституту. – 1939. – Т. I. С. 111-123.
- ⁶ Аванесов Р. Указ. Соч., с. 18.
- ⁷ Цит. по: Там же, с. 19.
- ⁸ Там же, с. 20.
- ⁹ Там же, с. 21.
- ¹⁰ Лингвистический атлас // Известия ОЛЯ, т. 8, вып. 3, 1949. С. 21.
- ¹¹ Венедиктов Г. В. Профессор С. Б. Бернштейн как диалектолог. Вступительная статья // С. Б. Бернштейн. Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. С. 6.
- ¹² Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи и комментарии к картам. С. 5
- ¹³ Български език, 1959, № 2, с. 183.
- ¹⁴ Статьи и материалы по болг. диалектологии, вып. 10. С. 143.
- ¹⁵ Венедиктов Г. В. Указ. соч., с.11.
- ¹⁶ Лингвистический атлас болгарских говоров... , с. 29.
- ¹⁷ Аванесов Р. Указ. соч., с. 25.
- ¹⁸ Там же, с. 27.
- ¹⁹ Бернштейн С. Б. Задачи изучения болгарских говоров СССР // Ученые записки Института славяноведения, т. II, 1950. С. 219-224.
- ²⁰ Там же, с. 35.
- ²¹ Там же, с. 35.
- ²² Там же, с. 38.
- ²³ Там же, с. 38.

Опубликовано в: Relatii Moldo-Bulgare. Chisinau, 2011. – С. 76-87

УВОД КЪМ СБОРНИКА „ЕЗИК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА НА БЪЛГАРИТЕ В МОЛДОВА”¹

Известно е, че езикът е универсален код, чрез който можем да открием особеностите на една личност, а и на един етнос. Във всички статии, поместени в този сборник, изследователите се обръщат към езика на бесарабските българи, преселници от България. За някои от авторите обектът на проучване е самият език (т. е. това са чисто лингвистични проучвания), а за други – езикът е източник и средство за опознаване на особеностите на културата, отразена в езика. В предложения сборник читателите ще намерят статии, посветени на проблемите на социолингвистиката, диалектологията, фолклора, етнолингвистиката, културата на речта, стилистиката, етнокултурологията и т.н.

Толкова широк спектър от проблеми, теми и подходи се обяснява с няколко причини. Първо, редколегията целеше да запознае читателите с основните насоки на българистичните проучвания, които днес се провеждат от изследователите в Молдова.

Второ, така или иначе тези проучвания са свързани с езика на местните българи и ще бъдат интересни не само за специалистите, но и за всеки, който иска да научи нещо ново за своя роден език.

И трето, засега този сборник е първият опит за подобно запознаване с живия български език в Молдова от гледна точка на културата, историята и актуалното му състояние.

Най-ранният интерес към езика на бесарабските българи и първият опит за проучване на българските говори в Бесарабия (днес на територията на независимите държави Молдова и Украйна) е свързан с името на големия руски учен, академик Н. С. Державин и неговия труд «Българские колонии в России», т. 2. Язык. Петроград, 1915. По онова време историята на българските преселници в тези краища наброява около сто години. Следващият мащабен опит за проучване на същите говори се прави в края нас 40-те години от ХХ в. Създава се група от диалектолози (учени, аспиранти, студенти), оглавена от известния руски учен лингвист С. Б. Бернштейн. В продължение на около десет години се събира обилен теренен материал, който методично се обработва и публикува. Издават се фонетични записи, коментари, речници. През 1958 г. е издаден «Атлас болгарских говоров в СССР». Този атлас съдържа 109 карти, които класифицират говорите, показват фонетичните, акцентологичните, морфологичните и лексикалните им особености. Въпросният «Атлас» е снабден с встъпителни статии и коментар към картите.

¹ Статията е написана в съавторство с Н. Н. Червенков

Интересът към езика на българите от Молдова и Украйна се активизира отново към края на 80-те – началото на 90-те години от ХХ век. Специалистите от Молдова, Украйна и България правят отделни опити за проучване на съвременното състояние на езика на бесарабските българи.

Външната причина за тази активизация са политическите, социалните и културно-икономическите промени, станали през периода 40-те и 90-те години на ХХ век в този регион. Вътрешната причина са промените, които неизбежно настъпват във всеки език и отразяват промените в социалния и културния живот на един етнос, микроетнос, социална група и т. н.

През последните десет години в различни издания в Молдова, Украйна и България срещаме публикации за частните езикови особености на местните (бесарабските) български говори: прави се опит за проучване на билингвизма на местните българи, проявява се интерес към социолингвистичната ситуация в българската среда в Молдова и т. н.

Естествено, необходими са нови, съвременни подходи в описанието на езика на българите в Молдова, което ще даде материал за разнасочени проучвания и изводи. Първо, ние ще можем да проследим промяната, настъпила в езика на местните българи след 50-те години на ХХ век. Второто обстоятелство е възможността да се проследи състоянието на говора на отделни села, като се използват записите и проучванията, направени от групата на С. Б. Бернштейн през 50-те години на ХХ в. Освен това интерес представлява диференцирането на езиковото състояние по различни социални групи; разлика в речта на селските жители и изселили се в града; езикът на неизучаващи и изучаващи българския книжовен език.

Общата демографска картина на българското присъствие в Молдова, както е представена в монографичното изследване на учените И. Грек и Н. Червенков, днес е следната. От 90 хиляди българи почти 40% живеят в градовете – Кишинев, Тираспол, Бендери и др. Останалите 60% са селски жители или са жители на тези селища, които неотдавна са получили градски статут. Общуването на български език в по-широки функционални сфери е представено в местата, компактно заселени от българи – в малките градчета (Кахул, Тараклия и др.) и в селата, докато в по-големите градове, според Т. П. Стоянова, българите говорят роден език само в семейството, и то не винаги. На фона на тази ситуация по-ясно се очертава актуалността на българистичните проучвания в Р. Молдова. Надяваме се, че първият опит за такъв подход към езиковите проучвания ще продължи и по-нататък, като привлече вниманието на специалистите по езика и културата.

Няколко думи за конкретните изследвания. В своите проучвания на територията на Молдова и Украйна С. Б. Бернштейн и колегите му откриват 104 говора, които след описването им се свеждат до 77. Колко са

българските говори в Молдова днес и как са се променили през времето е открит въпрос. Отиват си, изчезват от езика не само думите, отиват си и някои традиции, обичаи и част от фолклора. Много е запазено и изследователите бързат да го запишат и да проучат стъпка по стъпка това, което има опасност да изчезне.

Днес причините на промяната са не само в това, че си отиват старите хора, а езикът на младите отразява новите явления от съвременния живот. Важно е, че младото поколение – студенти и ученици – получи възможност да се запознаят със съвременния български книжовен език, което не може да не повлияе върху родния им говор. От значение е и фактът, че върху родния им език се активизира влиянието на румънския език, макар че руският език продължава да бъде език на обучение и език на международно общуване.

Двувековното съседство в Бесарабия на българските говори с румънския, руския и украинския език се отразява и като езиково, и като културно влияние. Записаният и представеният тук езиков, фолклорен, а и друг материал дава определена възможност за такива наблюдения.

Дълго време сборникът беше с неясна съдба. В резултат на дългогодишните и полезни контакти на Дружеството на българистите в Република Молдова и ВТУ “Св. св. Кирил и Методий” той достига до своите читатели. С любезното съдействие на проф. д-р Иван Харалампиев, ректор на ВТУ и заместник-ректора доц. д-р Атанас Дерменджиев сборникът беше включен като обособена първа част от осмия том от авторитетната поредица “БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ”, излизаща във Велико Търново от 1992 г. под общата редакция на проф. дин. Петър Тодоров.

Опубликувано в: „Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали”. Том осми (Увод към сборника). Велико Търново, 2004. – С. 27-31.

БЪЛГАРСКИЯТ ЕЗИК В МОЛДОВА

(Материали за проучване)

През лятото 1997 година група българисти от Научното дружество на българистите в Р. Молдова организира социолингвистична експедиция, задачата на която беше събиране на теренен материал във вид на звукозапис на речта на българите, живеещи в Молдова. Беше разработена кратка програма, която предвиждаше записване на текстове, представлящи езика на комуниканти от различна възраст, пол, образователно ниво. Записът се правеше в три населени пункта – с. Паркани, гр. Тараклия и с. Кортен. Планираше се записване на говорите в селата Валя Пержей, Кирсово и Кайраклия. Надяваме се, че в следващите публикации ще запознаем читателите и с текстовете, записани в тези селища.

Предлаганите текстове са предназначени за специалисти диалектолози, социолингвисти, студенти, изучаващи българските говори (в рамките на диалектологията като учебна дисциплина) и речта на българи, живеещи извън България като диаспора.

Предполагаме, че представеният материал ще въведе в научен обрат (а и в учебния процес) нов фактически материал, който разширява нашата представа за съвременното състояние на българския език в Молдова.

Записите представляват монологична реч на информатори (разгърнат отговор на въпроса на записващия, понякога отговорът е доста пространен, цялостен разказ). Някои записи са представени във вид на диалог между информатора и записващия.

Текстовете от комуникантите с едно местожителство са подредени по възрастови групи. Дават се кратки сведения за информаторите. От тези данни може да се извлече допълнителна информация за връзката между социалната характеристика на говорещия и езиковите му особености. Смятаме, че за местните условия (както винаги става при социолингвистично проучване) са важни характеристиките: възраст, образование, местопроизход на информатора. Произходът на нашите информатори основно е от селището, в което те живеят и работят, но образованието и възрастта явно влияят върху комуникативните единици в речта им.

Нашата основна цел е представяне на езиковия материал. Без да си поставяме за цел задълбочен диалектоложки или социолингвистичен анализ на този материал, ще направим опит за най-общи наблюдения върху езиковите особености на записаните текстове.

Заслужава внимание езиковата ситуация днес в Молдова изцяло и в селищата, където правихме записа. Езикът на международното общуване

е руски. Българите извън семейството общуват предимно на руски, макар че мнозина от тях владеят румънски и гагаузки. На официални места те могат да общуват и на румънски.

Засега в речта на българите от средна и по-млада (ученическа) възраст доста голямо е влиянието на руския език. Но все пак езиковите елементи, заети от руския език (а понякога и от румънския), напълно са подчинени на езиковата система на българския говор – родния език на информатора. Подчиняването на руските (по-рядко румънските) езикови елементи на родноезиковата система от една страна е начин за обогатяване, запазване, а от друга – възможност за разширяване на функционалните сфери на българския говор на българина в Молдова.

Социалната реалност днес позволява (а и изисква) да се разширят сферите на функционирането на българския език поне в Тараклийския административен район, който получи статут на културна автономия. Българският език тук се изучава в училищата, има класове с обучение на български език, работи колеж-лицей, който вече от няколко години подготвя детски учителки и начални учителки за малки класове, които ще преподават на български език. Всичко това влияе върху езиковата ситуация в тази част на Молдова, както и върху езика на определената част от носителите на говора.

При изучаване на съвременното състояние на българския говор в едно или друго селище трябва да имаме предвид няколко важни момента.

1. Днес българските говори в Молдова не са това, за което са се смятали според традиционно отделяните (имплицитни и експлицитни) признаци. Известно е, че тези признаци са следни: безписменост, териториална затвореност (ограниченост), локалност или локализираност, социално-демографска затвореност.

Преди всичко диалектът престана да се реализира само в неграмотна или малограмотна среда (Шапошников, 50). Определен диалект е ползван не само от селското население и не само от хора в единствена социолингвистична и лингвокултурна роля. Промениха се също културният и езиковият облик на българското село, както и на българина, живеещ на село. Причината е в по-активната и по-тясната връзка с градските форми на живота, в по-активните контакти с другоезичното обкръжение, а и в структурата на дейността на селския жител.

Всичко това е един деформиращ фактор за говора поради самата логика на живота.

2. В един говор обикновено могат да се отделят различни социални подсистеми – «архаична» част и други функционални части.

Особено актуално е разграничаването на тези части днес, когато носителите на говора са хора с различен социален статут (образователен,

професионален) и с различни индивидуални социолингвистични особености (ако говорим за идиолекта и социоекта).

Във връзка с казаното смятаме, че е важно един и същи говор да бъде описан в рамките на няколко десетилетия, да се опише функционирането му в различни социални групи, битуването му в условията на различни обществени формации (преди 40-те години на XX век; от края на 40-те до края на 80-те години, което е проблемно; след 90-та година). Тук се има предвид включване на българските села, които са на молдовска територия, в различни държавно-административни и демографски системи.

3. Важни са и особеностите на един и същи диалект (или диалекти), които се проявяват в речта на представителите от различни възрастови групи, мъже, жени (Тодоров Н., 56).

Посоченият подход ще помогне да се придобие представа за реалното езиково съществуване, за процесите, които или размиват българския диалект, или го променят структурно в определените части на цялата му езикова система.

Ако говорим за по-архаичния езиков и речев материал, то той, естествено, се открива в речта на по-възрастната група информанти. Тук трябва да направим уговорка за понятията «архаична част» и «основа на езиковата система на говора». За «по-възрастна» ще приемем група от лица с възраст над 60 години. Основата на езиковата система на говора и архаичната му част са доста устойчиви на фонетично и морфологично ниво, макар че и тук има иновации. Лексиката е най-динамичната част.

Вътрешно говорите не са еднородни: речта на интелигенцията, речта на хората с по-ниска степен на образование и т.н. се различават предимно на лексикално и синтактично ниво. През последно време езиковата ситуация се е усложнила във връзка с това, че има хора, изучаващи книжовния български език или имащи чести контакти с българи от метрополията.

Картината се оказва доста сложна и нееднородна, ако преминем от процеса на «инвентаризация» на езиковите елементи в речта на информантите от различни групи (по селища, по възраст, по образование) към опит да открием определени процеси и тенденции в движението на говора.

През последното десетилетие специалистите филолози насочват вниманието си не само върху диалектните особености на българските говори в Молдова или Украйна, но и върху социолингвистичните им особености. Тези особености са свързани не със специфичните за определен диалект езикови единици, а с характера на попълването му с нови единици (заемки, словообразователни единици), възникнали като средство за нормално функциониране в определена социална среда и речева ситуация. Всичко това изисква внимателно, прецизно и многостранно описание на речевия материал. Колкото по-голям ще е обемът и по-диференциран (по социал-

ни параметри) на записания материал, толкова по-точна представа за съвременното състояние на българския език в диаспората ще получат специалистите. Надяваме се, че представеният материал ще даде възможност да се направи професионална крачка към решаването на очертаните задачи.

В края на публикувания материал ние даваме списъка на литературата, която ще помогне на студентите, а и на всички, интересуващи се от проблема, за да се запознаят с тази работа, която вече се върши в проучването на говорите. Няколко думи за условните обозначения, приети в представения фонетичен запис на речта на информаторите. Фонетичният запис е опростен.

/ - кратка запетаечна пауза.

// - точкова пауза.

... - продължителна пауза.

Н - неясен текст в магнетофонния запис.

‘(Ь) - мекост на предходната съгласна (пред гласните И, Е се отбелязва не винаги).

В - водещ записа.

И - информатор.

g - звучният вариант на Х.

Асимилационните явления по възможност са предадени подробно.

п - сонорна, появяваща се вместо Н пред Г и К.

Не са отбелязани интонациите. Трябва да се подчертае, че в представените тук български говори (особено в речта при по-младите) няма или почти не се срещат полумеки съгласни, а под влияние на руски език пред гласните Е, И съгласните стават палатални. Палаталността на съгласните пред гласните Е, И в транскрипцията не се отбелязва.

Тъй като е трудно да се представи основен анализ на езиковите особености на българските говори в Твардица, Кортен и Паркани, предлагаме описание на отделни характеристики на кортенския говор, защото записите на информаторите от това място са по-обширни.

Най-общите наблюдения показват, че в резултат на езиковата интерференция между руски и български език в речта на информаторите от средна възраст (около 30-годишни) има някои явления, които се проявяват в говора системно, в речта на по-възрастните – рядко или вообще не се срещат. Това е нов за говора тип редукция на гласните.

1. Наред със замяната на О >У, във връзка с традиционната за говорите засилена лабиализация в думите от български произход (хазайству, гудина, пулвина), същото явление наблюдаваме и в думите, зети от руски (на прутяжени, девучка).

2. В зетите от руски език думи се спазва руски тип редукция на неудареното О (О>А) – «в калхоза, палаженията, паливийти култури, палучавами».

3. Има думи, заети от руски, в които едновременно присъства и руски, и български тип редуция на О (О >У, О >А) – палаж'енийту, д'евчката, д'евачката.

Характерни фонетични явления в областта на гласните.

1. В българската реч на някои комуниканти се появява гласна, характерна за руската фонетична система, означавана в руската азбука с буква «ы»: пал'ивыйти култури, б'ах вынужд'ина.

2. Наблюдаваме замяна ъ>а *сарце* – сърце, *мажъ* – мъжа, *фаф* – въ , *каде* – къде, *ас сам* – аз съм.

3. Замяна и>а след палатални съгласни *сарак* – сирак, *рабутях* – работих, *куп'ал йам* – купил им, *уч'ах* – учих, *тр'анайсти* – тринадесети, *чет'ар'и* – четири.

4. Замяна е>а след палатални съгласни *ум'ич'аниц'и* – момиченце, *д'ев'ат* – девет, *г'ин'аколук* – гинеколог, *меткол'адж* – медколедж, *м'ен'а* – мене.

5. Наблюдаваме елизия на гласните в началото и в средата на думата (е, и, а,о): *лоз'ту* – лозето, *н'т'е* – не те, *да дунса* – да донеса, *м'ехиц* – месец, *млад'т'и* – младите, *т'ехн'икта* – техникат , *ф'це* – овце.

Характерни явления в областта на съгласните.

1. Наблюдаваме последователна замяна в>х. Можем да предположим, че този преход е станал чрез последователна промяна в>у>х:

ух къшти – в къщи, *ух т'ах* – в тях.

2. Във връзка с горепосочената промяна интересно е да отбележим замяната х – съкратени гласни й, у, а: *запомн'ау* – запомнях, *ход'айми* – ходихме, *п'ишайм'и* – пишехме, *ас муж'ий* – ас можех, *прай'аами* – правехме, *наченау* – наченах (започнах).

3. Замяна ф >х: *хлиза* – влиза, *картох* – картоф.

4. Замяна св >хв: *хв'ишч'иц'и* – свещици.

5. Уподобяване на съгласните дн >нн: *с'енна* – седна, *сренна* – средна.

6. Изпадане на съгласните в средата на думата.

в: *заг'ам* – загъвам, *криу* – криво, *утори* – отвори, *изучаан'и* – изучавани, *вар'и* – върви, *ко* – какво, ж: *моах* – можах, м: *дуам* – думам, х: *наченаа* – наченаха.

7. Изпадане на съгласни в началото на думата.

иктарт'и – хектарите, *ум'ич'аница* – момиченца, *ар'еса* – хареса, *ус'имд'ис'ет* – осемдесет, *с'ички* – всички, *не'ска* – днеска.

8. Срещат се палатални съгласни пред следващи твърди и меки съгласни, а също в края на думата.

мал'чик, *с'инт'абр*, *д'евуч'ка*, *кагул'скуту*, *мал'жит'и*.

Морфология

1. Под влияние на глаголите от I спрежение окончанията за I л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. се разпространяват върху глаголите от II спрежение: *дильт* – делят, *в'идът* – видят, *ша заварат* – заварят.

2. За образуване на бъдеще време на глаголите се изпозват частиците *ша, ши*: *ша бъди* - ще бъде, *ши ходи* - ще ходи.

3. От сложните минали времена в текстовете срещнахме само минало неопределено време: *н'и си ли духадала*.

Посочените особености са малка част от многото, които се откриват в предложения запис.

Транскрибирани текстове на магнетофонни записи от информаторите, живеещи в село Кортен.

Записите са направени през август 1997 г.

Водещи записа – Снежана Стоянова, Екатерина Челак. Транскрипция – Надежда Кара, август 2000 г.

Запис 1.

Информатор - Феликс Савий, 20-годишен; завършил медицински колеж.

И: аз жувеих ф кагул / ф каминка жувеих //

В: насам ни идваши //

И:духождах//

В: а на български ут куяа гудина хуртуваш//

И: уже дауно / ут четири гудини//

В: ду тугае ваш'е ни знаиши български//

И: мчи тъй /разбирах//

В: и раскажи /как уч'обата//

И: май тешку /ну веч' са спраям//

В: миналта гудина завърши школата//

И: ас завършах школта уж'е четири гудини //дев'ат класа свършах/ сетна три гудини са уч'ах х меткол'аджа и ун'с гудина и пустъипих... школта завърших ф кагул//

В: ти работиш ф този бар//

И: ч' пумагам/ т'с девач'ка мий плим'аница/ ф школта са учи//

В: брат да имаш/систра//

И: систра имам / на ч'ит'арнайс' гудини//

В: ти български ф училиште нейда да си учил//

И: сал тукъ /ф селу//

В: как са казваш //

И: савий феликс фьодорович'//

Запис 2.

Информатор - Николай Люленов, 33-годишен; завършил селскостопански институт в г. Кишинев; работи като агроном; роден и израснал в с. Кортен.

И: асам Николай л'уленов/ рабут'а ф корт'ан аграном/ от усимдисе й шеста / ид'анайс'ата гудина// на нескашния ден палаженийата ... не

йе по убаву чем фаф другити хаз'айства / ш'ас палаженийету.../ ситуацията е сложна / но тем ни менийе ний успешну завършахми уборкмата / навреми/ пулч'ахми хубаф уражай //в данный мамент са занимавами с падгатофкай поч'вы г зиме //... загатофкай силаса / вот //.

ф аграфирмата са выраш'ш'иват паливийи кул'туры /адналетнии / мна- галетнии/ зимка /папур/ патсолнич'ник выраш'ш'иваим /гарох/ сич'кити па- ливийти култури II от/ имами винаградники //сат имами// ф хаз'айству //вот// хаз'айству има свой винзабот // дету /кстати / на выруч'ава / уже / на прут'ажении пет гудини // благодар'а на ай тос винзабот/ ний выж'ивавами болейе или менейе / палуч'авами зарплата / навреми // ий гу /иди ошти идин бригадир // сними си учелкити / йала ши хуртуваш//

В: ко сти завършили //

И: ко аз завърших// кишин'офски сел'ска хазайствинный институт // усимдисе й шеста гудина //агронамический факул'тет//

В: а башта ви й ут тука ли//

И: и башта ми/и ас/ и мама/ и ас сам родум уттука //

В: а в балгарийа ходихти ли//

И: ас ни сам бил // ко / искати да чуйти нешту за балгарийа//

В: а жина ви ут каде й / ут тука ли//

И: не / жина ми ут украинта / на руски дома гуворим // и сас дицата // иам идна девуч'ка и идин мал'ч'ик // девач'ката ф шести клас /ид'анайси гудини // мал'ч'ика / дв'а гудини и пул'вина // девач'ката знай изика // т'а й при баба си // ас рабут'а тука / а жувейа фаф чад'ра//.

Запис 3

Информатор - Безволева Домника Ивановна. Родена 1911 г. в с. Кортен.

В: койа гудина сте//

И: аргати ход ...[Н] той утива х т'ах // и казва ти сматри / да нта заварат ух къшти / викам ш'и гледам // има ли уд гат си сеннали тукъ / той замина / кът зе да са чуа батареяа доу / батареяа трей/ бож'и што за ч'уду / пък то тый къкту тева луз'а пък и там има гора / като отпрайаха армияа салдати / идат пр'аму тука прие, туй лози / ма минават прие сридата / ас си загъам дитету ивана загъвам гу ф рьци и тый гу дърджа и утидах на синура / тук къкту през пол'винта лоз'ту им / има път уттам / ут гурата насам / сат ай тый вика / астай буеру маре / астай буеру маре / ас ништу не дуам / се раката си махам / отидуха / ама подир малку нали трыгнаха то за уда / то за сол / пък то армияа салдати прайали маневри / пък / ас ух т'ах младти гудини то страх ма ние тый / ма ние тый // ут малка съм сиракувала и с'арак

стуйах / и сич'куту знам // сич'куту прикарахми на белия св'ат //

В: а в школа ходихти ли //

И: ходихми / веч'ар / веч'ар ходихми //

В: а колку класа сти //

И: а / клас / н'а-ама / мо колкуту пуходихми //

В: ф румънскуту времи //

И: сичкуту знам / полгода там / пишайми //

В: а да читете мойте ли //

И: слабу чита / слабу //

В: на румънски или на руски читети //

И: на руски //

В: а колку дица имати //

И: две имам / детуф пураснаха / пък ино имам умр'алу умич'анци / малку умр'а пък инък / аборти дету / и се испуйадах / казах на попа / казва / ета самый бал'шой грех / а болше ни буйти / никаму ни гаварити / рекъ / ни буду II

В: чи той тука попа на корт'ан // попа на руски хуртуваши //

И: ъ / хуртува на руски и български тр'аа знай //

В: ама то сиа са испувадахти или по-напрет //

И: сига /мо / сига / са глас'ах уш пак да са конкам / се ми са сани ч'и прис квату уда минавам / прис квату кал / ни мужий да са испуйадам ни муж'ий да са конкам ма на сын / на сын млогу / пък / дету жина ни хлиза ух алтара / зыштоту сънуам / чи фл'азах х уалтара и тый ина маса стууи и там гури ино кан'дил'ци / там стуви ина жина / и ас кату хл'азаъ реках б-о-оже-е-е / ми хей тука ку ни сми ...н'ама де да са пумолиш / т'а кай / къту искаш да са молиш ей тук мойш да са молиш / а пак ас кр'иу ми й / криу чи ни мойа да ход'а на черкууа / пък сина ми гу казва / чи кату имам сарце за бога да са мол'а / де да е мойа са прекръет'а / да са мола // други пъг / гробишта нали ги знайти / там къкту стуви тос крѐе /.../ кад'а / и кату удзада мий уш ино умр'алу на сана / пък тук кат са утори ина уврата чи колкуту ми виждат учити толкус нарот се с ай такива хвишч'ици гурът и казват / свадбата иди / свадбата иди / то уш иди умр'алу / тый къкту на сына ми / пък са радват чи свадба / коту на т'ах там хубуу // млогу такива съништа саНуВаг / млогу чи млогу //

В: а ино времи гул'аму хаз'айству имахти //

И: н-е-е / бедну / бедну //

В: ми ко имахти / луз'а / нешту имахти // зим'а имахти //

И: имагми / ми къкту уддилену / тугъс беши тый / дилът на душити / куйту са рудени гат са дил'ала зим'ата имат зим'а / пък куйту ни са рудени / н'амат зим'а / сестрити ми имаха зим'а / а пак ас н'амах // имах колку сестри / две сестри и идин брат / майка ми имала пет дица / пет

дица нарет / се умирали // ачи тук казали чи туй / кът т'а пак са руди да гу фърга на път'а / чи койт ши гу намери и той ши гу кръсти / и можи ши ужувей и те тый гу фърл'али кат са рудилу гу фърл'али на път'а / и бабата / загънала и гу фърл'ала // бабата стуи на път'а / минава идин // циган'ан му имиту глигор / циган'ана гу намери / викал / йа / идин краштел'н'ак / йа идин краштел'ник / и гу зима / и гу фниса / туканак вечи кърсникат кат са науч'ал / каза / то и туй ша умре кату ма устават // на зимат мен'а да гу краштавам // пак майка ми р'иве / казва на ...казва на кърсника ...казва кърсника ас ни са сърд'а / да гу краштава ...три гудини н'ама да гу стригът / гату на ...[Н]

ша му закол'ат // брат ми въспр'ал дицата да мрът // млогу съм ч'ула / прикарала / ма млогу / млогу //

В: а какво с'али на зимата //

И: ко сейахми сейахми житу / папур / картоф / по-ранните гудини викам на мажъ си / пък сни пу башка / иктарти ни пу башка / викам ши зема йй тос картох дребнич'кийъ / чи ши гу сейъ // той вика / прибири гу / чи ши видът хората и ши са смейат / ко прайш / а ас халис с-са курдисам да ма гледат хората / зимах гу и там си купайа а таме / виждам / чи по н'ама да са вижда / искупаъми ина връвичка и ут кофчицата гу напусках //

жина / фаштати ли ми в'ара / сетни идин чувал' картох / ма картох не- е тый / млогу / млогу / таких е премежди съм прикарала / кату кай онзи / сиракувала и аргатувала // младу са ужених хубуу да вида //

В: фце имахти ли //

И: а / там две-три фци // ина крава имахми гул'ам калабалак / два-найси души ф къшти //

В: от по-напрет / кугату сте ошти умичи / вий де жув'ахти //

И: ут корт'ан съм / и мажа ми ут корт'ан / ас сам ид'анайс'ата гудина / той диветта / той давно пучина / ай тый зе да ни мой / пък ас му викам ни мойш и се ходиш / ба / тук пръч'ка си истарвал / таме паннал / са нацапал / чи запри са / ай тый / ба / чи синни / ба / аз да съм кату теб'а / да ни искат ништу удмен'а / сси сенна и сси стуйа / пак ти кат си тръгнал / пак той / бог да гу прусту / чакай-ма / чакай-ма / ши видим / па то прау чи ни съ стув'алу //

Запис 4

Информатор: Лариса Манолова, ученичка в 7. клас, родена в с. Кортен

И: съ казвам манолова лариса стипановна // башта ми гу нарич'ат иванов стипан илич' / майка ми иванова валинтина сим'онавна // ас приминавам ф седми клас и са уч'а ф кортинско средно училиште / ние из-

уч'аваме български изик / той е многу интирес'ан //

В: на колку си гудини //

И: ас тр'анайси гудини сам //

В: а куга ти й рожден ден //

И: ас сам си рудила двацатава фиврал'а приз хил'ада дев'ат стот'ан усимдисет и пета гудина //

В: фс'ака ли гудина празнуваш рожден ден // кой каниш //

И: кана свойти блиски прийатели / и другари и може свойта руднина /лел'а / там ошти д'аду / баба / аз запомн'ау многу / чи сам ход'ала фаф лагер / б'ах ас фаф читвърти клас си уч'ах и многу запомних там играхм' / беш многу интиресну / ходаьми на мурету // вид'ахми идин дил'фин гул'ам // настайашш'

В: кроми кортен къде си ходила //

И: м'ч'и ф разни гарада // б'ах ф тираспал' / фаф / ф кишин'оф / ф болрат / ф кагул //

В: ваф кишин'оф ко праихти //

И: б'ах на църк идин път / ход'ах на пазар'а //

В: ф парка ходи ли //

И: не-е //

Запис 5

Информатор: Прасковия Ивановна Вучкова, 40-годишна; завършила кахулско училище; работи като детска учителка в с. Кортен

И: ас сам буч'кова прасков'а иванна // съм сорокгудишна / и завърших кагул'скуту педучилишиши // имени макаренка / на душкол'нойе образованийь // дес'ат гудини рабутих ф садика / и сетн'а десет гудини рабутих ф школтъ // ф садика рабутих уд йасил'на ду старшайъ / ф сиґкити групи / ф школата б'ах пианерважатайъ и васпитатил' прадл'онай групп / сетн'а уж'е закрихъ пианерската рабутъ / и групити тожь съкратихъ и сегъ н'аам рабутъ // а просту ф школьгъ там н'амъ никвъ раута //

В: а каква рабута фаф групити вапш'ш'е //

В: сигъ н'ама групи // а порану имаши самападгатофка / свабонайа врем'а за дицата / васпитатил'найа работа оч'ин' гул'ама са видеши / клубный ч'асы имаши // сон за мал'кити / за первити класуви // абет // то оч'ин леку бешъ на дицата туй / оч'ин' хубуу / имаши в начали първити гудини беши ду п'атый клас / вклучитил'на / а пак сетн'а уже наченаа саде первый / фтарой клас / сетн'а вапш'е ги закриха //

В: и те там ду вич'артъ сид'ът //

И: да / ду пет ч'ась // посли урокаф сразу атдыхават / абедат / си пучиват / сетн'а си уч'ат дамашнь заданийь / игры / клубныйь часы / развликатил'на праграма абизатил'на и сет'н'а ф пет ч'ась дамой //

В: и най-напреш вий ги каръти да учат / да си прават уроцти //

И: ф нас вапше сампадгатофкътъ / уроцти га си праит / там имшы опред'л'она праграма / как тр'абва да съ гатов'ат / ут куйе да нач'еват / кък сиңкту // туй беш'и кът падгатофка към самъстайатил'ну изучаани на уроцти // имаши и физминутки / и тъкова / ас синкти гудини рабут'а ф лагер'а // и тъе гудина б'ах директор на лагера // сложно / в каком смысли / чи тр'абва дицата да им ареса пак / да си пучиват // мираприятийа разни прайаами / вапервых найжылател'ну на дицата / туй дискатекъ / сига / напрег беши другу / а пкъ сигъ ошти ко прайаами / конкурси разни рисункъф / и прайаами конкурси / мис лагер'а / имаши л'убоф с первава възгл'ада пиридач'та / ход'аъми на гости / йезд'ахми в казаклийский лаг'ар / втората смена ф твардицкийа лагер' б'ахми //

Запис 6

Информатор: Мария Таласимова, 29-годишна; завършила селскостопански техникум в гр. Тираспол; по професия е агроном; работи в с. Кортен

В: ко сти завършили //

И: завърших тираспъл'ский сил'сказахайсний техникум / имини фрунзе / знайти ли такъф има / рабутих па спицал'нъсти три гудини / аграном - аваш'ш'ивот / рабут'ах две гудини памошник бригадира / ам сетн'а рабутих уч'отчик ина гудина / пак сигъ / так слажилис' апстайатил'ства / ч'и сам вынуждинъ там да рабт'а / гур'а жиланийам да си пупанна на мойта рабута //

В: и кво / н'ама овашш'и сига / ни вырашш'иват //

И: има / ну слишкам многу спицалисти /тъй наверну // да кажим // бар'ба за места // казвам са таласимова марийа ш'ийсе и осмьтъ гудина //

В: дица имати ли //

И: да / две / ъй тос / мойъ мал'ч'ик вит'ушь / йаль тукъ / негу мойа / мал'чик / той три гудини ша бьди сига / синт'абр' / пкъ тьс девач'ка фтори клас приминаа / мар'йанъ //

В: как сига животь фъф корт'ан // интиресну ли й да са живеи //

И: жизн'та т'а й интиреснь / но ...

В: вий куга са уженихти //

И: вос'имдисе и диветта / пкъ да кажа пр'аму ч' тьй привъсходну / ни мойа да кажъ / а пкъ да кажъ / ч'и просту и да са махкат ут тук / тожи ни мойа да кажа //

В: къде пучивати / излизати ли ут селу //

И: ну / спасиба / ний пака ошти си старайм хот' коту да видат наши дица // хаг'а то туй не е възможну на сич'кити сим'йи / ами сигъ / ф тьс гудина нийд'а ни ходихми да си пучивами / штоту то н'ама такава ваз-

можнос // мъжъ ми рабути ф калхоза / на мел'ницъта рабочий / хубу /
чи той ошти котата... да н'ее той / са съмнивавам / ч' котата ... //

В: ф кортен колку баруви има //

И: так / ф корт'ан има ...рас, два, три / четири / пет / със калхоз-
нийъ пет //

В: а по-напрет колку ба'ха //

И: а по-напрет беши идин / пък сигъ пет // вари / кан'ешну / кан-
куренийъ / ну ... аднака... // нашийъ бар атукч'кънь / накрайа / ду
автазапрафката //

В: вий сига прайти ли н'акакви сравненийъ // толкува гудини уч'ахти
ф тираспал' сига тука жувейти //

И: да мойъ и да са върна надзат / да бъда пак на первийа курс / ас
штеш да напрайъ сич'ку да ни съ върна тукъ / кват възможнаст имъх да
устана там / неска можи пойчи пол'за штеш да дунса там / чем тукъ / ас
тъй си см'атам / чи пойчи полза // ас моах да устана ф аддиленийтъ там
// имаши припадаватилти очин хубаи / ас са знайъ с т'ах / са срешкам
ошти // ход'а на гости / но ... //

В: а са върнахти тук пу каква причина //

И: чи беши / направленийъ имах / са върнах тука ... саму ай тъс
беш причинтъ // тугас гледахми малку на жизн'ата ч'ут' па другому /
восимс'ат диветта ас свърших / усимсе и дивета / фиврал' ас свърших //

Затис 7

Информатор: Степан Николаевич Банков; 60-годишен; механизатор-
пензионер; роден в село Кортен

И: ас искам да прuver'а тукъ / туйе //

В: вий са разбирати ф техникта //

И: а ми чи / тос мойъ матац'икл / ас / уже / колку гудини / ас ра-
бут'ах / сорук пет гудини рабут'а мианизатар на камбайнта и на трактора
пък сигъньк тос матац'икл сам гу куп'ал ошти ут усимдесе й осма гудина
/ и колку хил'ади имам ус'амнайс' ил' дваиси //

В: и куга гу куп'ахти //

И: усимсе й осма //

В: а ви ко сти завършили //

И: ми за кумбайн'ор / за трактарист //

В: а срен'а школа //

И: ос'ам класа //

В: и училишш'е / нали //

И: ми ф кумрат / за шес мес'ца // изл'азах на пенсийъ ут дивиноста
фторта гудина / ну кък / пу л'готну / на-а / не на ш'ийсе / а ма на пи-
десе й пет //

В: на куи машини вий работихти //

И: ми на фсич'ки / нач'алну ут сич'ки трактури дету гусинич'ни / и там / кал'осны / и там на сич'кити марки и комбайнти тези самайа / наченах уд универсал кал'осный / сен'а са наченаа хатъз сем / гус'аничны / сетн'а са наченаа / гату уже теваха / беларусти изл'азаа / на резинавам хаду / тос / беларус / дету / емтезе два / емтезе пет / и таг далей / паслента марка емтезе вос'ам / на негу израбт'аг ду пенсийта //

В: а ут куга наченахти да глеати хчили тукъ //

И: ут усимсе й читвърта //

В: и как са пулуч'ава туй сич'куту / тье рабта //

И: ми кък / а ный тый / улух идин рой / вий знайти ли како й то / рой / чили / ми тый ми гу улуха другити и ас уд негу наченай и сигъ са занимавам сас туй / таман са глас'а да утиуам при чилит' / те са тукъ / не-е далече / ф пулету там / ду слънч'ууцити / слънч'угледъ / тъзи гудина извадих хубу / ут ц'алкана два бака извадах / сегъ извадиъ ошти пет' / ду слънч'угледа там ги турих близу / те набраха пет' бака ошти извадаъ / ши ги гатов'а уже на зиму // там ку тр'аба коту ша тр'аба / можи ша тр'аба сас сахар да са пукормат малку / на зиму тр'аа да йм упридил'а толкус / коту да йам стигни ч'ак ду прул'аттъ // да стигни кармата // макар ду ф'аврал' мес'ц // сетн'а кат са пулучи н'акуй акошка тый сл'ънци / да моа да ги уткрийъ / ша йам пумогна / ша йам тур'а там малку мет ли там / сироп или нешту / кот да изл'азат / да ужувейтъ ду / кат фантъ да фъркат / иначе ни можи да бъди //

В: купуват ли продукц'ийтъ хорта //

И: ми / май не-е / ми колкту / кату йа има / то ни са порти / той такъф прадукт / той да стуи три гудини / се рауно / ас уд негу ништу ни тир'айъ // пумагат // и крави имам две / фце / имам / хат'а съм самич'ак / айгу / кол'у / той моа син / той фаф нижни новгарат / там / той рабти там при академия наук / там / той ша бъди прафесар / психатирапепфт / негу й жина му / тас / наташа / та гин'аколук / рабути / хубу //

В: вий фсич'куту времи ф корт'ан живеити //

И: да / хсич'куту времи / ну / сам заминаал / там / гату / ф камандирофки / там / с камбайнтъ / там ф казастан / то беши врем'ту / ас ут пийсе й читвъртта гудина съм наченъл да рабут'а //

В: а вий куйа гудина сти //

И: трийс' петтъ / на сид'амнайси / ус'амнайси гудини ас б'аг уже ф алтайский край / ну / кък / рабт'ах камбайн'ор / ма камандирувага / утидах на идин мех'ц' и пул'вина / заработках хубу и са върнах пак // ни б'ах жен'ан //

В: ни помнити румънскуту времи //

И: помн'а / кък да ни помн'а / ас тр'абше да ход'а на школа / ну са пулучи тый / ч' / гату тр'абши да ма приймаат / ас / н'амаши миста и тьс / и са пулучи / чи са утидаха //

В: изика ни гу знайти //

И: пу малдаски л' // знам / кък да ни знам / штоту рабут'а сриди гагаузити / пък гагаузити / те руски изък ни знайт / и аснауном ний / старти хора / са апшаами на малдаускам //

В: а гагауски знайти ли //

И: и гагауски знам / моа са разб'ара сас т'ах / ас гат сам бил у балгарийа / усимдесе й ч'итвърта гудина / ч' / там / турци / нали / и приказвам сас ино турч'анци / пурдаа риба / и ас на гагауском йязыке там / пак то на турецком / са разбрахми / и тоа д'аду мин'ч'у / дет беши сас мен'а / казуа ст'опта / той знай чет'ри йязык'а / казуа / ас сам стар / уже колку гудини сам / значит / и знам сат идин българск' / пак той знай български / руски / малдауски / турецки / четири / изик'а знай / абразаванийа / колку има / ср'адну абразаванийа / ама виш / той ги знай // викам / ми чи тый сам / жив'ал сриди хорта / ний б'айми пригласени / там имами [Н] / алис фаф корт'ан / айгу / васила / мойта / дъштир'а / т'а сигь там жувей /

/В: т'а ни си ли духад'ала //

И: е-ей / тоа / йурта хчера замина там / ц'ала гудина удгат са там //

В: сса връштат назат // в биндерь / те жи имат дом //

И: ми т'аьна рапта / ни са малки //

В: а вашти рудитили / те се тый са ут корт'ан // те б'аха заможни //

И: не / ср'анну / ну кък / те ко имаа там / имаши крава / фд'е / прасе храниха / сенака са пулучи от тый пер'амена ватети / румънци / рускти дудоха / калхоз напрайаха / сичкуту гу зеха и то на ко устана / то пач'ти шта тый кату ний баьми си збрали маниџку пойч' пари гату б'аха нашта рубла сравнена сас долара / и сенакь те р-рас и ги ср'азаха / ас хубуу чи усп'ах / чи вот ай туй си напраях / криша там и койе-што / там цвитной тиливизар / матацикал / от ай тый сич'куту // сенък си устайах си на ч'орный ден' там / на мен'а си две книшки таме / на жината две книшки / дету пет хил'ади имахми / с'о / те кат ги ср'азаа / устанаха пет лейь // а пак за шес хил'ади тугае мойш да си купиш машина / нали // ну с'ош-таки то туй же на хорта байат гул'ама рол / удар / и сигьньк ко / пак изноу / пак фс'о с нул'а нач'инат' / так што / то туй не-е байат слатку // койту има / той има / канешну какрас на т'ах са пада / а на трудовойт чил'ак н'ама // атый аз гу разбирам / ну то наверну айтый // ас сам пу български / пу нашаму / банков стипан никалаич' / сам пинсианер / рабут'а сорук две гудини / миханизатар / фаф нашту селу / камбайн'ор и трактарист / на сич'кити марки трактароу и на сич'кити марки камбайнаф //

Запис 8

Информатори: 1. Саша Вучков; 10-годишен;

2. Иван; 13-годишен

В: как са казваш //

И: саша //

В: а фамилията ти как //

И: буч'коф //

В: на колку си гудини //

И: дес'ат //

В: ф къф клас хойш //

И: утиам ф петийъ /

В: къпити ли са ф лагера //

И: канешну //

В: а ф твардица ходи ли х лагера // ко ти ареса там //

И: алени / лебиди / там имаши / касули // домикити ми ареса там / двухатажни /

В: куй предмети изучавати //

И: математика / руски / чтенийе / български изик / български учим ут первий // ч'тем // мариѝа г'орговна нашта учит'алка / пу синкти / класната учит'алка // ас ход'а за риба / сетн'а пурдаам риба //

В: а каде ходиш за риба / сам ѝа луйш //

И: да / з брат / саша / се тѝй кат на мен'а думат //

В: а кой та научи да луйш риба //

И: (другото момче – Иван) начинайми пу пулега / даваха главн'ти рѝбаки леска / кърч'ки / сен'а уже станаами гулеми / си купувами //

В: кой ви дава пари //

И: ч' сами зарабтавами / ѝа луйм / ѝа съшим / ѝа пурдаами у бара //

В: и ко / сига х корт'ан има х баруути риба //

И: има / ѝа луйш / утиаш дамой / ч'истиш / ѝа сулиш / ѝа нанизваш на върви закач'аш на тавана и сас бинт ѝа пукриаш / утгор'а / да ни ѝа пл'уйѝт мухит' / и т'а съни //

В: и кой та научи тѝй //

И: те прѝаха гулемити рѝбаки и ний са науч'ахми / малка риба сушим //

В: а таку ти какѝф работи //

И: пажарник //

В: а майка ти //

И: мама швийа / дома / т'а шуби ший / папта ми ут Клайпеда //

В: веч' на колку си гудини //

И: тр'анайси //... иван сиргейвич' / восимс'ат читв'ортѝй гот ражден'а / ас тукъ са рудих / сетн'а утидахми там / жувахм' две гудини / сетн'а утидахми насам // дома са научих на български // сас баба и д'аду жувеѝа //

II. Транскрибирани текстове на магнетофонния запис от информаторите, живеещи в село Твардица. Записите са направени през август 1997 г.

Водещ записа – Екатерина Челак.

Транскрипция – Надежда Кара

Запис 1

Информатор: Олга Балтажи, 14-годишна, ученичка; родена в с. Твърдица

И: балтаж'и олга барисавна /чит'арнайси годин / восим'с'ат третта гудина // рудена сам ваф селу твардица //

В: а кой ти й башта тий / майка ти //

И: башта ми барис антонавич' / майка ми балтаж'и прасков'а сиргеивна //

В: раскажи малку за т'ах //

И: тети рабути токар' / но той сиа си прай група // афармл'аа група // мама / рабути на табака // т'а дзад'а гат дод' уд рабта / дзад'а умурена // ну / и ас и пумагам н'акуй път // тети / сиа / пака што / идин на други си пумагами // имам брат / той рабути трактарист // гу викат тол'а // си жувеим с негу / си дувир'авами //

В: ко убич'аш да правиш / усвен да са учиш //

И: да глеам тиливизар //

В: ам да читеш книшки убич'аш //

И: не-а / люб'а да ход'а на дискатека / гул'ай / а такоса-хе // на висел'а // б'ах на два-три годин // и мойта баба жувеи пр'аму напроутиф нас // и мама / и тет'у ход'ага на рабута // и бати на школа / и те ми устайваха у бабини // и ас съм чи кът малка / л'убапътна съм / се да вид'а / ко / й у дума и како / и зех и / ма ни моах тъй хубу да крач'а / и съм палза'ла / и стигнала съм дет нашийа сартир / туалета / и мойта баба ма търс'ала из гиран'а / кръшт'ала на път'а / год'ала у саседити / ну търс'ала мъ // и плачи веч' / т'а нали ни знай де съм са д'анала // вади / гледа сас кохата в гиран'а / ни мой да намери / а пък ас мойа ошти идин'а д'аду рабут'ал трьктарист / и той решил да види / кой у дума / да не е да съм сама / нешту / или н'акуй да й у дума / да види / ко прайм // кат ухл'азъл и ч'уа койту плачи // уг'шъл дет туалета / и ас плач'а // и ч'уа баба кръшти / ол'о-о / ол'о-о / и д'аду га ч'ул и каза / свикърва-а / йега- дей т'а // сват'а / йега-де й т'а /йега / т'а тука // и тъй са кончи //

Запис 2

Информатор: Домна Фьодоровна Пармакли; родена в с. Твардица на 16 септември 1936 г.

бил бугат // нали гу дигага / и те ни муж'иха да гу дигнат / той пуб'агна / утиди ф курж'иката / и тугас / кат утидаха там / ф курж'иката /и там са устройага / и там умр'ага / и ти ги зароу'ага т'аг // пак мама веч' тук кат са ужен'ала и д'ау ти йа зел / ч' млогу нив'а имала / ай т'й / да //

В: д'ау знач' са ужен'ал пу рашш'от //

И: да / многу нив'а имала и йа зели за нив'а // те тугас са женига за нив'а / кат'имаш млогу нив'а / кат' имаш // не глеага гард'еропи / немаш тугас гардеропи / ма кат' имаш нив'а млогу / и ай т'й / кат' имаш многу нив'а / кат' имаш нив'а млогу / тугас ... ай т'й //

В: ам тугас / кугату ги зеха / ай тес нив'а //

И: ам чи гу зега х калхоза и сичкти здауа сич'куту кот имат/ и гата / й гу пр'снага / и с'о / нема ништу //

В: и д'ау станал звинивой / ил' к'ф беш' //

И: д'ау ти тугас стана звинавой / рап'аши / т'й / най напрет ф агарода / утиди // ний ч' тугас ут агарода утидагми х аурамуата бригада на табак / гай тугас хай на карага на т'й / на фермата / да ида и ас // и ас ни утидох / чи те тугас ни утиуха на фермата // и ас ик'м / кой хой на фермата / сал дет нема ак'л // и той д'ау ти тугас / ч' утиди зарад мен'а утиди / на фронта / на фронта гу накарага // п'к инак штеж да й тука / ма ас ни утидох там / и с'о / и д'ау ти утиди //

В: чи а де рабути ти кат ни утиди на фермата //

И: ам чи де рабт'ах / на луз'ата рабт'ах ух /се х т'е бригада / у аурамуф'та бригада // те ма ништ'аха / ништ'аха ма на рабта //

И: мчи зашто //

И: што-от ни ут'уам дайарка / то тугае зорла карага / не а кат ай сига //

В: ам са свака де са пузнаком'ахти //

И: са св'ака ти де са пузнаком'агми //ма-а на т'й / на ух паскал'уа // д'аа ти герги беши бригадир //и д'ау ти веч беши си душ'ел / беж душ'л ут фронта / ч'и беш'и тугаз звинавой тука ге / тука пак беши звинавой / х д'ауа ти герг'уа //

В: кой д'ау герги //

И: паскал'ух / ай т'й / и там / сас св'ака ти //

В: чи той сна как'ф рабти там //

И: амчи св'ака ти беши т'й / ма / йиздавой беши // сас талигата // той тугас с талигата и с кураба / носи грозди // немаш кат сига т'й машини / такое аг'й //

В: а м ви куга са уж'ен'агти //

И: куга са жен'аг ли //

И: Ам пидис'ат седмата гудина // а свадбата не кат сига сас такос / сас машини / а м сас талиги / и ш ч'улуви / и утиуат на черкуута и дет ай черкуута / ай там аг'ий / ни кат хлезим аг' такос / да са винч'авами //

х черкухта / пак унес сич'кити играйат на път'а / там / удвѣн черкуфта
// ма ино гул-л-л'аму играйат хуро // свадби / не сал ина свадба / а
ма колкту има х ц'алу селусвадби / те синкти е там агей / пу сед'ам / пу
ос'ам булки са / из ино // ам чи тугас / кат са винчейм / и секи ши ут'уа
у т'ах веч' //

В: как тугас свадбити празнуваха / ф кышт'ата //

И: ф кашт'ата / и немаши такваса бл'уда / ама г'ич' / ам сал зел'анци
/ курбани / и с'о / и печ'ану ут прас'анци и гата // немаши кат ъй сига //

В: и ти де жив'а кат са ужени / ф свикърва //

И: при свикървата си / амчи как //

В: и как свикървата ти //

И: хубоа беш' свикърва ми //

В: т'а куга пучина //

И: д'ада дъртиа аз гу гледаг / и аз гу испруод'ах //

В: а ма ви сами жив'ахти или там ошти имаши н'акуй //

И: те веч'ак / ас и зълва имах / и градинку / и итърва ми // ма два-
найс' души багми // кат седним ай тѣй на маста и то н'аа м'асту // за
мен'а май //

В: тѣс черкуута нашта / т'а нали дейстуаши ц'алту времи / хич' ни
беш' затвар'ана //

И: хич' / хич' / тук бог ѝа заварди и гората // настуйага горта и
заварди ѝа бох // уд госпуда // гората се тѣй год'аа / и кату год'ага
/ ай тугас / чи прис дуvara / и закл'уч'ану / бат'ушкити там сид'ага /
атец никалай / дет б'ага гу наказал'и / нали забул'а // и умр'а чил'ака /
чи улул ина пудушка или ко беши / аз гу забравиг // и те тѣй наченага
гората да такос / да криштет / ний сми дърти и ши хойм на черкуута //
те б'ага малку устана да ни га рушнат // ама гората дърти настуйага и ни
пуснага // да развал'ѣт ний черкуфта // уд гат утидаг на пенсийа халис
/ ход'а ката ндел'а //

В: а помниш ли / как баба хойши на черкуута //

И: баба ти се тѣй // те ни пуснага // ходами на рабута секи ден //
ката нидел'а ход'ахми на рабута // гон'ат та / искаруат та / кат нема да
излейш / ц'ала ндел'а ши сидиш у уас // пак сига нема / сига негу са
уттри // ни пуснага на на чишмата даж да годим // сид'ѣт / вард'ат //

В: ам на чишмата зашто ни пуснага //

И: мчи на г'арг'оф ден ни пуснага / да ут'ууат // те горта дан ут'ууат
на чишмата / да ут'уйат на рабта //

В: а ма тѣс чишма кой ѝа стройал //

И: м-чи д'аа ти г'орги // забунуф // той // най-напрет му са ѝавилу
// и тугас наченали // збирали / год'али / прайали // виденийа му са
ѝавилу //

В: м-чи то куга й б'ало //

И: ни поуна / ни знайа // баба ти г'орг'уфца / нали йа знайш / дъртата / най-дъртата // ч' на нейа / ч' тейку й / аде ас ши гу поуна // той дърт //

В: ам / лел'о / како знайш за санд'уфта пештера / поуниш ли негу / санд'у //

И: негу поуна / ма ас ни сам флизала и т'а аге' ни сам ход'ала / и тъй сас свешти и б'ало далбоку / сама ас ни сам флизала там и ни знайа //

В: а-м како расказуат // как санд'у утишъл там / манах ли бил //

И: той нижен'ан / той искал да си наказва душата // искал да са наказва / на ондзи св'ат да му й хубуу // пак ний наабарот // ний гледами за тукашнута / пак там ни мислим //

В: и куга той пучинал / а тос санд'у //

И: той гу зеха ф паул'ууту / там пучина // тука има руднина / а ма те н'гу рачига // той беши май тъй мръснич'ак / веч' чи дърти / н'ама кой да гу гледа // кат нема кой а та гледа / и знайш / чи ни мойш / и те гу зеха там // ас ус'амнайси годин раб'ах на фермата // ни пу дванайси крави имагми на чил'ака // пу три и пу четири път'а дуйихми // и ут с'ака крава башка мл'акуту // стаахми ф четири ч'аса // не кату агъй сига //

III. Транскрибирани текстове на магнетофонни записи от информаторите, живеещи в село Паркани.

Записите са направени през април 1997 г.

Водещ записа – Надежда Димитрова.

Транскрипция – Надежда Кара, август, 2000 г.

Запис 1

Информатор: момче, 11-годишно; ученик от четвърти клас; роден в село Паркани

1. Виднъш ас утидах ф музейъ // и си зех там ут вуйнъта беши гилзи и ас си зех // и дудех на другийа ден ф школата // и са пумин'ах с идин мал'ч'ик // той ми дади идин дитунатур ут мина // той вика / гледай ч' тува са взривава // ас ч'ут идин дом да ни взървъ // ас си дувадам // мен ма путкара д'ад'а вит'а // моя вуйч'у // ас си дудех / гу турнах на стола // максим вика / кой то тва / мойету брач'е // аз викам // а тва мойету браче // аз викам // а тва й дитунатур // ни гу барай // той мой сса взарве // пък мойту брачи вика / па / тва й брихн'а // той н'а-ма да са взарве // ну ас фл'агах да са пирублич'ам / удвиднъш ч'увам // гръмна тойа дитанатур и уткъсна пръста на мойту брачи // ас по скору затърч'ах у баба / реках на т'ог'а лариса / коту т'а да дой / да му умий

ръкътъ и да му пириврѣджи // и вот петиту / той фуршш'ик / той има фура // и той негувиѣа приѣател / д'ад'а дима / те гу закарага ф нас / ф бул'ницта // и тва / тей рекъхъ коту да гу закарат фаф тираспол / ф бул'ницта / вдецкѣта // те гу закарага // пѣк ас изл'агаг на пѣт'а да вида // гледам мойа папа кара ут рабута на камаза // и бистру ѣакта гон'и // той вл'аза и вика / ко тука са случи // ас викам / максим му уткъсна прѣста / там / един дитанатур // той вика / бигом за мл'аку давай // ас удих сразу за мл'аку / зех бутилка и ода у кол'ата за мл'аку // купих мл'аку и си дувадам // и пудрѣнкага там // бабата пудрѣнка на мама / на рабта / и ѣ река / чи мѣксим му уткъсна прѣста / и тва / мама си дувада по скороу / вика / иде-ка максимкѣтъ // папта вика / той гу закарага фаф бул'ницѣта / фѣф тираспол / мама вика / давай / виталик / пирублич'ай са / ке одим при максим у бул'ницта // и ас съ пирубл'акъх / седнахми в машината и одим с крѣсник // дукарахми // стана да ми са вий св'ат // аз викам // мамо / ас ми са зави св'ат // мама вика / да ни тѣ ѣ страх // максимкѣтъ ѣ жиф... мама вика / дай сентак ти куп'а бул'ч'ка / ки пуйдеш // ний утидѣхми при мѣксим // при мѣксим никѣй ни пуштага / саде пуснага мама // т'а д гу види // мама му дади там прадукти и ний си утидахми // сента на другийа ден мама утиди на рабута / пак ас фаф школата / и дуде тоа мал'ч'ик / с майка ми / з башта му / да са разбирѣт // тойа мал'ч'ик / гу викага ж'ен'а // ж'ен'ата вика / чи той ни ми дава ништу // пѣк сичкти вид'ага / чи ас сс'а мин'авах // и башта му вика / рас ас на теп ништу ни ти давах / зако ти ми викаш / чи ас ти давах // пак аз викам // ти ми дава / ти ѣ бреш'иш // там ний са разбрахми // той си утиди у т'ах // и ний сента сич'кти са расходихми пу думам // и са дудехми у нас // и ний пак утидахми при максим // той уже му развѣрзага иденийа прѣст // кот той да мой да драж'и да ид'а // и ний му дадагми // дуде крѣснич'ка / крѣсник / ас и мама // и там лижа идин мал'ч'ик / гу викаха костик // той си заби иглѣ ут ѣолката // и лижа в бул'ницѣтъ // мама му направи лимони сас сахар и пил'мени му дукара // максим пуйади // мама пита костика // костик / будиш кушат' / той хека / хач'у кушат' // мама му дади пил'мени / сента тва / лимони сас сахар //

Занис 2

Информатор: момче, 11-годишно; ученик от четвѣрти клас; роден в село Паркани

прикаска / ке българити дудеа ф нашту селу / ф паркан // на българийата нападнуава турцти / ну и българити зѣа да б'агват / и те избигуваха прис иднѣ рика / т'а пу нашиму са назувава Днѣстр / ну и тукѣна беши гура / и българити са пусилиха ф тайа гура / ти испилиха пулвина гура / си направиа кту селу / пак сента / тий ошти пу ч'у-ч'ут зѣа да пил'ат

ут тайа гура / а пак фаф тайа гура / дету тий са пусилига / тукенък беши
иднь ж'ина / т'а га викайа анна // ни и таа гура принадлежа на ней //
и т'а тукинък беши / ну / най-главна // и гату т'а умр'а / тва селу / гу
назвага "парк анны" и сига то си називава тый //

Запис 3

Информатор: момиче, 11-годишно; ученичка от четвърти клас; роде-
на в село Паркани

ас ки расказвам прикаска пру мардз'лива багданка // видньж жив'а /
твь / башта и майка / ф т'ах има доч'ка / га викага багданка / т'а беш'и
мърдзалива // видньш майкта изл'ага на ул'цата и вика // наша багданка
такава марзилива / чи ниште да работа / никаква рабута ни га фашта //
тва / и дуде идин старч'е и пита // дай ми твоята доч'ка за снаха // т'а
вика / т'а йакътъ мардз'лива / т'а ни са гади за рабута // тва / той вика
/ ну и ко / в нас койту ни работа / мой да сиди / койту иска да работа
/ нека да работи // начит багданката са уж'ени за старика // тва / т'а
сиди / ни работа / сич'кти работат / т'а сиди и ги гле-е-еда тий седньхъ
начит да идът / багданка седна със т'ах / тва / идната / тайа / служанка
дади на старика парч'ету сас л'ап / кат той да гу рашч'упи / да / тва / да
раздаде на сич'кти / пък идньтъ снаха вика / а пак на багданка / а слу-
жанка вика / на багданка н'ама / койту ни работа / той ни иде / т'а н'ама
да иде // шот т'а ни рабута // значи ти пуйадага на пладн'а и започ'нага
да работ'ат // рабутага ду вич'артъ / дурде ни съ стимни // тий седнага
пак да йдът // на багданка н'ама л'ап // тий л'агат да спът // багданка
пру себи си си вика // к'е мойш да спиш на глад'ан ж'илудук // и т'а дза-
рантъ / утр'а рану-рану са сабуди / утиди / издой кравти / и ги изгони /
да съ пасът // наготви йедини // сич'кти станага и викат / малацца баг-
данка / сич'ку направи // старика гул'амту парче л'ап дади / на багдат'ка
// шот т'а най рабута // тий поч'нага да прибират / сич'ки пу вьнка /
а пък багданка пу кьшти / и тук дудеха на багданка й майка с башта й //
багданка ут кьшти чувала ги ... на вартич'ка // вика мамо / тато // у нас
тука / кой ни работа / той ни йаде // по скору зимайт' са за рабута //

Запис 4

Информатор: Ана Стоянова, жена на 65 години, родена в с. Парка-
ни, домакиня.

Б'ахми ошти малки / гату са учихми ф школта / ду таво хубуу са учих
/ б'ах пахвалница / б'ах пиридава / пач'отны граматы се беши / кат /
дуйде вуйньта / галадофка стана / брат ми беши уже затекай / упухнал
беши / рабути при ... ф калхоза / а пак ас / мама / одиши то у басара-
бийа / то нататкъ кади русийата одиши / купува картофи / дунаса пак ас

теа картофли ги трийа // пак б'ах манич'ка / чи варь тийа картофли с
 н'аква мука / трица / утиам на пазар'а да прудам // доди башта ми /
 мама / ну к'ала три-четри / можи ши устай брашно на ц'ала нидел'а / пак
 ас... кът свар'а ина мамалига / ми сетна ко ши идеми / джандрич'ка // ас
 сам средна / идинийа брат ми по-гул'ам / другийа по малък // сипа на
 старшийа брат ми / да иде / сипа на малкуту да иде / дурде на мен'а си
 сипа / то уже негууту гу из'алу / ми вика / а дай манич'ку / ас ут те'ба
 ки си зема ч'у-ч'ут / пък т'а штоту редич'ка / и ... ас мий жалку / то ма-
 нинку / иска да иде / ну ко да гу права // ох / тука посли таа галадофка
 / и то нафрет / вуйнъта кату ни беши // таа ду галадофката ний б'ахми
 ва врем'а вуйнъта ивакуирвани ч'ак на украината // на изведаа на украи-
 ната / уставихми тука // пък ва времи вуйнъта / къштити ни ги разби /
 сич'кити // там зараз живеј бардука // рижисира музикити ф клуба //
 фед'у // ну / ладно // ни разби къштата // ду капка разби // фл'агаа
 рускити // изгон'аа руминти // пък тугава посли вуйнъта читири години
 руминити б'аха тука // ...нашата улица дету ас жив'ах беши сич'ката ули-
 ца пълну с салдати //... и се тилифони на [Н] и кату закачиа нашияа
 паркан да бумбът / направиа равнина // самал'отити напуштаа зажигат-
 тилни бомби // дету коту има шумич'ка / дету коту има сламич'ка / дету
 коту сарайчи / дету коту къшта / нашта къшта беши камишова // с камъш
 пукрита // пак то сич'ку изгур'а ду грам /а пак дету пириходнахми ух
 падвала / у сасетката уже другата сасетка пириходнахми / чи и ний б'ах-
 ми насрешту б'ахми у саседити / тьй / и там кату ни пуснаа ина бомба /
 пр'аму фаф фхода / му викат гърлич' // ф гърлич'а прау пуснаа бомба /
 а ... пъл'ан пор'ап с нарот / и ут тува начи кадеш ут тайа бомба / и прах
 ут тва дет са сабори /... лампа н'ама / светими с кандилта / он'а пор'ап
 са сабори / пъл'ан пор'аба с кадеш и с прах / божи / каравул кр'аскат/
 майкити ни кр'аскат каравул / пак идин д'аду кр'аска / жинич'ки / булки
 / а смыквайти каманти надолу // и ша изл'авати пу маничку нагоре //
 мойта майка / бента / га кантузи / а пак н'ий б'ахми трити дица //... и
 кту разбутаа тиа камани и пу тиа камани вравим / вравим / изл'авами и
 сич'кити са измъкнахми // га вравими ду вратич'ката / мойа подрушка /
 жен'а беши / и уткъсна кракъ ч'ак ут въ... ду гори // жива беши ошти //
 и ас кату вравь / он'аа крак / кървишта / на идни кунци / на ино парч'е
 мисо са даржи / и кр'аска / систрич'ко-о / нинко / падруж'инко-о /
 спасавайти ма / а м кой да га спас'ава / гат секи б'ага // пак мойта май-
 ка б'ага приз наш арман / прис ч'уждити арман'а / б'ага ч'ак на другата
 улица б'ага //... пак ас вода малкуту нашту мумченци // ну то годинки
 можи дес'ат да беш'и / брачиту ми малкуту гу вода // кр'аска / мама /
 ч'акай на / т'а ни на чува / гледами де т'а оди // ни сас нейа бигом /
 бигом // га фл'агахми там / т'а кат закачи / зе да ни пригръшта // за-

качи да ни цалува // детки мои / де ви б'ахти / пък ас ва тръса ни моа да
ва намера нийд'а // мамо / нидей кр'аска / нали такава // и тъй ... си
дудохми / б'ахми ф сасетката / фаф похр'аба // послѣ пак ко / иваку-
ирват синкити улици // синкийа нарот паркани // на вакуирваха сразу
село // пак там ай такиви кулиби / гул'ами кулиби / уд зимата ч'ак //
там хората багату жив'али / чи дражали там сино / там зрѣнь дръжали /
за куне / за крави / а пак ний имахм'и кравич'ката / нашта си га зехми
там / и лел'а зе кравич'ката / и ний значи / ко / ут там / дудохми ф .../
ф ...ний дадуха идин сарай / уже на две семи // и тос сарай да са пукрий
// сид'ахми ний ф тоа сарай / колкату сид'ахми / давай да вравим дал'ш'и
// одихми ф ... там / на балката ч'ак / далеку / далеку / там военни са
/ йакъта многу // ас и мойта систрич'ка двайурудна / на лелини тож'е
доч'ка / такъва точ'ну кату мени / ни дават наши майки манинки ведар-
ца / ни дават мл'аку / мин'увахми мл'акуту на тва... и наши майки ут
тийа пишкирч'ита ни шиха роклич'ки да има с ко да са убличем //зани-
сем ний там мл'аку // носим пу две видра пълни // кой захар парче дал
/ кой парче сапун / койту коту има // салдати искат мл'аку / н'амат с ко
да си куп'ат // наши майки ги и страх да идат да пурдават / те млади //
нас на праштат // а пак ний ход'ахми чак ду т'ах // рускити б'ага //
колкату ний пруб'агми там / сена / гат си дудохми пудър / вуйнъта / де
ний да са д'аним / гату къштата ний ет' разбита / ет' разбита // сору-
читв'ортга гудина / ф апрел'а ли беш'и // ти ни поуниш / тъй казвайа
// си дудохми ний жибаш ут там / де са д'аним // одим у лелини //
лел'а насрешту // така / наискус'ак живеѣ уу нас / мам'ана систра / по
гул'ама // одим у лелини / там да жувеѣми // у лел'а такава мун'ч'е /
кту унаа / кату мойа брат старш'ийа / и доч'ка такава ж'и кату мени //
ний нали двети на ина нидел'а разлица имами // то ли т'а по гул'ама / то
ли ас по гул'ама // мойта майка га идила нейди / лел'а ма дувѣла // и
нейнугу си дувѣла // дудохми си ут ивакуац'ийата давай да одим ф школ-
та пак / ас искам да ода ф школта / да са уч'а // си додим ут школта /
с'адами ф къшти и пишим // то ма гони // врѣй си у вас // ас ида ф
сарайа / сенна да си пиша / доди си мама / ас плач'а / плач'а / ана ма
бий / ма гони / ни ма пушта да си пиша / ко ас да права // си дуде мама
// ну малч'ете / ну пишети / мож'и ш'и даде бох н'аква кухнич'ка да си
напраѣм на двора / и тугава да си излезѣми // какту си напраѣхми кух-
нич'ка / саде га пукрига // дурде пукриха къштта / дурде га измажѣми
/ ф пор'аба с'о времи // сичку ни бешѣ пак ф пор'аба натур'ану // пак
ва времи вуйнъта ни б'аа дрейти ф погр'аба / салдати / вуйени / ранини
фливаа фаф погр'аба / ни накъсаа падушкити / колку имахми падушки
// накъсаа падушкити // за вину гу пурдадуха с'аки руски иван иска да
выпѣй // ни зеха синкити дрехи / на уставѣха биз нет ничиво // нийда

ништу // и наш'ийа башта беши ваф трутармийа // в гурев // има гурев
 // то ч'ак на севера // такъф горут // нали ва времи вуйнъта той беши
 ф армийата и сетни / ни знам ко там са напраили и чи испратиа синкийа
 полк ги испратиа фаф трутармийа // пак той кату беши сапожн'ак мойа
 башта / и той на негу кадету муй трудну / ну не е тъй трудну // пак мама
 тук му збира пусилки му испрашта / сушени сливи му испрашта // той
 там ги пурдава // те й струват рубла штуч'ката / на ранишни пари //
 ний исками уд мама малку сливи да ни даде // т'а ни ний дава / ний гле-
 дами да си уткрадним пу н'акуй слифка // и сента гату ний тайа кухн'а йа
 справихми биз мойа башта / башта ни си дуде / ф сорук сидмата гудина
 / па мойму той начена да работи // фаф биндер / нам ф кви ч'афути ни
 зе талонч'ата / да одим / да зимами ката ден две самунчита л'ап // ас
 уж'е ф калхоза утидах да работ'а / дажи поварка ма турнаа / чи аз б'ах
 шустра такъва // ма турнаа поварка да варь // дал'ш'и ко да прайм // ну
 тук ас уж'е мумич'ка // са уж'ених сид'амнайси години // ама ас са
 уж'ених зарад мойа брат // тука мойа брат оди при нашта бул'а / дету
 той си га зе // т'а иска да са ужени // а пак мойа башта ми казва / чувай
 / мо / гледам / чи ти куртиш с йаргени // дувадат йаргени // н'ама ли
 да ти румни да са ж'ениш йа // а пък ас ко да са жена // ну нийд'а ништу
 н'ама ни убликло / нет ничиво // ж'акетчи ино идинствину и сас шал //
 куфайка нимах на грабь // пудира мама куфайка ми купи // ну да ви
 кажа / ке дал'ши уже пруйзлези нашта жизн'а казват ми аку ки са ж'ениш
 / казвам / ас н'ама да са ж'ена / правете къшта / направиха нашти къшта
 сорук див'атта гудина // пуйадахми и иди мойа хазаин да са ж'ени //
 викам / ти ки са жениш за мена / ми ас / викам / н'ама да та зема // ми
 што на'ма да ма земиш / вика / ас сам грозен ли ко // ас му викам / ке
 та зема // камедийа // той вика ас вечи пугълч'ах саз вашти // и мойа
 башта ми вика / ч'увай мо / мума мо / башта ми лош беши йакта / май-
 ками йакта хубава беши // ас чисту на мойта майка м'азам // мойа брат
 са гуди ф нидел'а / пък той дуде фаф фторн'ак // мойа хазаин // идат
 брат'а му синкити // с байан свират // сас четири байана // ду таво
 свират // пак ас плач'а дувада негувийа старш'и брат и ми вика булка /
 уж'е булка ми вика / булко / што вий плач'ите // а ас ништу ни викам
 // ний са гудихми ваф читвъртак / мойа хазаин се беши музикант // ас
 ни гу убич'ах / вапше виках / сса уништожа / н'ама да живея // ну той
 доди при мени и коту штеш ми вика / се хубави слува // и патинци / и
 красавица / и лубач'ка / и дочин'ка / и золутко / и коту штеш той ми
 вика // стани хот' манич'ку / стани хот' манинку // пак тайа / вера /
 мойа падрушка / мо / мино / стани / мо / стани / мо / дуде / мо / гу-
 диника ти / стани да пугалчиш с негу // веро / б'агай / чи и теб'а ки
 намраза млакни й / и тъй теб'а ки намраза / той доли / нукуй ни гу

вижда // ас ни станах ни идин ден и ко / фторник той дуде / поели свад-
 бата / ф ср'ада „. / и ф читвъртак младийа ни дувада / ф читвъртак мла-
 дата тр'аба да съ кьпи / да си мий главъта / чи ф петак уж'е млада // и
 поели дуйде петък / уже гата / уже млада // ой / са напраих млада / и
 връвъ кату унайа абиз'ана / чи държъ углидалту / са угл'авам // чи кра-
 си-и-ива б'ах млада // б'ахми двайси четири млади // са винч'увахми //
 най красива б'ах ут фсич'кити // и връвъ кату унайа убиз'ана//и викам
 / бож'и / што съм раст'ала такава красива / на когу ас на сетна са пруда-
 вам / за ко ми й тва било нужну // ну той красиф ми хазаина беш'и / и
 убав / и сич'ку // ну ас имах л'убоуник // той беж зет на белуморкана-
 ла // утиди уш дугувор беши да са дуч'аками / моя башта ми ужени
 силум и брат ми и мен'а ма уж'ен'аха // да ни прават два расхода // ту-
 гава нийд'а ништу нима // сич'ку // моя башта иска дама ужени силум
 // и ас / ошти / га са женихми уже / на убърнаха / доч'ко // на катаха
 на каруца и на шума / на ина каруца и натур'аа шума // и кту са спуснах-
 ми / дету белта гура / удгори надолу / а пак там беш'и гробишта/ уд
 гробишта кришки най такива / кришки / дету гора / кришки на дувар'а
 // инь кришка беши и кату удар'а коллоту тайа кришка / и на убърна
 пр'аму у батака // ма-аа-мо / пр'аму на направи на чуч'ала // девера си
 сч'упи кракъ / каруцата вапше са нач'упи // ма-а-мо // и / ну / колку
 имами уд б... калхоза уу лелини // метруу двести има ли // метруу двести
 живеи мойа лел'а //... тука-а / ко / на убърнаа ф тоа батак / ну / той /
 ф куст'ум чер'ан убл'акан // пак ас сас розоф сатин / бл-е-ед'ан / бле-
 е-ед'ан... // пак паднахми ф батака // каруцата са нач'упи // кугат
 върв'ахми ду лелини // децата криштът / то ч'учила вървът // пък ас
 плач'а // сич'кити на гледат // сич'кити ма вид'али гат сам била уцапана
 / ас никуй ни вид'ах // дуйдохми тука / моя башта ми дужил'и за мени
 / са упъна да бий младийа / там мъже ни моат да гу успукойат пр'аму на
 свадбата и ко той младийа винуват / са винувати кон'уха / нали пийат
 кату прасе // онеа куне ги гуни / бизбожну ги гуни // хората питат /
 куйа млада са убърна / казват / най красивуту младу/ фс'о / тати знайа
 / чи тува сам ас уж'е // рас най красивата млада // двайси четири млади
 б'ахми // ас ни знам ништу / ну хората уже галч'ът / чи най красивата
 млада са убърна // тва ас // дудохми ний сената уттам // дудохми пиша
 / н'ама с ко да си додим уже тука // пак ран'ш'и калхози б'аха айг'а /
 уттам арка / б'аа три калхоза и удвът арката / си тъй // шопити бага три
 калхоза и гу (Н)... три калхоза б'аа // сетна са збраха на два // гул'анти
 егин / шопти един калхос // ут шес калхоза са збраха на един вапше //
 туканък и ч'у пък / беши идин бригадир у-у бав ч'ул'ак йакътъ беши //
 той тъй ма убич'а мени // той кат ч'у / чи мени ма убърнага / зарас из-
 веи кунети / дет придсидатила возат // первити куне на калхоза //

дурде ний идим пиша дунас // там каруцата ни ч'ака // да на закара тука / ф тоа двор // кату на дукараа ф тоа двор тука / ас ма й срам ф кьшти да флеза / и плач'а / ну пр'аму ма фаштат и ма носат // ма дувл'акаа йели / йели ду брата и фс'о // ас ривах / плаках //

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас болгарских говоров в СССР. М, 1958.
2. Бернштейн С. Б., Чешко Е. В. Опыт классификации болгарских говоров в СССР // Ученые записки Института славяноведения АН СССР Т. IV. М., 1951.
3. Грек И., Червенков Н. Българите в Украина и Молдова. Минало и настояще. София, 1993.
4. Державин Н. С. Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Пг., 1915.
5. Кара Н. В. Състояние и функциониране на българския език в Молдова // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том шести. Велико Търново, 1997.
6. Кара Н. В. Болгарские говоры как объект лингвистического описания // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.
7. Кара Н. В. Языковая ситуация в Молдове и ее отражение в речи студентов-болгар // Единство народов Р. Молдова и проблемы идентификации этносов. Кишинев, 2000.
8. Кондов В. И. Фонемный состав и дистрибуция на звуковете в бесарабския говор на с. Кортен // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.
9. Неделчев Н. Предварительные наблюдения върху историята, характера на диалекта, езиковата ситуация и статуса на българския език в г. Тараклия, Р. Молдова // Неделчев Н. Българистика и публицистика. В. Търново, 1996.
10. Неделчев Н., Чухацкая Т. Лексикална интерференция в ойколекта на гр. Тараклия // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1997.
11. Новаков С. З., Червенков Н. Н. Прошлое и настоящее села Кирютня. Кишинев, 1980.
12. Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР Вып. 2-10. М., 1952 – 1962.
13. Стоянова Т. П. Състояние и перспективи на образованието на българите в Република Молдова // Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1997.

14. Тодоров Н. Н. Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.

15. Шапошников В. Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // «Вопросы языкознания», 1999, № 2.

Опубликовано в: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том осми. ВеликоТърново, 2004. – С.31-58.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК МОЛДОВЫ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

В 90-е годы XX-го века, в связи с тем, что Молдова стала независимым государством, язык болгар Молдовы, наряду с языками других национальных меньшинств, получил возможность функционирования в новых для него условиях и сферах. Новые сферы функционирования для болгарского языка – прежде всего учебно-научная и публицистическая (язык периодических изданий и публичных выступлений).

До этого периода болгары Молдовы использовали родной язык в основном в повседневно-бытовом общении, в устной форме. Письменная форма была представлена крайне ограниченно – в публикациях произведений нескольких болгарских поэтов на родном языке (Нико Стоянов, Петър Бурлак-Вълканов, Георги Барбаров). Но малый тираж и ограниченный круг читателей этих изданий не позволяют говорить о реальном функционировании болгарского языка в диаспоре в художественной, т.е. эстетической сфере (оговоримся, что эстетическая сфера функционирования языка всегда была представлена фольклорными текстами).

В конце 80–90-х годов XX века болгарский язык в Молдове начинает использоваться в СМИ (передачи на телевидении, радио, газета на болгарском языке), при проведении мероприятий болгарскими общественными организациями. Безусловный интерес для лингвистики разных направлений представляет устная форма языка болгарской диаспоры в новой для него сфере функционирования – сфере публичной коммуникации. В изучении языка болгарской диаспоры используется и более широкий подход. Приведем высказывание украинского исследователя этого объекта – Эльзы Стояновой: «Логично было бы предположить, что без особых усилий со стороны лингвистов целесообразно внедрить в среде диаспоры литературную норму, уже сложившуюся в метрополии. Однако мы считаем, что необходимо более взвешенный подход при определении места современного болгарского литературного языка в континууме бессарабского болгарского койне, учета характерных черт внутренней и внешней системы последнего. Для решения этой проблемы требуются комплексные исследования современного состояния островного идиолекта, в том числе его устной и письменной формы» (выделено нами – Н.К.) (1).

Сфера публичной коммуникации связана с «вторичными социальными отношениями» (2), которые характеризуются недолговременностью (ситуативностью), большим числом участников (коллективный адресат). Как правило, это сфера не личного, а делового общения и соответствующая ей речевая ситуация.

Диалектный язык болгар Молдовы функционировал только в бытовой (первичной) среде и располагал соответствующими лексическими и стилистическими возможностями (средствами). Эти языковые средства оказываются недостаточными как элементы кода при необходимости выразить значения и смыслы, связанные с понятиями, относящимися к бытовым сферам жизни человека.

Болгарский язык в Молдове функционирует в нелитературной форме, в отличие от языков русского и государственного. Язык метрополии (Болгарии), как русский и государственный в Молдове (в отличие от языка болгарской диаспоры), с точки зрения социолингвистики, представлены в обществе двумя разновидностями – разновидностью с «высоким статусом» и с «низким статусом». Обычно в обществе между двумя этими разновидностями существует функциональное разделение: *высокий статус* сохраняется для «формального», «публичного» использования, часто признаваясь юридически официальным языком государства; «эта разновидность языка отмечена более сложными... формальными лингвистическими признаками, чем *низкий статус*...», – в противоположность «неофициальному» статусу, «домашнему» использованию разновидности с *низким статусом*, с ее изменчивой и часто «упрощенной» структурой, ограниченной устными каналами коммуникации» (3). Для обозначения такой ситуации обычно используется термин «диглоссия».

Считается, что практически во всех языковых сообществах всегда присутствует противопоставление *высокий статус: низкий статус*. С учетом этого противопоставления определение диглоссии дано болгарским социолингвистом М. Виденовым: «Диглоссия – это языковая ситуация, в которой для коммуникации определенных общностей функционируют разноуровневые – высокие и низкие по престижу – формации безотносительно к их генезису (структурные формы существования одного и того же языка или различных языков)» (перевод наш – Н.К.) (4). В нашем случае, в условиях диаспоры, в среде болгар Молдовы, мы наблюдаем ситуацию, когда в языковом и речевом континууме сегодня происходят изменения. Эти изменения связаны с формированием *отсутствовавшего ранее* отношения *высокий статус (В): низкий статус (Н)* на уровне вариантов одного языка.

Каковы особенности разновидности (формации) В болгарского языка диаспоры с точки зрения социолингвистических и структурных особенностей?

Отметим следующее. Как правило, участники публичной коммуникации – представители болгарской интеллигенции, чаще это люди от 30 до 70 лет, жители города в первом, реже – во втором поколении; носители одного из болгарских диалектов Бессарабии. Речевые ха-

характеристики (возможности) болгар диаспоры – участников публичной сферы коммуникации на родном языке: владеют нормами русского литературного языка, его стилистическими вариантами, в частности – нормами официально-делового и публицистического стиля, реализуемыми в соответствии со степенью личных языковых способностей, степенью образованности; знакомы (в различной мере) с современным болгарским литературным языком (языком метрополии) – в его устном и письменном вариантах.

В публичной речи коммуникантов на болгарском языке наблюдаются следующие особенности:

- широко используется нейтральная лексика болгарского языка (не маркируемая как диалектная);

- используются отдельные диалектные элементы (либо не осознаются говорящими как «непрестижные» (Н) или стилистически неуместные, либо говорящий не находит в процессе речи соответствующего слова-заменителя);

- лексика и идиомы, маркирующие публицистический стиль, заимствуются из репертуара соответствующих стилистических средств русского языка;

- для номинации явлений, не отраженных в лексике диалектной речи, также используются слова русского языка. В зависимости от степени знакомства говорящего с литературным болгарским языком, в его речи используется также лексика и языка метрополии.

В целом, не отвечая нормам современного болгарского литературного языка, проанализированные нами тексты публичных выступлений (5) воспринимаются и самими говорящими, и слушающими как «высокий» (В) (престижный) вариант речи (языка). В наблюдаемой нами речевой ситуации активизируется определенный речевой код. С точки зрения социолингвистики код определяется как комплекс правил функционирования языка. Согласно мнению М. Виденова (6), «код находится в зависимости от сферы, которая обобщает такие конкретные данные, как социальная характеристика говорящих, отношения между ними, тема, психологический климат во время речевого акта и т. д.» (перевод наш – Н.К.).

Как известно, социальные отношения могут быть «первичными» и «вторичными», вследствие чего в речепроизводстве участвуют одни или другие правила, т.е. различные коды. В выборе кода проявляются два вида генеративов – 1) константные и 2) вариативные. К константным генеративам относятся: образование, профессия, происхождение, место рождения, место проживания, пол, возраст, этническая принадлежность и т.д. Они влияют на речевые особенности коммуникантов. Эти речевые особенности реализуются как «маркеры». При анализе языкового (рече-

вого) материала нам неизбежно придется оперировать этой категорией. Социолингвистическое понятие «маркер» – основное понятие в научном анализе современной лингвистики. Определяя некоторый элемент речи как маркер, мы предполагаем его сопоставление с нейтральным членом оппозиции. Как правило, в качестве нейтрального в языке и речи воспринимается нормированное, а «маркер» – явление, находящееся вне нормы. Следовательно, точкой отсчета маркированности становится «норма», которая соотносится с тем, что мы считаем «нормой» (7).

Для анализа из массива звукозаписей мы выбрали два варианта. Тексты записей не приводим, представляем только языковые и речевые маркеры, характеризующие речь говорящих, учитывая личные характеристики и особенности речевой ситуации.

1). Первая запись – материалы из звуковой записи речи болгарина – представителя творческой интеллигенции. Возраст говорящего – около 60 лет; житель города, родился в болгарском селе, связь с селом не утрачена. В городе живет со студенческих лет. Владеет родным, русским и молдавским языком (трилингв). Знаком с болгарской художественной литературой. Часто бывает в Болгарии. Связи с метрополией – многолетние. В речи отражается некоторое влияние норм современного болгарского литературного языка. Запись сделана во время участия в дискуссии с представителями болгарской интеллигенции. Обстановка – полуформальная. Группа небольшая, демонстрирует скорее «первичные», чем «вторичные» (уже упомянутые) отношения. «Первичные отношения... определяются долговременной и тесной пространственной близостью, характеризующей малое число участников. Обычно также имеется согласие в целях, широкая осведомленность о других участниках, истинная (внутренняя) оценка этих участников и отношений с ними... С психологической точки зрения, такие отношения демонстрируют обязательную солидарность установок и ценностей, что является первостепенным фактором при выборе и использовании кода» (7).

Представляем некоторые фонетические и лексические особенности, проявленные в публичной речи наших коммуникантов.

Фонетические особенности

На этом уровне в речи говорящего наблюдаются два явления:

- особенности диалектного произношения,
- влияние произносительных особенностей русского языка.

В речи представленного выше коммуниканта на фоне немаркированных фонетических элементов отметим следующие диалектные явления:

- а) усиленная редукция безударной гласной [о] – переход в [у]:

упунент (опонент), профисиуналист (професионалист), удавна (отдавна), иврупейски (европейски), фулклор (фолклор), нипузнати (непознати) и т.д.

Отметим, что данное диалектное произношение отражено и в словах, заимствованных из современного болгарского литературного языка.

б) переход безударного [ɛ] в [и]:

пидисе (петдесет), плимина (племена), савреминната (съвременната) и т.д.

Под влиянием произносительных особенностей русского языка наблюдаем следующие явления:

а) изменение безударной гласной [ъ] в [а]:

хитар (хитър), сажаление (съжаление), васприели (възприели), балгарийа (България), вапрос (въпрос), кам (към), савпада (съвпада), ваф (във), санародници (сънародници),

савреминната (съвременната) и т. д.

б) изменение гласной [ъ] в [э]:

вэрна (върна), бэлгарску (българску), мэмриш (ъмриш), мисэлта (мисълта) и т. д.

Лексические особенности

На фоне нейтральной лексики можно считать маркированной лексикой диалектизмы, русизмы и слова, заимствованные из современного болгарского литературного языка. Последнее – свидетельство влияния современного языка метрополии на язык болгарина Молдовы, диалектный в своей основе.

В силу особенности темы общения, речь коммуниканта включает:

1) большой пласт книжной лексики современного болгарского языка, так как соответствующие объекты номинации не отражены диалектной лексикой. Приведем некоторые примеры:

упунент, за сажаление, нипузнати народнустии, уткритии, фулклор, имам съмнение, сми васприели, цивилизацията, византия, изопшту, донякъде, заблуда, наивисти, изградени пуетичиски закони, ниво, аутентичност и т. д.

2) Русизмы – *немного, чаще – это речевые клише: просту (просто), плюс тва, стартуву ниво.*

3) Фонетические диалектизмы: *пидисе, тэй нататъка, ний сии.*

2) Вторая запись – речь докладчика на отчетно-выборном собрании. Речь подготовлена в тезисах, поэтому в развернутом виде мы можем ее рассматривать как неподготовленную (8). Запись сделана в речевой ситуации, где коммуниканты находятся во вторичных отношениях. Аудитория – представители болгарской общественности, в основном – интеллиген-

ция, бизнесмены. В большинстве своем владеют диалектным болгарским языком, знакомы с болгарским языком метрополии.

Возраст говорящего – 50 лет, высшее юридическое образование; опыт руководящей работы и публичных выступлений на русском языке; владеет диалектной формой болгарского языка, владеет молдавским языком (трилингв); опыт работы в местах компактного проживания болгар Молдовы; давно и довольно часто общается с болгарскими метрополии; бывал в Болгарии.

Фонетические особенности

В отличие от первой записи, где в речи говорящего присутствуют отдельные диалектные фонетические особенности, в материалах второй записи широко представлено диалектное произношение:

- **редукция гласных** [o] - [y], [e] - [и], замена под влиянием русского языка [ъ] - [э],

[ъ] - [ы], [ъ] - [а]:

стуваХа (стояха), кэф и (какъв е), пурдадаХми (продадохме), да пупанним (попадне), вазрудим (възродим), бългaрска (българска), варэт (вървят) и т.д.

- **элизия согласных** в начале и в середине слова и сопутствующие фонетические процессы, затемняющие первоначальный облик слова:

зако (закакво, защо), нескашния (днескашния), кэф и (какъв е), сяку (всеки), да зейм (да вземем), варэт (вървят), сичкума (сички);

Наблюдается и целый ряд других, характерных для местных болгарских диалектов фонетических явлений. Но интересным в области фонетики представляется следующее: наблюдается межъязыковая контаминация фонетического, лексического и грамматического уровней между элементами русского и болгарского языков. Русизмы, вошедшие в речь говорящего и пополняющие недостающую в диалекте тематическую лексику, получают болгарское грамматическое и диалектное фонетическое оформление:

вазрудим, путчеркна, вавличем, маладъожа, первоначалну, газетти, фтор сорт, ашшествинти.

Лексические особенности

В речи говорящего на фоне нейтральной лексики болгарского языка (но фонетически – диалектной) выделяется большой пласт русизмов, диалектной лексики и незначительное количество слов, заимствованных из современного болгарского литературного языка.

Русизмы: *наверну, путчеркна, маладъожа, наченим, да са пувэрним, са-атвецтвайица, придвыбурнта кампания, талчок, ва-первых панятна, на-правлиннасть, ф канечнам итоги, вакрук сябя, ф том числе, пудгатовлина на апридильоним пунктам, любая праверка...*

Диалектизмы: *да турним, вэнкашни, варэт, пудар, квити си, махкат са, зако...*

Лексика, заимствованная из современного болгарского языка: *други ништа, заедно, пусланника, тази инфармация, иканамичиски агенти, замесник* и т.д.

Изложенные выше наблюдения показывают, что сегодня болгары Молдовы, не изучавшие специально болгарский литературный язык, в публичной сфере используют родной идиом, в котором лексические лакуны пополняются за счет русизмов и слов болгарского литературного языка. Процесс этот стихийный, во многом зависит от речевой компетенции говорящего и ряда его личностных характеристик. Но следует отметить, что любой вариант реализации речевой интенции говорящего воспринимается в болгарской языковой среде как узуальный, что объясняется отсутствием языковой и речевой нормы в общественном сознании представителей диаспоры и прагматическими установками участников коммуникации в соответствии с речевой ситуацией. Диалектные элементы в публичной речи не снижают ее статуса как «высокого варианта» (**В**), хотя сама по себе диалектная болгарская речь на фоне нормированной литературной и разговорной русской и молдавской речи получает статус «низкой» (**Н**). Выход в новую сферу коммуникации меняет маркировку соответствующих языковых элементов, но с учетом текстуальности и дискурса. В связи этим можно предположить, что меняется тип диглоссии: болгарский язык в своем употреблении уже не ограничен только бытовой сферой, а русский язык не находится в полной оппозиции с болгарским с точки зрения распределения сфер функционирования в среде русскоязычных болгар.

Литература

1. Стоянова Э. История одного языкового острова. Письменность болгарской диаспоры на Украине. 1861 – 1993. В. Търново, 1997, с. 195.
2. Белл Роджер Т. Социоллингвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980, с.138.
3. Там же, с.176.
4. Виденов Михаил. Диглосията с оглед на българската езикова ситуация. София.2005, с.61.

5. Материалами звукозаписи публичных выступлений представителей болгарской диаспоры Молдовы нам любезно предоставил возможность воспользоваться поэт Георгий Барбаров – главный редактор радиоредакции «Содружество» и редактор радиопрограммы на болгарском языке «Мегдан».

6. Виденов Михаил. Социолингвистический маркер София. 1998, с. 30.

7. Белл Роджер Т. Социолингвистика..., с.138.

8. О подготовленной и неподготовленной речи см.: Е.А. Земская. Городская устная речь и задачи ее изучения. //Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов. М., Наука, 1988, с. 5-43.

Статья опубликована в: Славянские чтения. Вып. 5. Материалы научно-теоретической конференции. Кишинэу, 2009. – С. 57-63.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В МОЛДОВЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Как известно, «в Молдове проживает около 90 тысяч лиц болгарской национальности (в сельских районах – около 74 тыс., а в городах – ок. 16 тыс. человек). Главные места расселения – Тараклийский, Чадыр-Лунгский, Басарабьянский, Комратский, Кагульский и частично Вулканештский район Молдовы. В Припрутских районах также имеются небольшие ареальные группы болгар (в Кагульском – пять сел, в Кантемирском – шесть, в Леовском – восемь. Кроме того, ареальные гнезда из болгарских сел расположены в Чимишлийском (три села), Кайнарском (пять сел) и Слобозийском (одно село) районах» [1].

Язык болгар Молдовы (как и Украины) стал объектом изучения для русских и болгарских лингвистов еще в 40–50-е годы XX века. Результатом целого ряда исследований стало издание «Атласа болгарских говоров в СССР» [2].

Вторая волна интереса к болгарским говорам Молдовы и Украины и их активное изучение относится к началу 90-х годов XX века. Объектом изучения становятся говоры, уже находящиеся на территории двух различных государств, после обретения независимости бывшими республиками Советского Союза.

С 1993 года в печати появляются научные сообщения, связанные с дальнейшими исследованиями говоров болгар Молдовы.

В сборнике «Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине». Кишинев, 1993», опубликованы две работы, посвященные изучению фонетических особенностей диалектной речи болгар Молдовы.

Работа Н. Тодорова «Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи» [3]. Автор считает, что «неправомерно приверженность большинства авторов традиционной схеме описания говоров, в которой гораздо больше внимания уделяется диахроническому аспекту, истории диалекта и языка, нежели современному их состоянию и процессам, происходящим в них сегодня...» [4].

Н. Тодоров глубоко анализирует принятые в современной науке теоретические принципы построения модели синхронного фонетического описания живой диалектной речи [5]. Пересматриваются важнейшие ключевые понятия фонетики и фонологии – фонетическая позиция, фонетический закон, автор подчеркивает, что «модель синхронного фонетического описания языка или говора (языковой системы) включает

в себя три основных компонента: 1) описание системы звуков и фонем; 2) описание фонетических позиций, в которых действуют фонетические законы и результаты действий этих законов; 3) описание фонетических позиций, в которых под влиянием фонетических тенденций наблюдаются те или иные фонетические явления» [6].

В качестве иллюстрации к практическому применению собственных теоретических разработок Н. Тодоров предлагает модель синхронного фонетического описания звукового облика с. Валя-Пержей Чадыр-Лунгского (ныне Тарклийского) района Молдовы. На основе обширного материала, подвергнутого фонетическому анализу, автор формулирует фонетические законы говора и констатирует степень распространённости действия перечисленных фонетических законов по говорам и славянским языкам [7]. Прослеживаются также морфологические особенности рассматриваемого говора, обусловленные действием фонетических законов и явлений.

В упомянутом сборнике опубликована ещё одна работа, посвящённая фонетическим особенностям болгарского говора Молдовы. Это работа В. Кондова «Фонемен състав и дистрибуция на звуковете в бесарабския говор на с. Кортен» [8]. В результате подробного описания и анализа фонетических особенностей говора с. Кортен автор приходит к выводу, что некоторые фонетические явления данного говора обнаруживаются в с. Кортен в Р. Болгария, откуда более полутора веков назад отделился исследуемый говор.

Васил Кондов – один из немногих лингвистов-болгаристов, кто последовательно работает над описанием конкретного говора.

Автор описывает свои наблюдения, касающиеся иноязычного (русского, украинского и молдавского) влияния на произносительные особенности бессарабских болгарских говоров в статье «Към въпроса за чуждоезиковото влияние върху българските говори в Бесарабия» [9]. В результате многолетнего труда в 2003 году автор издает учебное пособие по болгарской фонетике для болгар в Молдове и Украине [10]. По сути это пособие является небольшой монографией, в которой последовательно проводится сравнение между фонетической системой современного болгарского литературного языка и явлениями фонетической системы бессарабских болгарских говоров.

В сборнике «Българският език в Молдова», № 2, Комрат, 2003, изданном Комратским государственным университетом, В. Кондов публикует статью «Към въпроса за акавизма в езика на българите от Бесарабия» [11], где рассматривает влияние русского языка на некоторые болгарские произносительные особенности, в частности, влияние так называемого русского «аканья» на болгарскую диалектную речь в Молдове. Этой же

проблеме посвящена статья В. Кондова, опубликованная в сборнике «Българите в Северното Причерноморие», т. 8. [12]. Автор делает попытку теоретического осмысления данного явления как системного, внутриязыкового, а не только ассимилятивного.

В упомянутом сборнике «Българите в Северното Причерноморие...» опубликованы материалы для исследования болгарских говоров Молдовы, представляющие собой запись текстов, собранных во время социолингвистической экспедиции летом 1997 года. Звуковая запись бесед с информантами разных возрастных, гендерных и социальных групп проводилась в г. Тараклия и селах Парканы и Кортен. Тексты в сборнике представлены в фонетической записи.

Транскрибирование и краткий лингвистический комментарий к материалам даны лингвистом Н. Кара. Представленные записи вводят в научный оборот новый фактический материал, который расширяет представление о современном состоянии болгарского языка в Молдове [13].

В 1996 году, во время своего пребывания в Молдове, болгарский исследователь – филолог, публицист, преподаватель Нено Неделчев проявляет внимание к языку болгар – жителей города Тараклия. В своей книге «Българистика и публицистика» собиратель и исследователь предлагает нашему вниманию ряд статей об особенностях тараклийского говора: «Предварителни наблюдения върху историята, характера на диалекта, езиковата ситуация и статуса на българския език в гр. Тараклия, Р. Молдова», «Текстове (Образци на говора на гр. Тараклия, република Молдова)», «Лични и фамилни имена на бесарабски българини в гр. Тараклия, Република Молдова» [14].

Представленные выше работы касаются описания звуковой стороны болгарских говоров Молдовы. отчасти содержат элементы социолингвистических наблюдений.

За период с 1993 года, когда появились первые публикации о болгарском языке в Молдове, опубликованы исследования, затрагивающие и другие уровни языковой системы рассматриваемых говоров. Большею частью это работы, касающиеся лексических особенностей отдельных говоров, работы по антропонимии, ономастике. Но внимание исследователей направлено и на социолингвистические, а не только на диалектные особенности болгарского языка в Молдове и в Украине.

Известный украинский ученый-лингвист Иван Стоянов в статье «Езикът на българите в украинна и Молдова в социологичен аспект» пишет: «В условията на извършващи се промени след десетилетия на забрва българският език като роден започна да се преподава в Украйна и Молдова. Очакваният резултат от това благородно дело е разширяване на неговите функции, евентуалното прилагане на книжовния вариант сред бл-

гарската диаспора, декларирано със специални закони. По такъв начин се създават условия за подобряване на езиковата компетенция на индивида и стабилността на езика като система» [15].

В том же третьем томе сборника «Българите в Северното Причерноморие» опубликована статья болгарского исследователя Любки Стоичковой – «Към въпроса за различията между диалектна и книжовна лексика (върху материал от диалектите на бесарабските българи)». Автор проводит семантический анализ лексических единиц, обозначающих предметы бытовой сферы. При сравнении соответствующих слов в болгарском литературном языке и в бессарабском диалекте обнаруживаются различные виды семантических несоответствий. Стремление вскрыть причины этих несоответствий, закономерность их появления и определенную систему – в центре внимания исследователя. Автор считает, что «различията между лексиката на названията на предмети от бита в книжовния български език и диалектите на бесарабските българи са от количествен, а не качествен характер и са обусловени от сложната връзка тези диалекти с културно-историческите, обществените и социалните условия, при които живеят техните носители» [16]. Любка Стоичкова продължава работа по изследованию особенностей бытовой лексики в бессарабских говорах. В статье «Към въпроса за номинативните диалектизми в лексиката на бесарабските българи» автор касається малоизученного лексического явления – «номинативных диалектизмов». Наблюдения над определенной тематической группой бытовой лексики говоров приводят автора к выводу: «Така организиран фактическият материал е още едно доказателство в полза на твърдението, че българските колонисти в бесарабия не са случайно обединена маса от емигранти. частичният преглед на регионализмите. лексико-семантични групи и дублетните синонимии... като подход разкрива ...още един интересен социолингвистичен факт: социалните фактории... не заличават лексикалните различия между етническите българи, които живеят извън пределите на Родината» [17].

Несомненный интерес представляют работы, связанные с изучением имен собственных у бессарабских болгар – работы в области ономастики: антропонимии и топонимии.

Исследователь-лингвист Васил Кондов издает книгу – итог многолетнего труда – «Кортенските колонии в Бесарабия. Ономастика. Език». В книге автор остается верен избранному объекту исследования – языку болгар с. Кортен, а теперь уже – и ряда дочерних сел: Антоновка, Димитровка, Новый Кортен, Стояновка, Чобалакчия, Тотована, Викторовка. Автор приводит материал по антропонимии и топонимии и этих сел. В книге даны образцы текстов на местном говоре в фонетической записи, дан лингвистический комментарий ко всем языковым уровням говора.

Несомненно, огромную ценность представляет словарь кортенского говора в Бессарабии, занимающий более 120 страниц [18].

В 2006-м году было издано еще одно исследование по ономастике бессарабских болгар. Это книга Николы Куртева «Селищата с българско население в Северозападния буджак. Ономастика. Етнонимия, Групонимия» (В. Търново, 2006). Сам автор предваряет текст исследования следующим пояснением: «Целта на ономастичното описание е да обхване без изключение ономастичните системи на всички български селища и селища с българи в района на Южна Молдова (Северния Буджак). Описанието се извършва по всички типове ономастични единици... това е първият труд за ономастиката на бесарабските българи, представена в такъв обем» [19].

Следуя за автором, отметим, что в исследовании обработано около 10 000 единиц, которые представлены в алфавитном порядке, сопровождаются пометами о географическом распространении, этимологическим комментарием.

Эти издания – книга В. Кондова и книга Н. Куртева – значительный вклад в болгаристику не только Молдовы, но и вклад в науку, занимающуюся болгарским языковым континуумом как таковым.

В конце представленного краткого обзора работ, посвященных изучению диалектов бессарабских болгар, остановимся еще на одном подходе.

В Молдове, как и в Украине, болгарский язык сегодня функционирует не только в архаичной диалектной форме. Скорее это язык, в основе которого лежат традиционные диалекты. Болгарский язык Молдовы – это и язык литературы, представленный в творчестве поэтов, писателей и журналистов. Приближенный к современному литературному болгарскому языку метрополии по форме, он по своей внутренней – семантической, коннотативной и дискурсивной – наполненности остается языком болгар Молдовы (Украины). Несомненно, этот язык ждет своих исследователей.

Упомянем одну работу, посвященную указанной области исследования. Это статья Цветаны Георгиевой «Идентификация на «родното» («родината») в поезията на бесарабските българи». В статье автор обращается к поэзии таких авторов, как Петр Бурлак-Волканов, Нико Стоянов, Димитр Пейчев, Тодор Стоянов, Тая Танасова-тодорова, Георгий Барбаров. Но, к сожалению, статья носит скорее эссеистичный характер, чем характер строгого исследования [20].

Большой интерес представляет подход к исследованию языка болгар Молдовы, отраженный в работах лингвиста Т. В. Зайковской. В серии научных статей автор представляет материалы по исследованию проблемы когнитивных и этно- и лингвокультурологических особенностей языка болгар в сопоставлении с языками соседствующих этносов [21-26].

В работах исследователей отражен и сравнительно-типологический подход, учитывающий нераздельность явлений «язык–этнос–культура», что важно «в определении ряда черт национально-культурного своеобразия некоторых наиболее существенных элементов языковой картины мира русских, молдаван и болгар (наименование понятий, связанных с пространством и временем, перцептуальными характеристиками..., цветообозначениями, названиями растений и т.п....) [25].

Т.В. Зайковская, исследуя болгарский язык Молдовы как код этнокультурных особенностей народа, на нем говорящего, касается проблемы различия в мировосприятии этносов, живущих в одном государстве. Особым становится, по мнению автора, «значение поиска правильных подходов к решению проблемы понимания Другого в полиэтническом обществе ...» [25].

Отметим также ряд работ специалиста по этнолингвистике Е. С. Сорочяну. Автор занимается исследованием обрядовой лексики гагаузов, но в сравнительно-сопоставительном аспекте изучает и обрядовую лексику болгар. Упомянем следующие работы Е.С. Сорочяну [15; 16; 17].

На основании всего вышеизложенного можно подвести итог. Язык болгар Молдовы – необъятное поле для работы специалистов-исследователей. Намечен только подход в области системного многоуровневого описания этого языка, но практически не затронуты такие подходы в его исследовании, как лексико-семантический, социолингвистический, этнолингвистический, этнопсихолингвистический, лингвокультурологический, сопоставительно-типологический и другие. Все это ждет своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине». Кишинев, 1993. С. 3,4.
2. Бернштейн С.Б., Чешко Е.В., Зеленина Э.И. Атлас болгарских говоров в СССР. ч. I. Вступительные статьи. Комментарии к картам; ч. II. Карты. – М., 1958.
3. Тодоров Н. Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи» // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине». Кишинев, 1993, с. 27-68.
4. Там же, с. 27.
5. Там же, с. 25-40.
6. Там же, с. 41.
7. Там же, с. 51.

8. Кондов В. Фонемен състав и дистрибуция на звуковете в бесарабския говор на село Кортен // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине». Кишинев, 1993, с.68-83.

9. Кондов В. Към въпроса за чуждоезиково влияние върху българските говори в Бесарабия // Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. Велико Търново, 1995, с. 409-414.

10. Кондов В. Помагало по българска фонетика за българите в Молдова и Украйна. Велико Търново, 2003.

11. Кондов В. Към въпроса за акавизма в езика на българите от Бесарабия // Български език в Молдова. Комрат, 2003, с. 60-65.

12. Кондов В. Към въпроса за акавизма в езика на българите от Бесарабия // Българите в Северното Причерноморие», т. 8. В. Търново, 2004, с. 59-63).

13. Кара Н. Български език в Молдова // Българите в Северното Причерноморие», т. 8. В. Търново, 2004, с. 31-54.

14. Неделчев Нено. Българистика и публицистика. Велико Търново, 1996, с. 5-27.

15. Сорочяну Е.С.«Терминология българской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии). Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1995.

16. Сорочяну Е.С. Терминология календарной обрядности болгар Бессарабии / *Lingvistik Balkanik XL (1999 –2000)*, 1, с. 39-71.

17. Сорочяну Е.С. Этнолингвистический словарь календарной обрядности бессарабских болгар / Българирте в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. VIII. В.-Търново, 2004, с. 65-80.

18. Стоянов И. Езикът на българите в украйна и Молдова в социологичен аспект // Българите в Северното Причерноморие», т. 3. В. Търново, 1994, с. 295.

19. Стоичкова Любка. Към въпроса за различията между диалектна и книжовна лексика (върху материал от диалектите на бесарабските българи) // Българите в Северното Причерноморие», т. 3. В. Търново, 1994, с. 311.

20. Стоичкова Любка. Към въпроса за номинативните диалектизми в лексиката на бесарабските българи // Българите в Северното Причерноморие», т. 4. В. Търново, 1995, с. 421.

21. Кондов Васил. Кортенските колонии в Бесарабия. Ономастика. Език. В. Търново, 2005.

22. Куртев Никола. Селищата с българско население в Северозападния буджак. Ономастика. Етнонимия, Групонимия.» В. Търново, 2006,с. 10.

23. Георгиева Цв. Идентификация на «родното» («родината») в поезията на бесарабските българи // Българите в Северното Причерноморие», т. 7. В. Търново, 2000, с. 531-540.

24. Зайковская Т. Национально-культурный компонент болгарского и румынского фразеологического пространства // Болгарский ежегодник Славянского университета. Киев, 1998, с. 256-263.

25. Зайковская Т. Языковое сознание болгар и русских Молдовы // Крилло-Мефодиевские чтения. Калининград, 2003, с. 76-86.

26. Зайковская Т. Язык и национальный характер // Anual Institutului de Cercetari Interetnice al ASM. Vol. IV. Chisinau, 2003, p. 132-134.

27. Зайковская Т. Цветообозначения в мировосприятии болгар // Българите в Северното Причерноморие», т. 8. В. Търново, 2004, с. 137-143.

28. Зайковская Т. Концепт дом как часть ядра языкового сознания русских, молдаван и болгар // Anual Institutului de Cercetari Interetnice al ASM. Vol. V. Chisinau, 2004, с. 108.

29. Зайковская Т. Концепты нравственно-онтологической сферы в языковом сознании русских, молдаван и болгар // Славянские чтения. Вып. 3. Кишинев, 2005. С 50-60.

30. Зайковская Т. Язык – культура – этнос // Anual Institutului de Cercetari Interetnice al ASM. Vol. I. Chisinau, 2000, с. 21-26.

Опубликовано в: *Relatie Moldo-Bulgare: Probleme de cercetare. Chisinau: SSB, 2007. – С. 91-98.*

ОБ ОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ БОЛГАР МОЛДОВЫ

Публичная речь на болгарском языке – это одна из новых форм функционирования родного языка болгар Молдовы. Ее появление связано с изменением традиционных форм жизни болгарского этноса и с изменениями, произошедшими в общественной жизни Молдовы в конце XX – начале XXI века. Напомним, что в Молдове был принят ряд Законов о положении языка и культуры национальных меньшинств, вследствие чего болгарский язык стал предметом изучения в школе и вузе, языком общественных мероприятий в болгарской диаспоре, языком СМИ, научных публикаций (Постановление..., 1992).

Большинство болгар Молдовы владеет двумя языками – родным болгарским и русским – языком межнационального общения, а многие владеют и третьим – молдавским как государственным языком. То есть мы можем констатировать в среде болгар Молдовы массовый билингвизм, а отчасти и трилингвизм. Но названные языки используются современными болгаринами не в равной степени в различных сферах общения.

Традиционно, на протяжении XIX и XX вв., диалектная форма болгарского языка в диаспоре (речь идет о болгарях Бессарабии, сегодня – Молдовы и Украины) функционировала в повседневно-бытовой сфере. Другие сферы жизни – образовательная, профессиональная, административная, общественная и проч. – обслуживались русским языком, а определенное время – румынским. И сегодня (правда, с ограничением некоторых сфер) во всех сферах жизни болгарин употребляет русский язык. Румынский (молдавский) язык функционирует в официально-деловой и ограниченно – в бытовой сфере. Сложившаяся речевая ситуация в среде болгар имеет две характерные особенности: билингвизм и диглоссию, выражающуюся в распределении сфер функционирования между болгарским и русским (реже – румынским) языками в болгарской среде. Как считает Николай Тодоров, один из исследователей языка болгар Молдовы, «изучение языковой (то есть речевой – Н. К.) ситуации в регионе дает уникальную возможность наблюдать интересные процессы самостоятельного развития одного из языков в современных условиях, в ситуации билингвизма и полилингвального окружения, при почти полном отсутствии влияния со стороны структур, кодифицирующих и навязывающих кодификационные нормы родного языка» (Тодоров, 2002, 3). Сегодня традиционная отнесенность болгарского языка в Молдове только к повседневно-бытовой сфере – нарушена. Мы наблюдаем формирование нового типа диглоссии – внутриязыковой – на фоне традиционного би-

лингвизма болгар. Это связано с вхождением болгарского языка в сферу образования и общественной жизни, а также в сферу художественного творчества. Новый тип диглоссии представляет собой функциональное распределение между болгарским повседневно-бытовым, диалектным вариантом – и болгарским, тяготеющим к нормированному, литературному. Появившиеся в образовательной сфере Молдовы устная и письменная формы болгарского языка тяготеют к заданному в качестве образца современному болгарскому литературному языку. Следовать этому образцу стремятся коммуниканты и в своей устной публичной речи. Но, конечно, соблюдение литературных норм в речи – дело всегда непростое. Оно обусловлено множеством факторов как объективного, так и субъективного характера. Поэтому язык сегодня не должен анализироваться в отрыве от социального контекста, в котором он существует и функционирует (Брайт, 1975, 33).

Чаще всего особенности языка и речи связаны с языковой личностью говорящего и с условиями коммуникации. Представление о неких нормах публичной речи в сознании автора устного высказывания на болгарском языке интуитивно складывается на основании ряда факторов:

- знание о том, что в публичной речи необходимо соблюдать нормы литературного языка;
- знание и представление о том, что публичная речь – это особая форма речи, выраженная через определенные стилистические особенности;
- знание о том, что речь должна быть принята адресатом как соответствующая месту, теме и цели.

Первое и необходимое, что проявляется как особенность публичной речи, – это соответствие речевой темы интересам аудитории (адресата). Публичная речь редко касается повседневно-бытовых тем. Иными словами, сообщество коммуникантов в публичной коммуникации отличается от сообщества коммуникантов, связанных родственными, бытовыми или повседневными и случайными отношениями.

Можно сказать, что в среде болгар Молдовы с появлением новой – публичной – сферы функционирования болгарского языка появилась и новая коммуникативная общность в границах традиционно существующей этнической коммуникативной (речевой) общности. В болгарской социолингвистике речевая общность определяется как «социолингвистическая группа индивидов, выделяемая на основе общих социальных или социально-демографических характеристик ее членов, с одной стороны, и единого комплекса общих закономерностей использования языка – с другой» (Пачев, 1993, 227; Швейцер, 1977, 71).

Новый тип языковой общности, возникший в связи с вхождением болгарского языка в публичную сферу функционирования, можно опре-

делить также как новую дискурсную общность. Современные социолингвисты рассматривают дискурсные общности как особый тип общности, сформированный в рамках языковой (речевой) общности на основе «непрерывно изменяющейся среды функционирования и развития языков» (Пачев, 1993, 58). В настоящее время в лингвистике дискурс чаще всего рассматривается как родовое понятие по отношению к понятиям «речь», «речевой акт», «риторика», «текст», «диалог», «разговор», «интеракция», «контекст». В итоге в современной лингвистике дискурс стал трактоваться как речевое взаимодействие, в процессе которого смыкаются социально-ролевые, социокультурные, психологические, когнитивные и коммуникативные моменты» (Русаков, 2008). Термин «дискурс» в современной науке означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения. Духовная культура общества представляет собой множество дискурсов, наделенных различными коммуникативными стратегиями. В реальности жизни, в ее разносторонних публичных и частных сферах мы являемся активными участниками различных и многих дискурсов – повседневного, официального, образовательного, научного, политического, публицистического, религиозного, эстетического и других (Силантьев, 2004).

Отметим ряд конститутивных признаков дискурса. Наиболее соответствующими для нашей работы мы считаем признаки, выделяемые И. В. Силантьевым: «Первый конститутивный признак – это **признак темы** (в иной трактовке вместо темы говорят о концепте). Тематическое начало выступает одним из первичных оснований для образования дискурса. Тема может становиться доминантой дискурса и тем самым дифференцировать его. Такие дискурсы, как правило, носят временный или периодически возобновляющийся характер, в зависимости от характера и продолжительности интереса к данной теме в сообществе, осуществляющем данный дискурс... Второй конститутивный признак – **признак общности участников коммуникативной практики**, поддерживающей дискурс. Это может быть общность интерперсонального характера (семья, дружеская компания, случайное знакомство и т. д.), общность ситуации, общность той или иной субкультуры. Это может быть и институциональная общность людей, причастных в различных ситуациях к одному и тому же социальному институту» (Силантьев, 2004). То есть, с одной стороны, типы дискурсов определяются по признаку общности его участников – интерперсональные, ситуативные, субкультурные и институциональные дискурсы, а с другой стороны – это тематические субдискурсы, которые носят структурно подчиненный характер и способны реализовываться в рамках других дискурсов. Можно утверждать: чем более высокую позицию занимает дискурс в социальной и культурной иерархии, чем более

сложен он по своему существу и составу, в своих стратегиях, тематике, в своей интенциональности и текстуальности, тем более широкий спектр других дискурсов, в том числе первичных и «низших», начиная от обычных, он отражает – и несет в себе их текстовые следы.

Можно выявить ряд дискурсивных особенностей устной публичной речи, а также особенностей ее внутреннего устройства на различных (указанных выше) языковых уровнях, характерных для устной публичной речи болгар Молдовы. Для данной этнической среды публичная коммуникация – **это новый вид речевого дискурса, который реализуется в новых типах речевых ситуаций**. Традиционно устная публичная речь – это разновидность спонтанной литературной речи в разных формах публичных выступлений. Отличительная ее черта – адресованность аудитории. От устно-разговорной речи в бытовых ситуациях (в условиях межличностного общения – в нашем случае на диалекте) устная публичная речь отличается одноплановостью тематики и публичностью. Сближает эти разновидности речи – разговорную и публичную – устная спонтанная форма осуществления.

Устная публичная речь присутствует в речевой практике носителей языка наряду с разговорной речью. Чешский лингвист В. Барнет (Барнет, 1985) квалифицирует устную публичную речь как коммуникативно-функциональную разновидность литературного языка, то есть отмечает ее тяготение к литературной норме, в отличие от собственно разговорного языка. Для устной публичной речи характерны как момент подготовленности, так и момент спонтанности, что проявляется на уровне используемых языковых и речевых единиц. С одной стороны, момент подготовленности устной публичной речи проявляется в логико-композиционных особенностях ее строения и в употреблении клишированных выражений и конструкций (идиомов), в тяготении к нормированной речи. С другой стороны, для нее характерны признаки собственно устной разговорной речи – лексические повторы, вставки и уточнения, простые предложения, тропы, сравнения, адресация речи, слова субъективно-модального и эмоционально-оценочного характера. Можно считать, что устная публичная речь занимает промежуточное положение между разговорной и литературной: ей свойственны и книжные, и разговорные элементы. Несмотря на то, что в лингвистике нет исчерпывающего описания признаков устной публичной речи, тем не менее, назван ряд существенных ее признаков на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Под публичной коммуникацией обычно понимают вид устного общения, при котором информация в обстановке официальности передается значительному числу слушателей. Для нее характерна передача информа-

ции, затрагивающей общественный интерес, с одновременным приданием ей публичного статуса. Публичный статус подразумевает сообщение информации лицом, обладающим определенным социальным статусом, то есть формально установленным или молчаливо признаваемым местом индивида в иерархии социальной группы.

В целом слушатели, как правило, — это специально организованная аудитория, и ее параметры должны быть известны говорящему (численность аудитории, возраст, профессиональный состав, пол и т. д.). Слушатели являются в определенной степени заинтересованной аудиторией, специально пришедшей послушать выступающего в силу своей социальной роли. Публичное общение относится к институциональному (статусно ориентированному) общению в отличие от персонального (лично ориентированного). Статусно ориентированное общение имеет множество разновидностей, выделяемых в том или ином обществе в соответствии с принятыми в нем сферами общения и сложившимися социальными институтами: политическими, деловыми, научными, педагогическими и т. д. (Публичная...).

Любое *речевое общение* в публичном дискурсе, как и во всех других, происходит с использованием соответствующего дискурсу языка общения как кода. Можно представить себе зависимость: **язык общения - это дискурс плюс речевая ситуация**. «Для каждого языка общения главное – достижение коммуникативных целей и сущностная реализация типичных социокультурных ролей и функций... Каждый *язык общения* как система знаков и правил, безусловно, детерминирован некими *универсальными для него принципами отбора, формирования и использования знаковых средств*... Вместе с тем каждый язык общения – система исторически изменчивая, своеобразно *отражающая дух культурной эпохи, “язык” своего времени*... С учетом всего *многообразия выделяемых дискурсов* как предметов теории языка и теории коммуникации, можно говорить отдельно о главных, “стержневых” *языках культуры народа – языках общения*. При таком подходе исследования по теории и практике коммуникации могут пользоваться опытом традиционной стилистики, в частности стилистики *функциональной*» (Векшин, 60, 63).

Каждая *сфера функционирования* языка и речи в совокупности с *речевой ситуацией* может быть приравнена к *определенному соответствующему типу дискурса*. *Речевая ситуация*, с точки зрения ее содержания, характеризуется определенным наполнением ее элементов – *автора и адресата*, в том числе коллективного (социальные характеристики участников коммуникации), *языкового кода, темы, цели и условий коммуникации*. Что касается речевой ситуации, то к ее компонентам, по мнению В. А. Аврорина (Аврорин, 1975, 70, 72, 73), следует (в добавление

к вышеназванным параметрам) отнести и среду общения, то есть общность людей, связанных между собой родственными, этническими, социальными и территориальными узами, в пределах которого происходит общение. По мнению этого автора, общение внутри социальной группы имеет смысл выделять как особую среду, когда между такими группами в пределах одного народа складываются заметные различия в языковой ситуации. В нашем случае языковая ситуация – это участие или неучастие (пассивное или активное) представителей болгарской национальности в общественной жизни диаспоры. К этой сфере относятся разного рода собрания, заседания, совещания, конференции, сессии, съезды... При наличии собственного языка и при отсутствии у него литературной формы большое место занимает или наддиалектная форма, или литературный язык иного народа, чаще всего язык межнационального общения (у нас – родственник русский). Эти параметры речевой ситуации, обусловленные соответствующей сферой коммуникации, отражаются на особенностях порождаемых текстов.

В нашем случае осуществляется устное публичное речевое взаимодействие на темы отвлеченного интеллектуализированного характера определенной социокультурной группой участников коммуникации на болгарском языке. Соответственно порождаемые в условиях такой коммуникации тексты содержат ряд языковых и коммуникативно-прагматических признаков, отражающих параметры **нового типа речевой ситуации в рамках соответствующего дискурса**.

Анализируя особенности языка общения, характерного для **новой речевой общности** болгар Молдовы, мы должны иметь в виду, что на отборе и использовании языковых средств (языка общения) отражается зависимость такого порядка: **язык общения – дискурс – сфера функционирования – речевая ситуация (автор, адресат – социальные характеристики участников коммуникации, языковой код, тема, цель, условия коммуникации, среда общения)**.

Участниками **публичного дискурса** в этнической среде болгар Молдовы являются представители определенной социальной группы (достаточно многочисленной). В эту группу входят люди с высшим образованием, чаще гуманитарным: учителя, ученые, преподаватели вузов, студенты, воспитатели, работники государственных структур, общественные деятели, врачи, бизнесмены и др.

Представители данной дискурсной общности владеют диалектной формой болгарского языка. Объединяющим для них в их речевых проявлениях становятся не только диалектная форма языка как общий код, но и социальные характеристики коммуникантов – образование, социокультурные особенности, возраст, пол, интересы, жизненные установки и др. Предста-

вители данной языковой (дискурсной) общности, связанной с публичной сферой коммуникации на болгарском языке, – билингвы. Каждый из участников, оказываясь *в разных речевых ситуациях, представляет собой каждый раз новую дискурсную личность.*

Публичные выступления на болгарском языке обычно адресованы автором (говорящим) живой аудитории от двух-трех десятков до ста человек. Такого рода публичные выступления связаны со значимыми для болгарской диаспоры мероприятиями. Звукозапись этих выступлений транслируется по радио, в передаче для болгар Молдовы «Мегдан» (главный редактор, осуществляющий запись и ее трансляцию – журналист и поэт Георгий Барбаров). В результате потенциально у автора публичного выступления на болгарском языке круг слушателей (реальный адресат) резко возрастает. Исходя из положений теории речевой деятельности и теории диалога, коммуникация – это всегда диалог. (Касевич, 2001). Соответственно, адресант должен обладать максимумом информации или представлением об адресате, предполагая возможный диалог, то есть языковое наполнение речи автора, ее элементы на всех языковых уровнях должны достаточно легко и адекватно восприниматься и пониматься адресатом.

Для рассматриваемой нами речевой ситуации характерно то, что автор предполагает, что адресат владеет как минимум общим с ним местным болгарским говором (одним из диалектов), кроме того – знаком с устной формой современного болгарского литературного языка и участвует в устном публичном дискурсе на русском языке. Все эти факторы формируют предполагаемый общий речевой код автора и адресата в рамках новой для болгар Молдовы дискурсной общности, который имеет диалектную основу, вбирает в себя множество элементов русского языка и использует элементы современного болгарского литературного языка. Это задается нетрадиционностью дискурса, речевой ситуации, среды общения и темы коммуникации. Именно поэтому можно говорить о новой формирующейся языковой (дискурсной) подсистеме, обслуживающей коммуникативные потребности болгар Молдовы в новой сфере функционирования. Для того чтобы выявить некоторые особенности речи коммуникантов в описанном дискурсе, мы проанализировали тексты 14 публичных выступлений (4 часа звукозаписей). Среди авторов – общественные деятели, ученые, представители творческой интеллигенции, врачи, писатели, журналисты. Темы большинства выступлений связаны с общественной и культурной жизнью болгарской диаспоры Республики Молдова.

Покажем особенности устной публичной речи болгар на примере одного текста. Мы выделили лексические единицы, маркирующие текст

по двум параметрам: с одной стороны – лексика, отражающая диалектные особенности речи говорящего, а с другой – лексика, связанная со сферой и темой публичной коммуникации и выходящая за рамки диалектного лексического фонда.

Предлагаемый текст – это выступление на расширенном заседании Болгарской общины Молдовы. Выступающий – член правления, образование – высшее юридическое, есть опыт общественной работы в советских административных структурах. Возраст – 50 лет.

Образец текста (15 минут диктофонной записи; транскрибирование наше – Н. К.):

Неска наверну ний тряа да пумислим да са упридилим кык да вазрудим бэлгарскуту движения / да са пувэрним ади тези убидини хора / за куйту гуспудин N в доклада пугчеркна/ да намерим нова форма/ нови методи да вавличем маладьожа в нашту бэлгарску движение // да наченим чи первоначално куйту стуваха ф истока на бэлгарскуту движение напрайаха млогу/ но исками ни или ништем / времиту варви и трябуа да са абнавлява / и нашийа каликтиф / зако на нескашния ден са получи други партии неска ръководят тараклийския район // да бэдим аткравенна ни ина партийя / и ризултат разбрахми кэф и / да окажем саатветствайща помащ в предвыбуурнта кампания// и ризултат разбрахми кэф и// ... зеха парити// десят гудини хорта питат/ ко става с бонти/ де са дивидентти/ има ли дивиденти/ ма кажети на хорта/ ни са надявайти/ няма да има дивиденти// ний зехми дивидентти / ний пурдадахми панкома / ний пурдадахми завода/ пидисе/ шийсе притприятия/ куйту бяха купяни и си разделихми парити// кой си пустрой идин завоф ф плоудиф/ кой си уткри други ништа// тряа да бэдим чесни напреф хорта/ сяку идин/ да гу напраят идин схот на бэлгарти/ за да са срешним сас тях/ да зейм тья членуити на правлениата на бэлгарскта упштина/ да ги пустройим в призидиума/ да ги турим напреф хорта да раскажат ко стана/ што стана/ макар да са пукажат напреф хорта/ и зарат туй тий нямат вяра// мисла/ чи/ шас тряа да намерим възможнас да напрайм ноф талчюк// ва/первых панятна чи по/леку да са ришауат сичкти задачи кугат ши бэдим на питнайси/ дваиси арганизации/ те нека да бэдат на упридилена направлинасть/ нека да си рабутат/ библиотеката да си рабути/ но/ ф канечнам итоги бэлгарти тряа да знаят/ чи има ино бэлгарску движение/ либа тва й възраждане/ либа тва й бэлгарска апштина/ куйту абидиняват вакрук себя сичкту бэлгари и куету й гутову да ришава вапросьти на бэлгарти//... ут тиливизура/ ут газетти мойм да пручитем/ чи душэл замесник на министара на вэнкашньти рабути ут балгария и ришава тук квити си праблеми//

В речи отмечены следующие особенности.

Диалектные маркеры – лексико-грамматические и лексические:

Неска, кык, ади (кади – лит. кьм), да наченим, стуваха (лит. стояха), млогу, зако, нескашния, кэф (лит. какъв), зеха, ко, ма кажэти, зехми, пурдадахми, сяку идин, щяс, вэнкашньти (лит. вьншнити), квити си, тоа, тряба, да пупанним, пудэр, варэт (лит. вървят), прай са прост, фрет, ний сни, х (лит. предлог в), уф (във), да турим, зарат, жувеят, са махкат (лит. – изселват се).

В рассматриваемых текстах *тематическая лексика* и соответствующие устойчивые выражения и клише (идиомы) заимствованы, как правило, из русского языка. Это явно связано с опытом публичных выступлений автора на соответствующую тематику на русском языке в советских и постсоветских общественных и административных структурах. При этом отдельные слова и выражения русского языка получают в речи говорящего оформленность по законам болгарской грамматики.

Лексика русского происхождения (ее использование связано с явлением интерференции, требующим в нашем случае специального анализа и системного описания): да са пувэрним (болг. обърнем), пугчеркна (подчертая), да вавличем (привлечем), предвыбурна (предизборна), схот (събрание), да ги пустройм (изредим), щяс (сега), талчюк (тласък), ва-первых, панятна, ...

Идиоматика (устойчивые выражения и клише, являющиеся калькой или определенной переработкой и адаптацией к болгарской речи выражений из русского языка): да са пувэрним ади тези хора; в доклада пугчеркна; да намерим нова форма; да вавличем маладьожа; куйту стуваха ф истока; да са абнавлява нашия каликтиф; на нескашния ден са пулучи; да окажем саатвецтващя помуш; да ги пустройм в призидиума; да напрайм ноф талчюк; нека да бъдат на упридилена направлинасть; ф канечнам итоги; и гутову да ришава вапросьти; да пудготви тоа пратакол; има апридилени праблеми; кансултант на малдова пу праграмата на фступленийа ф йеврасаюс; ши станат хора фтор сорт; има четка и ясна картина; лидерти на бэлгарску движенийе; да приведем устава ф саатвецтвийе с този закон; замесник министара на вэнкашньти рабути; има четка и ясна картина; млогу ниахвачини бэлгарски сила; бэлгартни са на последний план; квиту палажитильни здвиги; х любой насильонный пункт; да пуключим маладьожа.

Мы наблюдаем попытку говорящего построить свою речь в соответствии со всеми требованиями публичного стиля. Обычно все говорящие стремятся к соблюдению интуитивно представляемых норм. Но, как показывают наблюдения, только немногим из них это удается. Несоответствие этим нормам в каких-то отрезках речи присутствует у большинства из них, даже активно владеющих литературным языком (Шмелев, 1977, 50).

По утверждению Н. Тодорова, проводившего социолингвистическое исследование речи болгар Молдовы, «если говорить о лексическом составе языка болгар Бессарабии, можно отметить, что <...> оба варианта болгарского языка – литературный и региональный бессарабский – имеют даже больше общего, чем литературный и <...>, скажем, некий относительно изолированный болгарский говор (в Болгарии – Н. К.). Оба варианта обогащались, пополняли свой лексический состав из одного и того же источника – русского литературного языка» (Тодоров, 2002, 4).

В приведенных образцах болгарской публичной речи диаспоры мы наблюдаем попытку системного выстраивания официальной речи на лексическом уровне с использованием русских речевых элементов, адаптированных по законам болгарской речи. Заполнение языковых и речевых лакун – это языковой процесс, проходящий на дискурсивном уровне и отражающий как особенности дискурса, так и языковой личности участников этого дискурса. Говорящий в своей речи стремится обозначить ее официальность и нормированность в соответствии с ситуацией и темой, выражая свое ситуативное дискурсивное «я», но не находя при этом средств в диалектном варианте языка. Это и приводит говорящего к поиску речевых средств в других дискурсивных практиках, выявляет особенности его языковой и речевой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л., 1975.
2. Барнет В. К. принципам строения высказываний в разговорной речи // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV. М., 1985. http://www.classes.ru/grammar/158.new-in-linguistics_15/source/worddocuments/_41.htm
3. Брайт У. Параметры социолингвистики. Новое в лингвистике. Т. VII. М. 1975.
4. Векшин Г. В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной. М.: МГУП, 2002. <http://philologos.narod.ru/vekshin/langcom.htm>
5. Касевич В. Б. Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблема обучения. СПб, 2001.
6. Пачев А. Езиковите общности в условията на европеизация и глобализация. София, 2006. Пачев А. Малка енциклопедия по социолингвистика. Плевен, 1993.

7. Постановление Правительства РМ «О развитии национальной культуры болгарского населения Республики Молдова» 23 июня 1992 г.; Закон РМ о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций, № 382-XV от 19.07.2001//МО, РМ №107/819 от 04.09.2001.

8. Публичная коммуникация. http://its-journalist.ru/Parts/publicchnaya_kommunikaciya.html

9. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008.

10. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий. Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет. Критика и семиотика. Вып. 7. 2004. <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7silantev.htm>

11. Тодоров Николай Николаев. Езикът на българите в Молдова (опит за социолингвистично проучване). Автореферат на дисертация за присъждане на образователна и научна степен «доктор».София–Шумен.2002.

12. Хъдсън Р. Д. Социолингвистика. София, 1995.

13. Швейцер А. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М.,1977.

14. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Опубликовано в: Revista de etnologie si culturologie/ Vol. IX – X. Chisinau, 2011. – С. 200-204.

РАЗДЕЛ II

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА БОЛГАР МОЛДОВЫ

ИЗ ИСТОРИИ АНТРОПОНИМИИ БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Бессарабские болгары, проживающие на территории Молдовы и Украины (в Одесской области) переселились на эти земли из Болгарии, как известно, в первой трети XIX века. В местах компактного проживания они сохранили до наших дней не только свой язык, но и многие народные обычаи, обряды, традиционные элементы бытовой культуры. Язык и культура народа взаимосвязаны, поэтому и в языке мы находим отражение культуры народа.

Имя собственное - это “продукт определенной эпохи”¹. Состав и история имен собственных многого могут рассказать о традициях народа. Эта сторона жизни языка бессарабских болгар пока мало изучена². Безусловный интерес представляет не только современное состояние системы собственных имен бессарабских болгар, живущих в окружении и в контакте с украинцами, молдаванами, русскими, гагаузами. Становление определенных имен у болгар подвержено влиянию культурных и языковых контактов с многонациональным населением Бессарабии в течение длительного периода. Но чтобы проследить во времени становление этой системы, необходимо представить ее в нескольких синхронных состояниях.

Документальные записи (переписи болгарского населения Бессарабии в 30-е годы XIX в. и позже) дают возможность описать антропонимическую систему болгар-переселенцев в исходном состоянии, еще мало подверженном влиянию культурных контактов.

Предмет описания и анализа в нашей статье – антропонимия болгарского села Гюльмен. Материал взят из “Ревизской сказки” 1859 года³. Копию этого документа любезно предоставил нам ст.н. сотр. АН Молдовы канд. ист. наук И. Ф. Грек. В “Сказке...” зарегистрировано 194 статьи, записаны имена, отчества и фамилии 448 мужчин и 414 женщин.

Датой основания села Гюльмен (сегодня – село Яровое Тарутинского района Одесской области, Украина) считается 30 мая (12 июня по новому стилю) 1830 года. Оно было основано болгарами, переселившимися из села с тем же названием, расположенного на 12 км юго-западнее города Ямбол в Болгарии⁴.

Образование села Гюльмен в Буджакской степи было связано с массовым переселением болгар в Молдову, Валахию, Южную Россию после заключения Адрианопольского мира. Название села «Гюльмен» было утверждено Николаем I в 1832 году. Но уже в середине XIX в. появляются варианты наименования – Гюльменово, Гюльмены, Дюлмен. Последнее наименование возникло, вероятно, в связи со взаимозаменой звуков “г” – “д”. Такую взаимозамену встречаем также в одном распространенном в середине XIX века мужском имени (Георгий – Диордий). В селе Гюльмен со времени его основания проводилось несколько переписей населения. Мы используем материалы третьей переписи, проводившейся в 1859 г. Запись имен в “Ревизской сказке” отражает частично живое произношение имен, частично нормированное. Нормированную форму отражают в записи имена, относящиеся к именнику христианского (православного) календаря, большей частью совпадающие у русских и болгар. Встречаются формы имен, частично скорректированные русским переписчиком.

Мужские имена

Из общего числа зарегистрированных нами имен выделено 110 мужских. Каждое из них представлено в записи как официальное имя. Но многие имена, из самостоятельно представленных, родственны по происхождению. Это сокращенные или суффиксальные варианты одного имени, и первоначально они могут быть отнесены к речевым вариантам.

Запись не отражает связи имени с социальной или возрастной характеристикой его носителя. Общий состав имен неоднороден по происхождению, словообразовательной структуре и по частотности. Основная масса имен – христианского происхождения, связаны с православным календарем. Это имена греческого, латинского и еврейского происхождения. Вообще в болгарском языке чаще встречаются православнокалендарные имена именно греческого происхождения, так как большинство православных святых, чьи имена используются болгарами, происходят из эллинизированных областей Восточного Средиземноморья⁵. Всего в болгарском именнике *более двухсот имен греческого происхождения, не учитываемых производных.*

Наряду с именами православнокалендарными многочисленны и имена собственно болгарского происхождения. В иноязычных по происхождению именах значение, как правило, затемнено, просматривается

ближайшая связь антропонима с именем святого, исторической личности и т.д. Значение большинства болгарских по происхождению имен ясно и сегодня. Редко встречаются имена турецкого и русского происхождения.

Имена греческого происхождения. Мы уже упоминали о большой вариативности имен в нашем источнике – «Ревизской сказке». В списке мы приводим имена различного образования, данные как самостоятельные. *Атанас (Афанасий), Андрей, Ангел, Василий, Георгий, Данил, Дмитрий, Зиновей, Илия, Кирил, Кристо, Марин, Мирон, Никодим, Николай (Никола), Пантелей, Петър, Панайот, Спиридон, Савва, Стефан (Степан), Тодор, Трифон, Христофор, Штеро (греч. “твердый”), Янакий.*

Из перечисленных имен как редко встречающиеся в болгарском (по письменным источникам и в современном языке) отмечены – *Данил, Янакий, Христофор, Пантелей, Савва.*

Латинские имена: *Антон, Константин, Мартин.* По происхождению это также календарные имена святых, как и **еврейские:** *Авраам, Иван, Йордан, Лазар, Михаил.* Имена, скорее всего, **русские** по происхождению, отмеченные в “Ревизской сказке”, немногочисленны – *Фома, Федор.* Встретилось только одно имя турецкого происхождения: Курти – “волк”.

Имена болгарского происхождения. К болгарским по происхождению можно отнести имена, образованные как варианты иноязычных. Они получают статус самостоятельных после утраты связи с исходным именем. Такое явление наблюдается в разных языках. Как правило, “можно отметить особую бифункциональность отыменных гипокористик” (сокращенных имен, уменьшительных, ласкательных – Н.К.), которые приобретают “автономию” наряду с исходными формами⁶. Бытование в устной речи привело к утрате первоначальной связи, расхождению речевых вариантов имени. Следующие имена, данные в “Сказке...” как самостоятельные, являются речевыми вариантами одного по происхождению: *Атанас – Танас, Андрей – Андричо, Антон – Дони, Тоню, Богдан (эта форма не значитя) – Бочко, Георгий – Ганю, Ганчо, Диордий, Йордан – Дако, Дмитрий (Димитрий – Димо), Дичо, Митко, Митрий, Николай – Колю, Кирил – Киро, Кирчо, Константин – Коста, Колю, Михаил – Минко, Петър – Пенко, Пенчо, Пешо, Пантелей – Панчо, Иоанн – Яне, Янко, Янчо.* Большая часть вариантов – словообразовательные. Фонетические варианты – *Митрий, Танас, Диордий.*

Истинно болгарские по происхождению имена связаны с дохристианскими верованиями болгар. Чаще всего это защитное имя, которое давали человеку, чтобы предотвратить беду, а также пожелательное имя.

Семантика таких имен (если это не производная, а начальная форма), как правило, не затемнена. В нашем источнике таких имен чуть меньше, чем христианских, хотя вариативность их больше.

Представляем имена с вариантами. **Пожелательные имена:** *Братан* (пожелание рода и семейства), *Велико* (чтобы был большим, великим) – *Велю, Веле, Велчо, Невен* (название цветка – “ноготки”, в источнике начальная форма не представлена) – *Венчо, Добри* (чтобы был добрым), *Драган* (чтобы был дорог) – *Драгин, Ганю, Младен* (форма не представлена) – *Деню, Железчо* (форма не зафиксирована: чтобы был крепим, как железо) – *Жечо, Желю, Злати, Обретен* (“найденный”), *Ради* (форма не зафиксирована) – *Радо, Раду, Радко, Раю, Рачо, Дойчо* (от “Радойчо”), *Господин* (чтобы был хозяином), *Женчо* (чтобы знал женскую аботу – это если в доме не рождались девочки).

Защитные имена. Эти имена, как и пожелательные, связаны с языческой верой в магическую силу слова. Они помогали бороться с детской смертностью. *Богдан* (“богом данный” – начальная форма не зафиксирована) – *Боско, Вълко* (сам волк, потому ему не будут вредить волки), *Стоян* (чтобы остался жив) – *Стойко, Стою, Стане, Цане*.

Выделим имена, которые, по данным словаря Ст. Илчева, распространены в основном в Восточной Болгарии, откуда родом были первые жители села Гюльмен. Это имена и формы *Стани, Стою, Штеро, Панайот, Жечо, Ганчо, Коста, Мавро, Афанасий, Дичо, Колю, Бочко, Пеню, Доню, Железко*.

По частотности мужские имена распределяются следующим образом (приводим общее число употреблений каждого имени): *Димитрий* - 49, *Иван* - 47, *Николай* - 23, *Диордий* - 22, *Георгий* - 20, *Петр* - 20, *Тодор* - 20, *Стефан* - 19, *Василий* - 15, *Димо* - 12, *Михаил* - 11, *Стоян* - 11, *Танас* - 7, *Йордан* - 7, *Илия* - 6. Остальные имена встречаются менее 5 раз. Обратим внимание, что к частотным относятся исходные формы имен (за исключением имен *Димо, Диордий*). Варианты в качестве самостоятельных имен малоупотребительны. Иногда братьев называли вариантами одного имени – это доказательство того, что варианты уже разошлись и воспринимаются как самостоятельные имена: *Стефан* и *Степан*⁶, *Тодор* и *Федор*⁷, *Стани* и *Стою*⁸, *Георгий* и *Диордий*⁹.

Два имени исконно болгарского происхождения связаны с христианской верой: *Недялко* – варианты *Недко, Нейко, Нено* (от женского имени *Неделя* – “воскресение”, название праздничного седьмого дня недели в христианском вероисповедании), *Христо* (Христи) – *Къню* (от имени Христа).

Не зафиксировано в словаре Ст. Илчева¹⁰ имя *Сетей*. Возможно, корень этого болгарского имени диалектного происхождения “сет” – в одном из значений: “последний” или “догадливый”. Отметим, что в указанном словаре нет еще нескольких имен, встреченных в “Ревизской сказке” – *Джечо* (хотя возможно, что это вариант Жечо), *Диордий*, *Котю* (возможно, из Коста).

Женские имена

Значительная часть представленных в “Сказке” женских имен, как и мужских, восходит к православному календарю, т.е. имеет греческое, латинское или еврейское происхождение. Женские имена также вариативны, но в меньшей степени, чем мужские. Многочисленна группа имен болгарского происхождения.

Греческие имена: *Александра, Ангелина, Акулина, Анастасия (Настасия), Варвара, Василиса, Гергана, Домника, Димитра, Ефимия, Ефросиния, Евдокия, Елена, Екатерина, Зойка, Зиновия, Замфира, Ирина, Калуда, Костанда, Кирикия. Марина, Минка, Мария, Никулина, Панагия, Парасковия, Пелагея, Петра, Стефана, София.*

Имена латинского происхождения: *Домна, Матрена, Наталия.*

Имена еврейского происхождения: *Ивана, Йордана, Рахила, Сарра.*

Встретилось лишь одно имя **арабского** происхождения – *Султана*, заимствованное из турецкого.

Как уже отмечалось, многочисленны собственно болгарские имена. Но, как принято считать, “...представление об исконности имен может быть более широким, может включать в себя также имена, которые с незапамятных времен функционируют у народа. Этимологически такие имена относятся к различным языкам. Но народ к ним привык, трансформировал по законам своего языка”¹¹. Иными словами, к собственно болгарским относим две группы имен: 1) трансформированные имена иноязычной этимологии и 2) языческие по происхождению или более поздние с корнем болгарского происхождения.

Собственно **болгарские имена**. Приводим начальную заимствованную форму и производную как собственно болгарское имя. *Анастасия – Настасия, Василиса – Васи́ла, Гергана – Гана, Гена, Тодора – Дора, (Кирил) – Кирана, Кирица, Кера, Димитра – Мита, Петра – Пена, Антония (полная форма не отмечена) – Тона, Севастияна (не отмечено) – Себа.*

Имена языческого происхождения (защитные, пожелательные): Велика, Гана (сокр. от Драгана – “дорогая”), Добра, Дена (сокр. от Младена – пожелание молодости), Желязка (пожелание крепости – варианты Жечка, Желяза, Жела, Желка), Злата, Карамфила (“звездика”), Калина (в честь нарядных плодов дерева), Пауна (птица “павлин”), Руса (светловолосая), Рада (пожелание радости), Селина (от “село”), Стана (пожелание стойкости, жизненной силы), Тана (от Стана), Цона (от Стояна), Яна (то же, хотя возможно как образование от Бояна), Добра.

К болгарским относим имя христианского происхождения: Неделя (“воскресенье” как день недели). Варианты – Нена, Неда, Нейка, Деча. В словаре Стефана Илчева не отмечены два имени – Себа (возможно из Сева – Севастиана) и Стомна. Явно русского влияния имена Федора, Феодосия, Стефанида (соответствующие болг. – Тодора, Теодосия, Стефания). Признак заимствования из русского – звук «ф», исконно это греческие имена, которые при прямом заимствовании в болгарский язык в соответствующих именах дают звук «т».

Следующие имена встречаются главным образом в Восточной Болгарии – Велика, Гена, Добра, Желяза (Желязка, Жечка, Жела, Желка), Зойка, Кера, Кирана, Нейка, Руса, Стойка, Стояна, Султана.

По частотности имена распределялись следующим образом: Мария - 35, Ивана - 24, Рада - 20, Тодора - 17, Елена - 16, Анна - 14, Стефана - 14, Гана - 11, Руса - 10, Замфира - 10, Неделя - 10, Марина - 10, Стойка - 8, Петра - 8, Калина - 7. Варианты женских имен, как и мужских, значительно менее частотны, чем полные формы.

Анализ производных имен показал, что гипокористические (уменьшительно-ласкательные) формы у женских имен чаще образованы сокращением, усечением форм (краткие гипокристики): Неделя – Неда, Нена, Деча, Нейка. Реже – это суффиксальные образования (Зойка). У мужских имен в равной степени встречаются и суффиксальные образования (Андричо, Валчо, Ганчо, Радко), и усеченные формы (Раю, Дако, Желю, Колю, Нено и др.).

Фамилии

В “Ревизской сказке” насчитывается чуть более 60 фамилий. Часть из них восходит к славяноязычным апеллятивам – всего 25 фамилий. Эти фамилии (с прозрачным по исходному значению апеллятивом) объединяются в несколько групп:

1. **Апеллятив – личное имя:** Андреев, Бонатиев (Боньо – сокр. от Богдан), Велев, Гендо (совпадает с именем производным от Гено), Георгиев, Гердев, Гердиев (оба – от имени Герда, Гердана), Дичо (имя, производное от Димитър), Денев (от Деньо – сокращение от Младен), Замфиров,

Иванов, Конда (Кондо – сокращение от Константин), Недков Недов, Пенков, Стоянов, Янчо;

2. **Апеллятив – слово оценочного характера**, фамилия восходит к прозвищу: *Парликокошка*, *Грек*, *Дрондарь* (от диалектного “дръндьо» – “неряшливый, несобранный”), *Дундеров* (от диалектного “дунда”, “толстяк”), *Коба* (древнеславянское – “дурное предзнаменование, пред сказание, плохой знак, проклятие”);

3. Две фамилии даны **по месту происхождения носителя** – *Загорец* и *Бонатиев* (как один из вариантов истолкования). Согласно словарю Ст. Илчева, как уже указывалось, *Бонатиев* – от *Беньо* (Богдан). Но, возможно, фамилия указывает на происхождение ее владельца – родом из Банаата (территория, присоединенная к северо-дунайским княжествам, куда еще в XIV веке переселялись болгары, опасаясь турецкой колонизации, ныне на территории Румынии). Переход **а–о** – изменение фонетического облика слова на письме.

4. Большая часть фамилий представлена **апеллятивами, заимствованными из турецкого языка**. Они восходят к прозвищам, характеризующим носителя по личным качествам или роду занятий. Характеристика по роду занятий: *Абаржи* (возможно от абаджия – “торговец тканью”), но возможно и от абержи – “глашатай, вестовой”. *Бардук* – «глиняный кувшин». *Бахчеванжи* – “огородник”. *Кащи* – “тот, кто выращивает гусей”. *Ердекчи* – “тот, кто пасет уток”. *Капчи* – “тот, кто производит и/или продает посуду”. *Топчи* – “артиллерист”.

Характеристика по личным качествам. *Деде* (происхождение не совсем ясно, но, возможно, тот, кто дает обещания – турецк.dedik, а возможно, и от общетюркского, “деде” – “прародитель”, “прадед, дед), *Делик* – “буйный человек”, хотя скорее это может быть прозвище по другому качеству или внешнему облику: “делик” – “дыра, отверстие, прореха”. *Фамилия Дундеров* была отнесена нами к группе болгарских, но возможно, что она восходит к турецкому апеллятиву “диндар» (dindar) – “набожный, верующий”. *Жарыт* – “болтун, хвастун”, а возможно также от “жарыт – джырыт” – “дротик, метательное копьё”, *Картий* – “твердый, крепкий” или “старый», *Кара* – “черный”, *Касыр* – “бесплодный, бездетный”, *Кичук* – “маленький, мелкий”, *Киосе* – “безбородый, безусый”. *Топал* – “хромой”, *Узун* – “долговязый”, *Мержан* – “коралл”. С корнем *Кара* встречаются несколько образований – *Карамавров*, *Караманов*, *Карабаджак* (черноногий).

Встретилась одна **фамилия греческого происхождения** – *Морти* (греч. – “невоспитанный, уличный”). Группа фамилий восходит к **апеллятивам неясного происхождения**: *Браку*, *Берил*, *Гербали*, *Гуткан*, *Губан*, *Дожа*, *Тербаба*, *Сараин*. Эти фамилии не зафиксированы в словаре Ст. Илчева¹².

Мы попытались определить происхождение фамилий через этимологию апеллятива (старший научный сотрудник Института национальных меньшинств доктор филологии Г. А. Гайдаржи (ныне покойный) помог нам в этимологизации апеллятивов неясного происхождения, относящихся к тюркоязычным заимствованиям). *Браку* – возможно, восходит к гагаузскому корню “брак” – “оставлять, отставлять”. *Берил* – возможно из “берия” – устар. “деньги, которые собирала с населения община”. Гербали – гаг. “гербалы”: 1) “уплативший государственную пошлину”, 2) “обложенный обязательной государственной пошлиной”. *Гуткан* – предположительно от “гутка, гугутка” (горлица). *Губан* – возможно от “губат” – диал. “устат, бьбнив” (“говорливый, болтун”). *Дожа* – возможно диал. от “дода” – “старшая сестра”. *Тербаба* – возможно, от арабско-турецкого “тербие” – “воспитание”, то есть “воспитанный, учтивый человек”. *Сараин* – 1) возможно, суффиксальное образование от “сара” (имеет два значения: а) ряд, строка, б) эпилепсия); 2) или от “сарач” – “всадник”.

Цель нашей статьи – дать лингвистическое описание, систематизировать и ввести в научный оборот материал по болгаро-бессарабской антропонимии, представленной в переписи середины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Теория и методика ономастических исследований. М., 1986, с. 229.
- ² Колесник В. А. Двучленные формулы именования лиц в речи болгарских поселенцев юга Украины // Номинация в ономастике. Свердловск. 1991, с.133-136.
- ³ Ревизская сказка тысяча восемьсот пятьдесят девятого года февраля двадцатого дня Бессарабской области Аккерманского уезда Нижнебуджакского Округа Колонии Дюлмен.
- ⁴ Грек И. Гюлмен // “Роден край”, №16 (38), 19 апреля 1992.
- ⁵ Илчев Стефан. Речник на личните и фамилии имена у българите. София. 1969.
- ⁶ Теория и методика ономастических исследований..., с. 166.
- ⁷ Ревизская сказка... с. 357 об.
- ⁸ Там же, с. 387 об.
- ⁹ Там же, с.412 об.
- ¹⁰ Там же, с.437 об.
- ¹¹ Исаева З. Г. К вычислению культурно-семантических страт в антропонимии // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988, с. 170.
- ¹² Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в. Под ред. на Стефан Илчев. София, 1974.

Опубликовано в: История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И.Мещеряка). Научный редактор: доктор истории И.Ф. Грек. Кишинев, «SSB», 1999. – С. 239-245.

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВА ЛИЧНЫХ ИМЕН В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ

Антропонимы, бытующие в разных сообществах людей (этническом, социальном, историческом, конфессиональном и т.д.), отражают различные стороны жизни человека. В науке существует множество подходов к описанию и анализу антропонимических систем и личного имени как такового.

В последние годы наиболее интенсивно ведутся разработки в области исследования социолингвистической, лингвострановедческой и этнокультурной информации, заложенной в имени. Однако, как отмечает И. С. Чурсина, «несмотря на весьма интенсивную разработку этих проблем, недостаточным остается выявление и исследование общего механизма взаимодействия лингвистического и социокультурного факторов в ходе эволюции антропонимикона... открытым остается вопрос о том, как и в какой степени форма отражает социальные и культурные ценности определенного периода» (Чурсина, 2002).

Многие ученые в области ономастики и лингвострановедения (А.В. Суперанская, Т.П. Егорова, И.С. Чурсина) обращают внимание на социокультурную значимость личных имен. Наличие семантико-культурного компонента в личных именах было отмечено ведущим специалистом в области лингвострановедения Г. Д. Томахиным, подчеркнувшим семантическую и социокультурную ценность личных имен следующим образом: «Когда не сохранилось никаких свидетельств о культуре и мышлении народа, имена собственные также позволяют реконструировать эти аспекты человеческой жизни...» (Томахин, 1984, 15).

Анализ процессов именованья и их связи с насыщенностью антропонимов семантико-культурной информацией позволяет объяснить, почему системы именованья, сложившиеся на определенном этапе развития этноса, раскрывают ее менталитет и мировидение. В этом отношении важен историко-культурологический подход, так как он показывает, как поэтапно формируется и актуализируется в текстах и в жизни фоновая культурная информация вокруг имени и его коннотация.

По словам Т. Н. Кондратьевой, «собственное имя – самая конкретная, а вместе с тем самая абстрактная категория, которая дает возможность наблюдать за превращением знака конкретного номинального значения в символ, в образ, в нарицательное понятие на языковых контекстах, фиксирующих историю народа, историю мировоззрения, историю слова» (Кондратьева 1969, 3).

Личное имя в фольклорных текстах часто сопровождается коннотативной (экспрессивной и аксиологической) нагруженностью. Этот аспект значения ассоциативно присутствует в имени при употреблении его в жизни, обогащая его. Возможно, наоборот, употребленное в фольклорном тексте имя привносит в него и свою коннотацию. Изучение личного имени в фольклорном тексте важно для дальнейшего сравнения его с бытованием в реальной жизни, так как позволяет проследить культурную функцию имени в народной среде. В основе самого личного имени уже присутствует коннотация, заданная его происхождением.

Предметом нашего исследования являются особенности состава антропонимических единиц (личных имен) в контексте фольклорного произведения – в народной песне болгар Молдовы и Украины.

Антропонимы, бытующие в среде бессарабских болгар, были предметом внимания лингвистов со второй половины XX века. Описанию и анализу этой языковой единицы с различных точек зрения и в разных ареалах расселения болгарской диаспоры уделяли внимание исследователи Украины, Болгарии, Молдовы и др. (В.А. Колесник, А.Ф. Михина, Н. В. Кара и др.). Отметим, что антропонимы (том числе и личные имена) не изучались в речевом аспекте, т.е. как элемент текста, в частности – фольклорного. Личные имена в песенном фольклоре болгар Бессарабии представляют интерес с культурологической, исторической и лингвистической точек зрения. Фольклорные тексты позволяют проследить историю личного имени в народной среде, а также изменения под влиянием языка и культуры соседствующих народов в именнике представителей (определенной части) этноса.

Рассматриваемые в нашей работе антропонимы (личные имена) в песенном фольклоре болгар-переселенцев (XIX–XXвв.) выделены из приложения к двухтомнику Н. Кауфмана «Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР» – «Вещен и именен показалец», составленному Стефкой Т. Константиновой. На данном этапе анализа мы не дифференцируем имена по употреблению в песнях определенного жанра или населенного пункта (как и их коннотацию), что имеет свое объяснение. Интерес представляет состав именника песен болгар Молдовы и Украины и сравнение его с бытованием соответствующих имен в метрополии (состав, частотность, зоны распространения), а также выявление некоторых особенностей этого именника. Мир имен в исследуемых текстах отличается своим разнообразием. В двух с половиной тысячах песен встречается около двухсот пятидесяти различных имен, каждое из которых может быть употреблено от одного до ста раз и более. Поскольку употребляемые в фольклоре имена, несомненно, соотносятся с теми, что встречаются в реальной жизни, представляется возможным в дальнейшем

выявить связь между частотностью употребления фольклорного имени и его присутствием в именной бессарабских болгар, по крайней мере, в определенный исторический период.

Для классификации выделенных имен мы воспользовались лексикографической информацией, данной в антропонимическом словаре Стефана Илчева «Речник на личните и фамилните имена у българите» (София, 2012). Информация к каждому имени приводится на основании извлечений из указанного словаря. В скобках курсивом указано число употреблений соответствующего имени в текстах песен. Уменьшительные и другие варианты имени приводятся через запятую к основной форме, если не даны как самостоятельные в словаре Стефана Илчева.

Ниже мы приводим имена, соответственно мужские и женские, извлеченные из всего массива исследуемых текстов песенного фольклора.

Представляем три подгруппы: а) имена, наиболее часто встречающиеся (более пяти употреблений) в корпусе текстов; б) редко встречающиеся имена (пять употреблений и менее); в) имена, встречающиеся в исследуемых фольклорных текстах, но не отмеченные в словаре Ст. Илчева.

В каждой из подгрупп приводится информация:

- о степени распространенности имени в метрополии;
- о преимущественном ареале распространения в метрополии;
- о происхождение имени (христианское – языческое, славянское – неславянское, основное – производное), с возможной степенью полноты.

Данная информация, извлеченная из упомянутого словаря Ст. Илчева, позволит проследить некоторые культурно-исторические связи болгар-переселенцев с метрополией на уровне отношения к личному имени как элементу культурного кода (сохранность в фольклоре и бытование в реальной жизни).

Мужские имена

1) Часто встречающиеся в песнях мужские имена

а) Отмечены в словаре Ст. Илчева как *распространенные на всей территории Болгарии*:

Богдан, Богданчо м – «даден от Бога», отговаря на гръцко Теодосий. (10); **Велко, Вельо** м – от старинно велий «голям, велик». (7); **Вълко, Вълче, Вълчо** м – от вълк – заклинателно име: да не му пакостят вълци (понеже сам той е вълк). (9); **Георги (Герги, Геро – рядко име)** м – гр. Георгиос «земделец». Име на календарски светец. Едно от най-разпространените имена в цялата страна. (26) **Дамян** м – име на календарски светец, евр. «победител». (10); **Иван** м – от евангелско «Ioannos», старобългарско **Иоан**, от евр. «бог е милостив» или «божия благодат» – до неотдавна най-разпространеното мъжко име из цялата страна (95); **Иванчо** м – ума-

лит. От Иван, в миналото било характерно за заможни хора (см.: Иван); **Караджа** м – от тур. Karaca 1. Възчерен, мургав; 2. Сърна. (10); **Костадин** м – от Константин... (13); **Марко** м – лат. Marcus. Име на един от четиримата евангелисти. (17); **Мирчо** м – умалит. от Миро, Мирьо или направо от Владимир, Любомир (8); **Митьо** м – съкрат. от Димитър, източно съответствие на Мито. (8); **Никола, Николчо** – съкрат. от Николай. Много разпространено из цялата страна. (29); Петър м – гр. Petros «камък, скала» – име на евангелски апостол, едно от най-разпространените из цялата страна. (17); **Стоян** м – от Стойо. Едно от най-разпространените из цялата страна народни имена, особено в песни. (119); **Тодор, Тодорчо** м – от гр. Theodoros «божи дар» – име на календарски светия. Доста разпространено из цялата страна. (38)

б) Встречаются имена, отмеченные в словаре Ст. Илчева как употребляемые преимущественно в Восточной Болгарии. В фольклоре они частотны как имена, *характерные для той части метрополии, откуда пришли болгары бессарабской диаспоры.*

Дан, Даньо м – съкратено от Йордан (или от Данаил). Главно ИзБ. (6); **Димитър** (разг. От Димитри), м (Димо – съкрат. от Димитър. Главно в СИЗБ) (17); **Димчо** – умалително от Димитър. Гр. Dimitrios – посветен на богинята на плодородието. (18); **Еньо** м – от Яньо с преглас на я в е. Главно ИзБ. (8); **Росен** м – от раст. росен. Сравнително ново и рядко. Шумен, Нова Загора... (9); **Яне, (Янко** – умалит от Яне. Из цялата страна) м – гр. Iannes, съкрат. от Ioannos. Главно ЮЗБ. (7).

Происхождение мужских имен в группе частотных:

Христианское происхождение в представленной подгруппе имеет более половины имен (14): **Георги, Дамян, Димитър, Димчо, Еньо, Иван, Иванчо, Константин, Марко, Митьо, Никола, Николчо, Петър, Яне.**

Славянские имена языческого происхождения: пожелательные (**Велко, Вельо**), заклинательные (**Вълко, Вълче, Вълчо**), защитные (**Богдан, Богданчо, Дан, Дано, Мирчо, Стоян, Тодор, Тодорчо**).

Преобразованная форма – у двух имен (**Еньо, Костадин**). Одно имя (**Караджа**) – турецкого происхождения. Частотность последнего объясняется тем, что это имя болгарского национального героя.

2) **Редко встречающиеся мужские имена**

а) Ряд имен отмечен как *распространенные по всей Болгарии.*

Аврам, Аврамчо м – библейско име, евр. (4); **Александър** м – гр., *александрос*, «защитник на мъжете» – у нас разпространено главно през втората половина на XIX в., особено около освободителната война и наскоро след нея – покрай името на руския император Александър II... (1); **Алексий** (в словаре Ст. Илчева **Алекси** м – гр. «Алексиос» «който носи помощ, защита» – име на календарски преподобен... (1); **Ангел** м – гр. «Ангелос»

– «вестител». Доста разпространено из цялата страна. (2); **Андрейко, Андрейчо** м – умалително от Андрей – гр. «мъжествен» – име на евангелски апостол... (2); **Андон** м – от Антон с новогръцко озвучаване на нт в нд... (4); Антон м лат. Antonius – име на стар римски род. (1); **Милко** м – умалит. от Мильо, Миле или направо от Михаил. На разни места из страната. (1); **Павел** м – гр. Paulos от лат Paulus «мальк» – име на християнски апостол. Из цялата страна. (2);

б) В исследуемых текстах в группе редко употребляемых встречаются и имена, *характерные именно только для определенных регионов метрополии*, часто в пограничной зоне – Восточная Болгария (Восток, Юго-Восток, Северо-Восток), а также Северная Болгария, в отдельных случаях – Западная Болгария (Запад, Северо-Запад, Юго-Запад). Эти имена маркируют *географические зоны происхождения болгарских переселенцев*.

Бальо м ... главно из СИЗБ... (1); **Богой** м – разширено от Бого (съкрат. от Богдан)... (1); **Брайно** м – от брайно «brate мой»... (5); **Велико** м – разширено от Велик. ИзБ (1); **Видул** м – успоредна форма на Видол (2); **Гаврал** м – съкратено от Гавраил – библейско име. Евр. «крепост божия». Рядко. (1); **Ганьо** м – успоредна форма на Гано, главно ИзБ. Разширено от Ган, съкратеното от Драган. (1); **Гоцьо** (Гоцо) м – видоизменено от Георги. ЮЗБ. (1); **Грозньо** (возм. от Грозьо, умалително от Грозен м – от грозен – защитно име, схващано и като умалително от Гроздан). (1); **Демир** м – от тур. Demir «желязо, железен» (другаде е типично циганско име). (2); **Драги** (от Драгин) (1); **Енчо** м – умалит. От Еньо. Главно СИЗБ. (1); **Иремия** м – вм. Еремия. Пещера. (1); **Койо** м – а) далечно видоизменено Костадин; б) от Кольо... (1); **Коста** – гр. Kostas съкрат. на българска почва Костадин, Константин. Главно ИзБ. (1); Косьо – (1); **Лалуш** (Лалчо - рядко, Лалю) м – от Лало (видоизменено от Лазар). (1); **Мавруд** (в словаре Мавруди м – гр. производител на грозде и вино, Сливен) (1); **Мартин** м – лат. Martinus. По името на бог Mars, Martis – име на календарски светия... Сливенско... (1); **Милен** м – от Миле (съкратено от Михаил или от Милети), ЮЗБ. (3); **Миленчо** м – умалит. от Милен. Рядко. (1); **Милуш** м – от Мило. Рядко. (2); **Мильо** м – съкрат. от Михаил (1); **Милян** (от Милан, Мило) (1); **Михо** м – съкратено от Михаил. СИЗБ. (1); **Младин** м – разновидност на Младен (Габрово) (1); **Момчил** м – от **Момчо** (от момче – у родители, които си нямат и жадуват мъжка рожба), Сливен... (1); **Нанко, Начо** м – умалит. форма от Наньо, Нано (видоизменено на Найдан или Атанас)... (1); **Паньо** м – успоредна форма на Пано (съкрат. от Панайот, Пантелей или друго подобно име. Главно ЗБ. (1); **Пенко** м – умалит. от Пеньо, Пено (обособено от Петър, Петко или друго подобно име. Главно ИзБ. (1); **Първан** м – от Първи. Из разни места. Главно СЗБ. (5); **Ради** м – североизточна форма на Радьо. (5); **Руман**

(от Румен - ? м – от румен – «с бяло-червено лице». В миналото рядко, от три-четири десетилетия насам много разпространено). Възможно от Роман – от лат. Romanus «римлянин» – име на календарски светия. На разни места. Главно в СБ. (1); **Славчо** м – умалително от Слав – съкратено от Радослав, Доброслав, Владислав или друго подобно име. Габрово, Сливен, Казанлък, Стара Загора... (1); **Спиро** м – съкратено от Спиридон (2); **Танас** (Атанас) м – съкрат. от Атанас – гр. Atanasios «безсмъртен» – име на календарски светия. Доста разпространено, особено в ИзБ. (1); **Таню** м – (Таньо – видоизменено от Атанас, Станьо Христиан или друго подобно име. Главно ЮИзБ. (1); **Толю** м – (Тольо – съкрат. от Анатолий... Габрово, Нова Загора...) (1); **Чавдар** м – Псевдоним на някогашен войвода – от пер.-тур. «големец, сановник»... (1); **Яне**, (Янко – умалит от Яне. Из цялата страна) м – гр. Iannes, съкрат. от Ioannos. Главно ЮЗБ. (7).

Происхождение мужских имен в группе редко употребляемых в песнях: *имена християнского происхождения: Гаврал, Гоцьо, Гоцо, Енцьо, Иремия, Койо, Коста, Лалуш, Мартин, Мильо, Михо, Паньо, Пенко, Танас, Яне;*

языческого происхождения: пожелательные (Богой, Брайно, Велико, Видул, Ганьо, Драги, Милен, Миленче, Милуш, Момчил, Нанко, Начо, Първан, Ради, Руман, Славчо, Спиро); защитные имена (Бальо, Грозньо).

Заимствованные нехристиянские имена: Демир, Мавруд, Толю

3) Мужские имена, не отмеченные в словаре Ст. Илчева

Имена, встречающиеся в исследуемых текстах, но не отмеченные в словаре Ст. Илчева, можно объединить по следующим параметрам:

а) *видоизмененные* (возможно, как и в других случаях, видоизмененный вариант имени имеет местное происхождение):

Захарко – в словаре не отмечено; есть **Захари** и **Захарий** м – име на библейски пророк и други светии, евр. «бог си спомня». Главно ЗБ... (1); **Йорги** м – в словаре не отмечено. **Йорго** м – видоизменено от Георги... (1); **Лаламбо** – в словаре не зафиксировано (возможно Ламбо – съкрат. от Хараламби. Сливен) (1)

б) *турецкие и другие иноязычные по происхождению имена:*

Кардаш (в словаре не отмечено, но: Кардашев ф – от тур. kardas «брат». Рядко, на разни места из страната) (1); **Мендел** (евр.), Мустафа – (1), **Семьон** (рус.), **Сюлейман** – (1); Чакър – в словаре не отмечено. Есть **Чакър** ф – от диал. чакър «светлосив, със светлосиви очи» (тур. saкур), Кюстендил, Троян. (3)

в) *имена неясного происхождения:*

Ведрьо – (возм. от Ведър ф – стар псевдоним, възприет като редовно

фамилно име). (1); *Дивдан* (в сл. Ст. Илч. не отмечено, есть Дивдена ж – според Вайганд «дива, палава мома»). (1); *Ребрю* – (1); *Стрелю* (1); *Харо* – в словаре не отмечено (но отмечено прозвище – прякор Харов – от гр. *Наро* – «зъл, омразен старец») (1); *Ямбро* – (1)

Женские имена

1. Часто встречающиеся женские имена

а) Отмечены в словаре Ст. Илчева как *распространенные на всей территории Болгарии*:

Бояна, Боянка ж – женска форма срещу Боян. (Примечание: Боян м – старинно име от прабългарски произход, тюркско *bajan* «богат»; от старобългарско време оцеляло като народно име и преосмыслено по глаг. боя се «да се боят от него»... Из цялата страна). (8); *Вида* ж – женска форма срещу Виден. Нарядко из цялата страна. (Виден м – пожелателно име: да бъде виден, известен, почитан. Нарядко из ЗБ). (16); *Дена* ж – съкрат. от Младена или Магдена, Радена, Севдена или женска форма от Денъ, Дено. Самоков... (8); *Дона, Донка* ж – женска форма от Доно, Доньо. (65); *Елена, Еленка* ж – гр. *Elene*, сродно с *Ele* «слънчева светлина» – име на календарска светица. (37); *Ирина, Иринка*, ж – гр. *Eirene* «мир» – име на календарска светица. (21); *Калина, Калинка* ж – от дръвче калина заради хубавите му червени плодове. Нарядко из цялата страна. (8); *Мария, Марийка* ж – *Мара* ж – съкратено от Мария... гр. *María* от евр. Мариам, чието значение едни смятат за неизяснено, други го превеждат «твърда, постоянна» – евангелско име до неотдавна най-разпространеното име у нас. (28); *Неда* ж – съкрат. от Неделя (14); *Пена, Пенка* ж – съкрат. от Петкана, Петрана или друго подобно име. (18); *Севда* ж – от ар.-тур. «любов». Нарядко из страната. (11); *Станка* ж – умалит. от Стана. Широко разпространено, но вече се смята за остаряло (38); *Тодора, Тодорка* ж – женска форма срещу Тодор (гр. «божи дар» – име на календарски светия...). Из цялата страна. (56); *Яна, Янка* ж (Янчица ж – в словаре не отмечено) – женска форма срещу Яне, Яньо... Из цялата страна. (65)

б) Встречаются имена, отмеченные в словаре Ст. Илчева как *употребляемые преимущественно в Восточной Болгарии*. В фольклоре они частотны как имена, характерные для той части метрополии, откуда пришли болгары бессарабской диаспоры. Встречаются и имена, распространенные в Западной Болгарии.

Драгана, Драганка ж – от Драга или женска форма от Драган. Главно ЗБ. (26);

Маринка ж – умалит. от Марина или женска форма на Марин. Типично за Шумен... (40); *Неделя, Недка* ж – от седмичния ден неделя.

Главно ИзБ. (5); **Нена, Ненка** ж – от Неда с друго окончание. Средногорието... (5); **Рада, Радица** ж – женска форма срещу рад. Сливен... (160); **Руса, Руска** ж – от руса «светлокоса». ИзБ. (12); **Стана** ж – женска форма срещу Станьо. Главно СзБ. (38); **Стойна** ж – от Стоян. Главно ЮЗБ. (7)

Происхождение женских имен в группе редко употребляемых в песнях:

Христианское происхождение в представленной подгруппе имеют следующие имена: **Елена, Ирина, Иринка, Мария, Марийка, Пена, Пенка, Тодора, Тодорка, Яна, Янка**;

Имена *языческого происхождения* (в основном – пожелательные): **Бояна, Боянка, Вида, Дена, Дона, Донка, Неда, Севда, Станка, Драгана, Драганка, Маринка, Нена, Ненка, Рада, Радица, Руса, Руска, Стана, Стойна**.

2. Редко встречающиеся женские имена

а) Отмечены в словаре Ст. Илчева как *распространенные на всей территории Болгарии*:

Ангелина, Ангелинка ж – съкрат. от Евангелина. Смятано като женска форма от Ангел. Доста разпространено. (5); **Вера** ж – рус. Вера. От освобождението насам доста разпространено. (1); **Дамяна** ж – женска форма от Дамян. Нарядко из цялата страна. (2); **Мила** ж – от мила... На разни места из страната. (2); **Милка** ж – умалително от Мила или направо от мила. На разни места из страната. (1); **Райна** ж – от Радка. Из цялата страна. (2); **Славка** ж – умалит. от Слава. Нарядко из цялата страна. (1); **Стефанка** ж – умалит. от Стефана. (1); **Стоила** ж – женска форма от Стоил. На разни места. (1); **Тинка** ж – умалит. от Тина (съкрат. от Кристина, Христина ... или друго подобно име). На разни места из страната. (2); **Цвета** ж – от цвете. Из цялата страна. (2)

б) Встречаются имена, отмеченные в словаре Ст. Илчева как *употребляемые преимущественно в Восточной Болгарии*. В фольклоре они частотны как имена, характерные для той части метрополии, откуда пришли болгары бессарабской диаспоры. Встречаются и имена, распространенные в Западной Болгарии. Отмечены и отдельные населенные пункты, расположенные в разных частях Болгарии, чаще в Восточной Болгарии.

Биса ж – съкратено от Бисера. Македония. (1); **Вишана** ж – женска форма от Вишан. Силистра, 1894. (1); **Валя** ж – съкратено от Валентина, Валерия или друго някое име. Ново. Рядко. (1); **Ваца** ж – съкратено и умалит. от Иванка или от Василка. Ботевградско. (1); **Велика** - (1); **Вълкана** ж – женска форма срещу Вълкан. Главно ЗБ. (1); **Гая** ж – а) женска форма срещу Гальо. Старо. б) рус. Галя, умалит. от Галина. (1); **Гроздена** ж – женска форма от Грозде. Софийско...(1); **Даша** ж – съкратено от

Йордана (или от Трендафила), успоредна форма на Дана, Даца, Дача. Ботевградско... (1); **Ела** ж – съкратено от Елена, Еглика или някое друго име. Софийско. (1); **Зоя** ж – Побългарена форма на Зой. Главно ЮИзБ и Македония. (1); **Йонка** ж – умалит. от Йона (съкрат. от Йована). (1); **Койка** ж – женска форма от Койо, Койко. Типично за Елена; Толбухинско. (1); **Мавруда** ж – женска форма от Мавруди (гр., Сливен). Пловдив. (1); **Марга** ж – съкратено от Маргарита ... Свищов (2); **Маргьола** ж – от писмената форма на Мариола. Русе, Сомовит. (1); **Маричка** ж – умалит. от Мария или от Марица... (1); **Маруся** ж – рус. Умалително от Мария. Ново, рядко. (2); **Махруда** ж – от Мавруда (Н. Геров) (1); **Маша** ж – рус. Маша, умалит. от Мария. Ново, рядко. (1); **Мита** ж – съкратено от Димитра. Рядко. (2); **Мица** ж – съкратено от Мария. Ботевградско... (1); **Момяна** ж – от Момена. Синод. именник. (1); **Нанка** ж – умалит. от Нана. Ботевградско, Шумен... (1); **Оля** ж – рус. умалит. от Олга. (1); **Петкана** ж – от Петка. Старо. (2); **Поля** ж – съкрат. от Поликсена, Павлина или друго подобно име. Търново. (2); **Роска** ж – умалит. от Роса (съкрат. от Русана. ЮЗБ). Ново. Рядко (1); **Стойка** ж – женска форма срещу Стойко. Типично за Шумен и СИЗБ. (1); **Тана** ж – женска форма срещу Тано, Таньо. Стара Загора... (1); **Цена** ж – съкрат от Цветана. Главно ЗБ. (1)

Происхождение женских имен в группе часто употребляемых в песнях:

Христианское происхождение в представленной подгруппе имеют следующие имена: Ваца, Ела, Елена, Ирина, Иринка, Йонка, Мария, Марийка, Маричка, Маруся, Маша, Мита, Мица, Пена, Пенка, Петкана, Тодора, Тодорка, Яна, Янка;

Имена языческого происхождения (в основном – пожелательные): Биса, Бояна, Боянка, Вида, Вишана, Велика, Вълкана, Гроздена, Дена, Дона, Донка, Драгана, Драганка, Зоя, Койка, Марга, Маринка, Момяна, Нанка, Неда, Нена, Ненка, Рада, Радица, Роска, Руса, Руска, Севда, Станка, Стана, Стойна, Тана, Цена

3) Женские мена, отсутствующие в словаре Ст. Илчева

Богданица ж – (възможно, жена на Богдан – Н.К.) (1); **Бодина** ж – (в словаре **Бода** – от Богда или съкратено от Свобода. София (1); **Борянчица**, **Боянчица**; **Варя** ж – (примечание: есть **Вара** ж – съкрат. от Варвара. Банско) (2); **Ивгелина**, **Игиня**, **Иляна**, **Иринчица**, **Йорданчица** (1); **Кера** ж - (6); **Кубанка** (1); **Мургила**, **Маринчица**, **Мариша** (1); **Миляна** ж – (2); **Нянка** (1); **Селимана**, **Сермянка**, **Сифиринка** (1); **Тифтяна**, **Тодорчица** (1); **Яга** ж – (1).

Имена, встречающиеся в исследуемых текстах, но не отмеченные в словаре Стефана Илчева, можно объединить по следующим параметрам:

а) *видоизмененные* (возможно, как и в других случаях, видоизменен-

ный вариант имени имеет местное происхождение): *Богданица, Борянчица, Боянчица, Варя, Иляна, Иринчица, Йорданчица, Маринчица, Мариша, Миляна, Нянка, Тодорчица*;

б) иноязычные и неясного происхождения: *Кубанка, Мургила, Селимана, Сермянка, Сифиринка, Тифтяна, Яга*.

Для выделенных в наших текстах имен характерна высокая вариативность в виде производных (Иванка, Иванчица, Рада, Радка, Стана, Станка и проч.). Среди мужских имен в текстах песенного фольклора болгар Молдовы и Украины как наиболее частотные выделяются следующие: *Герги* (26); *Иван* (95); *Стоян* (119); *Тодор* (38).

Самые частотные женские имена: *Рада* (160); *Янка* (65); *Донка* (65); *Тодора* (56); *Маринка* (40); *Елена* (37); *Станка* (38); *Мария* (28); *Драгана* (26).

Отмечены как распространенные в конкретных областях Болгарии (преимущественно восточной) примерно равное количество мужских (42) и женских (39) имен.

В группе как мужских имен, так и женских, количество языческих по происхождению преобладает по сравнению с христианскими.

Степень подверженности именника фольклора влиянию соседствующих этносов (восточнославянского, романского) минимальна. Встречаются только единично русские и романские имена (*Валя, Галя, Оля, Поля, Семьон, Мирчо* и т.д.). Это свидетельствует о высокой степени устойчивости традиционной культуры по отношению к контактным влияниям.

В целом рассмотренный состав антропонимов в текстах песенного фольклора болгар-переселенцев Молдовы и Украины показывает богатство и разнообразие традиционного именника, отражающего отношения человека с миром природы и христианской духовности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Илчев Стефан. Речник на личните и фамилните имена у българите. София, 2012.
2. Кара Н. В. Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX в. // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещеряку). Кишинев, 1999.
3. Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София. Т.1, 1982.; Т.2, 1982.
4. Колесник В.А. Болгарская антропонимия юга Украины. Дисс... кандидат. филол. наук. Одесса, 2003.

5. Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.

6. Михина А. Ф. Антропонимия болгар северного Приазовья // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине. Кишинев, 1993.

7. Суперанская А. В. и др. Теория и методика ономастических исследований. Москва, 2007.

8. Томахин Г. Д. Теоретические основы лингвострановедения. Дисс... докт. филол. наук. Москва, 1984.

9. Чурсина И. С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и этнокультурный аспекты). Дисс... канд. филол. наук. Тула, 2002. - <http://www.disscat.com/content/razvitie-antropo-nimikona-angliiskogo-yazyka-morfonologicheskii-i-sotsiokulturnyi-aspekty>

Статья сдана в печать.

ТУРЦИЗМЫ С ЭКСПРЕССИВНОЙ КОННОТАЦИЕЙ В БЕССАРАБСКИХ БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ

В болгарских говорах Молдовы и Украины сохраняется значительное количество турцизмов, которые мы находим и в народных говорах Р. Болгария. Современный болгарский литературный язык в процессе своего формирования (и в результате целенаправленной работы болгарских лингвистов) был очищен от многих слов турецкого происхождения как слов языка порабощенных.

Как и заимствования из других языков, слова турецкого происхождения в болгарском языке появились вместе с некоторыми явлениями и понятиями, привнесенными в результате большого вхождения во все сферы жизни материальных, социальных и других явлений из культуры турок в период с начала XV до второй половины XIX века. И, как пишет болгарский исследователь Боян Николов, «...турският лексикален пласт в българския език е много близък до сърцето ни. Иначе казано, въпреки борбата с турцизмите през Възраждането (а тя не е напълно замряла и днес), турските думи са навлезли много дълбоко в културата и – да! – в съзнанието на народа ни» [цит. по: В. Кръстева 2000: 5].

В современном болгарском языке вновь происходит расширение сферы функционирования и изменение стилистического статуса турцизмов. Результаты наблюдения за этим процессом и его лингвистический анализ нашли отражение в работе болгарского исследователя Веселы Крыстевой – «Речник на турските думи в съвременния български печат» [Кръстева 2000]. Автор отмечает, что многочисленные слова турецкого происхождения, которые функционировали в разговорно-бытовой речи болгарина на протяжении столетий, со времени турецкого рабства и до наших дней, переживали периоды затишья и экспансии. Постепенно оформилась относительно малочисленная, но постоянная по составу группа, включающая языковые элементы турецкого происхождения, нейтральные с точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски или стилистически окрашенные (чаще с окраской неодобрительное, шутливое, ироничное и др.), относящаяся к лексике литературного языка. В большинстве своем слова турецкого происхождения специализированы на названиях предметов быта или обозначают явления, связанные в сознании болгарина с эпохой османского владычества – с восточным (ориентальским) бытом, нравами и порядками того времени. Но в современном болгарском языке много и таких турцизмов, которые маркируются как диалектная или просторечная лексика.

О современной активизации турцизмов в болгарском языке рассуждает и болгарский исследователь К. Чакърова: «Едва ли е нужно да се подчертава специално, че в случая с турските думи не може да се говори за пряка лексикална инвазия, а по-скоро за “реставрация” на една от пасивните субсистеми на българския език, която по различни общественно-политически и културноисторически причини се е схващала (и все още се схваща) като просторечна, непрестижна, неестетична» [Чакърова 2002].

Основная масса турцизмов, оставшихся в болгарском языке со времен турецкого владычества, отражена в толковых словарях болгарского языка, в словарях иноязычных заимствований, в словарях народных говоров и в известном словаре «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век» под редакцией Стефана Илчева [РРОД]. Часто турцизмы в этих словарях сопровождаются пометами *разговорное, устаревшее, диалектное*.

Что касается болгарских говоров Молдовы и Украины, то лексика турецкого происхождения в этих говорах, как и в литературном болгарском языке, дифференцирована и по включенности в различные лексико-семантические группы, и по особенностям экспрессивной коннотации.

По мнению болгарских лингвистов, сегодня в болгарских СМИ турцизмы активизируются как лексический пласт, с одной стороны, маркированный своей отнесенностью к разговорной стихии, а с другой – в значительной степени как экспрессивно нагруженная лексика. В диалектных турцизмах значительную группу представляют слова с оценочной коннотацией. Но эта лексика, при стилистической маркированности как таковой и экспрессивно-оценочной нагруженности, не относится в диалектах, в отличие от болгарского литературного языка, к «непрестижной», просторечной, выталкиваемой из сферы повседневного употребления.

Болгарские диалекты Молдовы и Украины до недавнего времени – язык, обслуживающий различные сферы жизни болгарина диаспоры. Турцизмы в этом языке, отделенном от языка метрополии на протяжении веков, претерпели определенные семантические и коннотативные изменения, что интересно для лингвиста не только само по себе, но может быть показателем и некоторых общих языковых процессов.

Объектом наблюдения в статье является лексика турецкого происхождения в одном из диалектов бессарабских болгар. В основном это слова, выражающие оценку человека, его поведения и межличностных отношений и, соответственно, содержащие экспрессивную коннотацию.

Источником материала послужило самонаблюдение автора статьи и речь болгар – жителей Тарутинского района Одесской области. Автор – бессарабская болгарка, представительница шестого поколения переселенцев, воспитывалась в семье выходцев из села Гюльмен (сегодня – село

Яровое Тарутинского района Одесской области Р. Украина). Жители этого села «сохраняют особенности своего материнского ямбольского говора балканского типа» [Колесник 2001: 5]. Представленная лексика широко употреблялась бабушкой автора статьи – Марией Захаровной Дожа, 1900 года рождения, которая очень много внимания уделяла воспитанию внучки. Процесс воспитания постоянно был связан с оценкой разных человеческих поступков, действий и человеческих качеств, пояснялось – где прямо, а где – через скрытую оценку – что хорошо, а что – плохо. В памяти автора звучит голос бабушки, целые фразы, слова – в контексте высказываний. Понятно, что-то выпало из памяти, но и сохранившееся, с нашей точки зрения, значимо для изучения интересующей нас лексики. Рассматриваемый лексический пласт можно отнести к представленному в диалекте жителей села Гюльмен в первой половине XX века. В качестве дополнительного источника соответствующей лексики мы использовали словарные материалы, приведенные в книге Валентины Колесник «Евгеновка (Арса). Ономастика, Говор. Словарь» – «Речник на гюльменския говор» [Колесник 2001: 230-279].

При отборе лексики мы остановились на минимуме слов бессарабского диалекта, относящихся к нормативным в современном болгарском литературном языке. При анализе и выявлении особенностей значения и экспрессивной коннотации исследуемой лексики мы использовали данные некоторых словарей болгарского языка, а также словники, приведенные в ряде научных исследований языка болгар Молдовы и Украины.

Как утверждают современные исследователи, «система коннотативных значений, отражающих отношение носителей языка к объектам континуума, ... является вербализацией особенностей и этнической ментальности, и индивидуальной психологии носителей языка» [Мигирина 2009: 203]. Современное исследование и описание лексических единиц (а таково мнение современных лексикографов – см.: Мануйлова 2008; Солодуб 1997) должно учитывать их прагматическую направленность, прагматический «заряд», возникающий в процессе живого общения. В ряде слов явно или неявно присутствует установка на межличностные отношения. Как правило, это слова, характеризующие человека – его моральные качества, свойства характера, особенности поведения, слова, выражающие восприятие и оценку человеком реальности, о которой он сообщает. Отличительный признак таких слов – оценочность. Оценка, содержащаяся в таких прагматически ориентированных языковых единицах, зависит, в частности, от особенностей адресанта и адресата, их статуса в условиях речевого акта, т.е. от того – кто говорит и кому говорит. «Очевидно, не все реализации слова в условиях речевого акта возможно зафиксировать» [Мануйлова 2008: 29]. Последнее утверждение прямо относится к опре-

делению, в зависимости от речевой ситуации, семантики и особенностей коннотации слова, употребленного в устной разговорной, в частности – диалектной речи, в которой велика степень субъективного компонента. Что обычно и вызывает трудности при определении коннотативного элемента в языковом и контекстуальном, речевом значении слова.

И в науке, как пишет О.С. Сапожникова, «причина расплывчатости при дефиниции коннотации видится в ее двойственной природе: лингвистической и экстралингвистической. Обусловленность коннотации экстралингвистическими причинами проявляется в ее ассоциативной сущности, в способности языковых фактов вызывать представления об определенной социальной сфере, условиях функционирования языка, ролевых отношениях между коммуникантами.» [Сапожникова 2003: 70]. По мнению автора этого высказывания, коннотационный критерий позволяет выявить такие важные аспекты функционирования языка, как психологический, социологический, идеологический, эстетический. Лексические единицы с прагматической направленностью могут быть ориентированными на определенную функциональную сферу или социальную среду.

Для предварительного анализа и описания указанной лексической группы мы выбрали около шестидесяти слов. Они достаточно частотны по употреблению в повседневной диалектной речи болгар Молдовы и Украины и встречаются в целом ряде говоров. В связи с небольшим объемом рассматриваемой группы (лексика с экспрессивной коннотацией) мы позволим себе привести почти все слова, объединив их в следующие группы по характеру значений, с различной частеречной отнесенностью.

Характеристика человека: *Бозав, дангалак, душмянян, инат (янат), кирлив, кахърен, кужамити, маскара, серт, серсем, хайдутин, хаймана.*

Состояния человека: *Айлак, кандисвам, кулай, пишмян, рахат, серсем, халал, хинийет*

Действия человека: *Заптисвам, курдисвам, танадисвам, уйдисвам*

Характеристика действий человека: *Дибидюс, зорлен, зидя, на кушии, кулай, таман, халис, хожма, хеля*

Существительные с оценочным значением: *Акъл, батак, беля, гибря, дамга, зор, късмет, кахър, килипир, кусур, кавга, лабут, махла, махна, мурафет, урталък, файда, хатър*

Междометия и частицы; вводные слова: *Айол, аслъ, герчек, димек, санким, кяр*

Каждое из приведенных выше слов кроме лексического значения обладает определенной коннотацией, которая не всегда сопровождает узусное значение слова, отраженное в соответствующих словарях, а может проявляться в момент употребления слова в речи. Эта коннотация чаще выражает разную степень негативной оценки, указание на разную степень отклонения в поведении или состоянии предмета речи от некоего принятого стандарта. Контекст, в котором слово становится выразителем этой негативной или несколько сниженной оценки, весьма вариативен.

Мы сопоставили значения и коннотацию представленных слов соответственно в бессарабском болгарском говоре, в диалектах Болгарии, в современном болгарском языке.

Следует отметить, что коннотация, а иногда и основное значение рассматриваемых турцизмов (при неоднозначности слова) могут отличаться в диалекте бессарабских болгар (современное употребление), в диалектах Республики Болгария и в современном болгарском литературном языке.

Как пишет М.М. Раевская, «... существующим в языке определенным моделям можно найти не только историческое, но и «этнокультурное» обоснование, ибо в фактах языка в определенной степени отражены особенности коллективного языкового сознания того или другого культурно-национального сообщества» (Раевская 2008: 214).

Можно предположить, что турцизмы в переселенческих болгарских диалектах и соответствующие лексические единицы в гагаузских говорах Бессарабии могут совпадать в своем значении. К данным гагаузского языка мы прибегали в том случае, если значение соответствующего турцизма, отмеченное нами в болгарском диалекте, не встречается в используемых нами словарных источниках. Данное предположение в большинстве случаев подтвердилось. Хотя эти сопоставления представляют интерес для лингвистических исследований, в своей статье мы не ставим задачей сопоставление такого рода как самостоятельный объект изучения.

В качестве дополнительных словарных источников мы используем материалы словаря кортенского говора («Речник на кортенския говор в Бесарабия»), приведенного в книге исследователя Василя Кондова – «Кортенските колонии в Бесарабия» [Кондов 2005], словарь говора села Евгеновка («Речник» в книге Валентины Колесник «Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь») [Колесник 2001]. Также нами использованы и словарные материалы, приведенные в книге Веселы Крыстевой «Речник на турските думи в съвременния български печат» [Кръстева 2000].

Известно, что употребленное в речи слово обрастает смысловыми и экспрессивными нюансами в каждой речевой ситуации. Эти наращивания

определяются типовыми и индивидуальными особенностями речевой ситуации, характерной для определенной этнической и социальной среды.

Интересным в этом отношении оказалось сравнение коннотаций и условий употребления некоторых из анализируемых слов в болгарских говорах (как турцизмов) и в составе собственно гагаузской лексики (как тюркизмов). В качестве информатора для определения значения соответствующих слов в гагаузском языке любезно согласился выступить носитель одного из гагаузских говоров – Георгий Константинович Кышлалы.

Материалы гагаузского языка помогли нам обнаружить совпадение коннотации в отдельных словах болгарского и гагаузского диалектов, при расхождении их с коннотацией, характерной для тех же слов в современном болгарском языке.

В рамках статьи остановимся прежде всего на словах, отличающихся по характеру коннотации в бессарабском болгарском диалекте и в современном болгарском языке.

1. Особенности коннотации слов, характеризующих человека:

Бозав – (тур. *Boz*), кроме отмеченного в словаре РРОД значения «сив» (серый) в диалекте контекстуально это слово могло обозначать «блеклый, бесцветный, невыразительный, выцветший». В нашем диалекте могло употребляться по отношению к внешности человека, чаще женщины, девушки. В таком употреблении в слове присутствует отрицательная, сниженная оценка. Словарь В. Колесник дает пояснение, которое дают сами носители диалекта – «никакъф, ниопридилен цвят, сиву-каричуф, кту уха, избияло». (Колесник 2001: 234).

Дангалак – (тур. *Dangil, dungul*), нейтральное значение, зафиксированное во всех используемых словарях, – «дълъг и едър човек». Но в нашем диалекте мы наблюдаем совпадение с компонентом значения, отмеченным из всех привлекаемых источников только в гагаузском языке.

По словам Г. Кышлалы, данное слово в соответствующей речевой ситуации имеет дополнительное значение «легкомысленный» – по отношению к ребенку, который вытянулся, но еще незрелый. Аналогично значение этого слова и в нашем болгарском говоре. Оценка дается человеку в контексте осуждения его поведения.

Инат – (тур. *inat* от ар.), словарное значение в РЧД: «твърдоглавие, безсмислено упорство поради зла воля» В диалекте дополнительно выявляется значение «злой»: «инат чияк, да нямаш с негу рабута».

Каил (не ставам каил, некаилен). (ар.-тур. *Kail*). В диалекте встречаются указанные в скобках варианты. Некаилен – «вечно всем недовольный человек, предпочитающий на добро отвечать недовольством, ворчливый».

Кирлив (кир) – (тур. Kir), словарное значение «нечистотия по тяло или дрехи». В диалектном употреблении – *«грязь на коже и слой отмерших клеток кожи, смываемые одновременно»*. *О долго не мывшемся человеке, кожа которого поросла слоем грязи*.

Кужамити – (перс.-тур. Kodja), словарное значение «доста голям». В гагаузском диалекте – «Kodja» – по отношению к зрелому мужчине. В болгарском диалекте – по отношению к подростку: «кужамити мумче стана» – с дополнительным элементом значения *«вырос и вошел в ум, выходит из подросткового возраста»*, с элементом ожидания разумных, осмысленных действий.

Хайдутин – (тур. Haidut), словарное значение в БТР: 1. Народен закрильник и отмститель през турското робство»; 2. «разбойник». В диалекте чаще употребляется в значении *«плохой человек, способный и на воровство»*, обычно по отношению к молодым людям. В словаре В. Колесник приводится пояснение носителей диалекта: *«...койту краде, хич ни са хубаи хора хайдуту, научени да крадът. Такъф хайдутян ут майката дите ши уткрамни»*.

Хайдамак – (тур. Haidamak), словарное значение в РЧД «безделник; скитник». В диалектном употреблении – *«по отношению к подросткам, ближе к юношескому возрасту, как характеристика агрессивного, недостойного поведения, иногда требующего защиты общества от него; хулиган»*.

II. Особенности коннотации слов, называющих **состояние человека:**

Айлак – (тур. aylak), в словаре РРОД «незает, свободен от работа». В РЧД – «месечна заплата, възнаграждение». В гагаузском диалекте – «свободный, незанятый, без дела», но отмечается элемент «в состоянии спокойствия». В болгарском диалекте в известном нам употреблении также присутствует этот дополнительный элемент *«свободен от работа, в спокойно душевно състояние, с особено душевно състояние»*.

Серсем – (перс.-тур. sersem), словарное значение БТР «глупав, малоумен». В гагаузском диалекте: «чего-то испугаться – когда речь идет о злой силе». В диалекте употребляется в значении *«растеряться, потерять голову, обезуметь в неожиданной или тяжелой ситуации»* – «Уплаших се, чисту сярсем станах».

Халал – (ар.-тур. Helal), в словаре РРОД «простено, подарено от все сърце». В словаре В. Кондова – *«простено от сърце, без съжаление»*. В болгарском диалекте – приведенное лексическое значение с пожелательной коннотацией – *«да му е на добро»*.

Пишмян – (перс.-тур.), в словаре БТР – «който съжالياва за нещо извършено от него и е готов да се откаже». В болгарском диалекте кроме

указанного значения слово дополнительно выражает *«не только сожаление, но и досаду говорящего по поводу сделанного им или сказанного»* – *«Напраих гу, ама вече пишмян сто пѣти станах».*

Рахат (ар.-тур.), в словаре БТР – «спокойствие, безгрижие, широта». Но слово в болгарском диалекте имеет одну особенность: обозначает покой, который наступит при условии, что *«указанное лицо или группа лиц не будут беспокоить говорящего»*: *«остави ме на рахат».* В словаре В. Кондова приведен пример: *«»Румѣнци ти няма да на устайат на рахат, чи тѣва камсамолицити ни на устаат на рахат».*

III. Глаголы, обозначающие действия человека:

Записвам – (тур. Zapıtetmek), в словаре БТР – прост. «задържам, обуздавам». В гагузском диалекте – *«справиться с чем-то, управлять».* В рассматриваемом диалекте слово употребляется чаще в обращении к человеку: *«записай се»* – в значении *«возьми себя в руки, справься с собой, обуздай себя»* с осудительной оценкой, чаще по отношению к детям.

Курдисвам – (тур. Kurmak), в словаре РРОД **курдисвам се** – «разполагам се, настанявам се». В словаре В. Кондова отмечено значение *«турям, настанявам».* В описываемом нами диалекте в слове отмечено дополнительное значение: *«располагать или располагаться там, где это явно нежелательно, неудобно».* Произносится с осуждением того, кто это делает. Подтверждается примером, записанным В. Кондовым: *«Де си курдисал тѣс тенджеря? Хич ни сѣ курдисвай тука!»*

Танадисвам – (тур. Tanımak), в словаре РРОД **танадисам** – «забележа, разпознавая». В словаре В. Кондова – *«наглеждам»*: *«Танадисвах дицата да ни стани нешту».* В нашем диалекте указанное значение сопровождается оттенком – *«не оставлять без присмотра, следить время от времени, заглядывать с заботой о благополучии объекта».*

Кандисвам – (тур. Kanmak) в БТР **разг.** «1. Скланям, съгласявам се. 2. Примирявам се, задоволявам се.» В словаре В. Кондова *«Задоволявам се, насищам се»* (пример употребления: *веки за мисо кандисахми*). В словаре Веселы Кръстевой – «1. Разг. Съгласявам се, скланям. 2. Диал. Омръзва ми». В нашем диалекте значение данного слова совпадает с последним – *«надоестъ»*, но с несколько другим оттенком – *«не выдерживать однообразия: «кандиса ми вече да го слушам».*

IV. Существительные с оценочным значением

В эту группу мы включили существительные, обозначающие различные явления и предметы, семантически разнородные, но употребляющиеся в диалектной речи с экспрессивной коннотацией – в основном отрицательного характера, хотя встречаются и слова с положительной

коннотацией. Заметим, что в некоторых из них актуализируется закрепленное в языке переносное значение (напр., «гибрия»).

Акъл – (арм.-тур.) в словаре БТР с пометой разг. «ум, разум». В словаре В. Кондова – «ум, разум, разсъдък, съобразителност». В гагаузских диалектах обозначает скорее не интеллект, а сообразительность. В рассматриваемом нами диалекте в значении слова в речи активизируется элемент – «разумность, глубокое понимание жизни»: *да знайши какъв акъл има тос чияк*». Но чаще употребляется в осудительном выражении – «акъл нямаш».

Беля – (ар.-тур. *bela*) в словаре БТР с пометой разг. «пакост, беда».

В словаре В. Кръстевой – «пакост, зло, нещастие, неприятность, лошотия». В болгарском диалекте – частотно употребление в значении «*свършиш порчу чего-либо: направих беля*», а также в значении «ущерб».

Гибрия – (гр.-тур. *gubre*) в словаре РРОД отмечено значение «тор», в словаре БТР – с пометой *прост.* – значение «тор, смет, боклук». В словаре В. Кръстевой: 1. Тор. 2. *Диал. грубо* Измет; долен човек. В нашем диалекте – *преносно*: «*изморен до крайна степен* – изморих се, чисто гибрия станах»; «*долен човек - гибрия чияк*». Во втором употреблении – моральная оценка человека.

Късмет – (тур. *Kismet*) в БТР късмет – *разг.* «1. Щастие, доброчестина. 2. Това, което предопределила съдбата на човека; дял, участ». В РЧД «1. Добра сполука, щастие. 2. Щаслива случайност, добър случай. 3. Съдба. Орис. В нашем диалекте встречается в трех вариантах употребления – 1. «*судьба – такъф мий касметя*», 2. «*счастье – нямам касмет, тый сам рудена*», 3. «*удача, везение – излези ми касметя*» [см.: Седакова 2005].

Килипир – (тур. *Kelepir*) в РЧД *келепир* – «купен много евтино или без пари», в БТР – *прост.* «придобиване на нещо бесплатно или на безценица». В словаре В. Колесник – «*печалба, изгода*». В нашем диалекте – «*что-то полученное без особой затраты труда, через везение; выгода – не очаквах, ама излезе ми гулям килипир*».

Кавга – (тур. *Kavga*) в БТР *разг.* «караница, крамола, свада». В словаре В. Кръстевой – «*разг.* Шумна караница, разправия, свада». В нашем диалекте также – скорее «*скандал, распря*», чем просто ссора: да ни са чува кавга ф кышти. Забулях ут кавги.

Кахър – (ар.-тур. *Kahir*) в БТР *разг.* «грижа, беспокойство, скръб, печал». В словаре В. Кондова «*грижа, тревога, мъка*». В словаре В. Колесник «*грижа*». В гагаузском диалекте – «озабоченность с элементом тревоги; одновременное указание на причину тревоги как объект и выражение душевного состояния». В нашем болгарском диалекте значение близко к тому, что отмечено в гагаузском диалекте: «1. *Тяжелая забота*. 2. *Непреходящее тяжелое душевное состояние, связанное с заботами* – чаще во мн.ч. *кахъри*». В словаре В. Кондова пример: «Ами аз бях убита ут кахъри».

Махла – (ар.-тур.) в БТР «част от селище, квартал, махла». В словаре В. Кондова «улица». В нашем диалекте – с негативной коннотацией – «чужая территория, куда нежелательно ходить, с элементом отторжения этого чужого пространства, как и людей, живущих там: се да сидиш у(ф) махлата; се пу махлата ходиш ; ко дириш ф махлата – с упреком».

Махна – (от пер.-тур. Behane) в БТР махана разг. **Намирам махана** – «изказвам неодобрение». В РРОД «недостатък». В словаре В. Кондова «недостатък или забележка». В нашем диалекте – в устойчивом словосочетании «намирам махна» – «ругать».

Хатър – (ар.-тур. Hatir) в БТР прост. «1. Угода, приятност. 2. Воля, желание. 3. Почит, уважение. 4. Пристрастие, снизхождение. 5. Мъка, недовольство». В РЧД «1. Угодливость, угодничество. 2. Почит, уважение. 3. Воля, желание. 4. Прен. Недовольство, мъка.» В словаре В. Кондова «воля, желание». Пример: «Хич ми хатъра ни гледа. Ни знайш хатър да гледаш на свекар и на свикърва...». В нашем болгарском диалекте – это «почтительность, уважение, которые проявляются в изъявлении особой заботы по отношению к другому».

Междометия, частицы и вводные слова

Как отмечают исследователи, междометия, частицы, восклицания, наречия и др. являются теми элементами разговорного языка, которые употребляются крайне часто и легко заимствуются. Скорее всего, это связано с тем, что междометиями и подобными словами заполняются паузы в речи, они помогают передать эмоциональное состояние говорящего, выражая таким образом оценку не прямо, а косвенно. Междометия, заимствованные из турецкого языка, чаще используются для передачи психологического состояния говорящего (Туманская 2006: 15).

Айол – (тур. Ayol) в РРОД «при обращение – ей ти; бе човек». В гагаузском диалекте – (ай – святой, ол – обращение; в целом – обращение к человеку с призывом «будь добр»). В нашем болгарском диалекте – «при обращении к человеку с оттенком мягкой, ласковой просьбы».

Асль – (ар.-тур. Asil) в БТР прост. «наистина, всъщност». В РРОД разг. «същински, истински». В нашем диалекте – «действительно – с оттенком абсолютного согласия и единства с автором утверждения».

Санким – (тур.) в БТР прост. «Впрочем, така да се каже, сякаш». В гагаузском диалекте – «между прочим». В нашем диалекте – «кстати, между прочим – о чем-то, о чем вдруг говорящий вспомнил и делает добавление к сказанному или уточнение – Санким, аз исках да ти кажа още вчера...».

Герчек – (тур. Gercek) в словаре РРОД «диал. Наистина, действительно». В нашем диалекте употребляется в значении «кстати – как добавление к сказанному, о чем говорящий вспомнил только сию минуту».

При этом «**санким**» предполагает отнесенность добавления или уточнения к более широкому контексту и содержанию речи говорящего, а «**герчек**» – к более частному, узкому моменту речи.

Представленные наблюдения позволяют предположить, что в лексической системе бессарабского болгарского говора турцизмы, по сравнению с бытованием их в болгарском языке метрополии, развили некоторые семантические и коннотативные особенности, связанные преимущественно с употреблением их в повседневной жизни, в тесном межличностном общении. Последнее предполагает расширение значения слов за счет вовлечения фоновой информации, связанной с особенностями жизни этноса, и появление также дополнительной экспрессии. В диалекте почти каждому приведенному турцизму может быть найден славянский синоним. Но турцизмы заняли свою нишу в лексической системе говора как средство, позволяющее выразить через номинацию соответствующего фрагмента реальности дополнительные ассоциативные моменты – чаще с негативной коннотацией. Здесь уместно упомянуть о «культурной коннотации». Это понятие вводит В. Н. Телия [Телия 1999]. В основе механизма возникновения этноконнотации предполагается ассоциативное переосмысление денотативного аспекта лексических единиц, его интерпретация в соответствии с представлениями, характерными для этнокультурной общности. Этноконнотация является компонентом национального языкового сознания, отражающим коллективные образные представления, систему типичных социально значимых явлений того или иного этноса. [Титкова 2003: 84]. Данное явление может быть рассмотрено и в контексте концептуальной системы языка, взаимопроникновения различных языковых систем, определения места заимствования в соответствующей языковой картине мира. [Туманская 2006: 3].

Сегодня в лингвистике в рамках балканистических штудий исследователи проявляют интерес к турецким лексическим элементам в языках Балканского Языкового Союза и влияние этих элементов на лексикон балканских языков. Применительно к разным языкам и диалектам это явление изучено неравномерно. Надеемся, что наш материал внесет определенный вклад в изучение этого явления.

Принятые сокращения

БТР – Български тълковен речник. Составители: Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Костов Н., Леков Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв. Четвърто издание. Наука и изкуство. София, 1997. 1903 стр.

РРОД – Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. Составители: Стефан Илчев, Ана Иванова, Ангелина Димова и Мария Павлова. Под редакцията на Стефан Илчев. София, 1974. 606 стр.

РЧД – Речник на чуждите думи в българския език. Составители: Александър Милев, Йордан Братков, Божил Николов. София, 1958. 743 стр.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кондов 2005** – Васил Кондов. Кортенските колонии в Бесарабия в светлината на езиковата археология. Ономастика. Език. Велико Търново.
2. **Колесник 2001** – В. Колесник. Евгеновка (Арса). Ономастика. Говор. Словарь. Том 3. Одесса.
3. **Кръстева 2000** – Весела Кръстева. Речник на турските думи в съвременния български печат. София.
4. **Мигирина 2009** – Н. И. Мигирина. Особенности репрезентации коннотативных значений на разных уровнях языковой системы. – В.: Славянские чтения (Выпуск 5). Материалы научно-теоретической конференции. Кишинев.
5. **Мануйлова 2008** – И. А. Мануйлова. К вопросу о прагматическом потенциале слова. – В.: Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4.
6. **Раевская 2008** – М. М. Раевская. Имя существительное как этнолингвистическая категория на примере испанской филологической традиции. В.: Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3.
7. **Сапожникова 2003** – О. С. Сапожникова К семантической систематизации коннотативных значений. – В.: Филологические науки. № 2.
8. **Седакова 2005** – И.А. Седакова. Заимствованное слово и его этнокультурные коннотации: болг. КЪСМЕТ. – В: Вопросы языкознания. № 3.
9. **Солодуб 1997** – Ю.П. Солодуб. Структура лексического значения. В: Филологические науки. №2.
10. **Титкова 2003** – О. И. Титкова. О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона. В.: Филологические науки. № 2.
11. **Телия 1999** – В. Н. Телия. Основные постулаты лингвокультурологии. // Филология и культура: Материалы 2-ой Международной конференции 12-14 мая 1999 г./ В 3 ч. Ч. 3. Тамбов.
12. **Туманская 2006** – Д. К. Туманская. Лексические заимствования как расширение концептуальной системы языка (турцизмы в новогреческом языке). Автореферат диссертации на соиск. уч. степ.кфн. Ростов-на-Дону.
13. **Чакърова 2002** – Кристина Чакърова,. Отново за съдбата на турцизмите в съвременния български език (изоляция и/или реабилитация). – «Българският език – история, настояще, бъдеще”. Доклад, четен на Юбилейната международна научна конференция (в съавторство с Хюсеин Мевсим). София, 3-7.10. 2002. - <http://www.belb.net/personal/chakyrova/Turcizmi.htm>

Опубликовано в: Сборник «Курсом развивающейся Молдовы». Т. 10. М., 2010. С. 359 – 372.

ИЗ ИСТОРИИ РУМЫНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ *

Взаимодействие болгарского языка с другими литературно обработанными языками отражается на становлении его литературной формы как системы – на морфологическом, синтаксическом, отчасти фонетическом уровнях. Ярче всего иноязычное влияние сказывается на лексическом уровне. Наиболее интенсивно процесс заимствования иноязычных лексических единиц, как и становления системы болгарского литературного языка, протекает во второй половине XIX – начале XX века. Расширение сфер функционирования литературного болгарского языка и рождение новых форм общественной жизни требует новых языковых (лексических) средств. Для этих нужд болгарские писатели, публицисты, общественные деятели, лингвисты используют внутренние возможности языка, но прибегают и к заимствованиям из других языков.

В определенный период, как это случалось в истории формирования и других литературных языков, в болгарском появляется множество лексических дублетов, большая часть которых впоследствии из языка уходит. Наряду с лексическими заимствованиями наблюдается и явная тенденция выталкивания ориентализмов (турцизмов) и разговорных грецизмов из формирующейся системы болгарского литературного языка. Причины этого кроются не только и не столько в пробуждении национального самосознания и стремлении сохранить национальную самобытность, славянский характер литературного языка, но и в том, что определенные пласты указанной иноязычной лексики уже не отвечали потребностям и не отражали современный образ жизни [1, 319].

С середины XIX века наряду с учебной и научно-популярной литературой развиваются публицистика и художественная литература. В творчестве болгарских писателей широко используется русская лексика и определенный пласт румынской. Со временем, как и при любом терминотворчестве и заимствованиях, часть иноязычных слов утрачивается, а некоторые остаются. Иногда они выталкиваются в просторечие и сохраняются в диалектах. Это касается именно русизмов и румынизмов, так как многие из этих слов заимствовались не через литературу, а попадали в болгарский литературный язык из разговорной речи болгар, живших на границе с Румынией и в Румынии, а также обучавшихся долгое время в Бессарабии и в России.

Нас интересуют заимствования из румынского языка, появившиеся

---

* Статья написана в соавторстве с Л. Петренко

в болгарской литературе во второй половине – начале XX века в период интенсивного становления литературного языка.

Источником для описания румынских заимствований в болгарской художественной литературе и публицистике нам послужил словарь – «Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век» [2], под редакцией Стефана Илчева¹. В словаре насчитывается более 70 слов румынского происхождения. Несомненно, в силу многовекового территориального и культурного контакта болгар с восточнороманским народом (балканская языковая общность) в болгарских диалектах приграничных территорий всегда присутствовали румынские лексические заимствования.

В разных диалектах и в различные периоды изменялся состав заимствованной лексики, ее презентативность. На процесс формирования болгарского литературного языка значительное влияние оказали произведения художественной литературы и публицистика, основу которых составлял народный язык.

Лексика, отраженная в словаре, в основном исчезла из болгарского литературного языка; в нем сохранилось меньше половины выделенных нами слов. Заметим, что мы не касаемся современного диалектного состояния болгарского языка.

Помимо общекультурного, румынские заимствования в болгарском языке представляют интерес своей тематикой, степенью освоенности в языке, вхождением в определенные функциональные стили. «Словарь ...» Стефана Илчева можно отнести к типу исторических словарей. Лексика румынского происхождения, приведенная в «Словаре...», сопровождается пометой «диалектное». Такое распределение румынских заимствований по функционально-стилистическим группам в болгарском языке говорит о том, что все заимствования – результат культурно-территориальных контактов двух народов.

Лексика с пометкой «диалектное», как правило, оказывается более устойчивой и сохраняется в современном болгарском языке, в диалектах [3]. А вошедшая в литературный язык – оказалась устаревшей. В «Словаре иностранных слов в болгарском языке» [4] отмечено 20 заимствований из румынского языка.

Румынские лексические заимствования, активно употреблявшиеся в разговорной речи и в художественной литературе XIX – начала XX века, объединяются в несколько лексико-семантических групп. Сами объекты номинации и значения слов указывают на путь заимствования и сферу их функционирования.

Большинство слов имеют конкретное значение – *называют предметы крестьянского быта* [5, 6]:

фокня (рум. foc) – вид факела или кадила (кадила);

тараба (рум. taraba) – ограда из досок;
папушой (рум. papusoi) – кукуруза;
доница (рум. donita) – деревянное ведро;
беч (рум. beci) – подвал;
винтер (рум. vintir) – вид рыболовной сети и т.д.;

Есть лексика с топонимической отнесенностью:

балта (рум. balta) – придунайское болото;
косор (рум. – cos) – вырубленный и проросший лесок;

Некоторые слова называют лица и предметы из социальной реальности:

транкалая (рум. trancalau) – вид хоры;
биржа (рум. birja) – фаэтон, кучер (от birjar);
логофетин (рум. logofat) – секретарь, писарь;
дрика (рум. dric) – катафалк, погребальная повозка;
моканин (рум. mocan) – 1) румынский пастырь, 2) деревенщина, простофиля.

Следует отметить, что в современном румынском языке многие из этих заимствованных слов также считаются устаревшими (историзмами). Некоторые из них уже в период заимствования в языке-источнике были функционально ограничены.

При заимствовании румынских слов в славянский язык освоение их происходило на графическом (в письменном тексте), фонетическом и грамматическом уровнях (logofat- логофетин, papusoi – пушой). Иногда менялось значение слова [7]. Так, у слова “cret” появляется значение “сморщенный”. “транкалая” – вид танца (от “trancani” – “говорить много, быстро”); тараба – “ограда из досок” (от taraba – специальные столы на улицах и базарах, прилавков) и т.д. [8]. Среди заимствований встречаются лексические архаизмы и историзмы. Лексические архаизмы образуют несколько групп.

Слова с предметным значением:

Картуш (рум. cartus) – патрон, снаряд;
Корабия (рум. corabie) – ладья;
Болта (рум. bolta) – магазин, дюкян;
Ланц (рум. Lant) – цепочка для часов.

Слова, обозначающий лиц по роду занятий, административные реалии:

Картофор (рум. cartofor) – картежник;
Кройтор (рум. croitor) – портной;
Доробанец (рум. dorobant) – пехотинец;
Гуверно (рум. govern) – правительство.

К историзмам можно отнести *слова, обозначающие ушедшие из действительности социальные и административные понятия:*

Клакаш (рум. clakas) – румынский крепостной крестьянин;
Ватах (рум. vataf) судебно-административный чиновник;
Боерин (рум. boier) – знатный, богатый человек;
Куркан – (рум. curcan) – солдат с пером на шапке.

Слова с оценочным значением – лексические архаизмы:

Крайльк (рум. crailic) – поведение бабника, волокиты;
Гугуманин (рум. gogoman) – глупец;
Бербант(ин) – (рум. berbant) – мошенник, негодник;

Слова, отражающие социальные реалии:

Алабраце (рум. brat – рука) – (ходить) под руку;
Пренумеруван (рум. a prenumera – входить в список) – подписанный, предварительно оплаченный;
Либерат (рум. liberator) – освобожденный.

При заимствовании некоторые слова *изменяют свое значение, сужают его или получают переносное значение:*

рум. lant – цепь, в болгарском языке ланц – цепочка для часов;
рум. palarie – шляпа, в болгарском палария – низкий круглый столик.

Лексический материал отражает процесс номинации новых бытовых и социальных реалий в истории болгарского языка за счет заимствований из румынского. Это обусловлено интенсивными культурными контактами болгар с Румынией в период освобождения болгар от зависимости и в период формирования национального литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. История на новобългарския книжовен език. – София: БАН, 1989, с. 163-164
2. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX (Под ред. На Ст. Илчев) – София: БАН, 1964.
3. Шмелев Д. С. Современный русский язык. Лексика. – М. 1977, с. 253-254.
4. Речник на чуждите думи в българския език. – София: БАН, 1964.
5. Dictionar explicative al limbii romane. Ed. Enciclopedica. – Bucuresti, 1997.
6. Бояджиев Т. Българска лексикология. – София, 1986, с. 208.
7. Попова В. Видове архаизми в българския книжовен език и някои техни особености // Помагало по българска лексикология. – София, 1979, с. 304.

Опубликовано в: Analele stiintifice ale Universitatii de Stat din Moldova. Seria "Stiinte filologice". Chisinau: ed. USM, 1998. – С. 56-60

РАЗДЕЛ III

О ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА БОЛГАР МОЛДОВЫ

НИКОЛАЙ КАУФМАН – СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАРОДНЫХ ПЕСЕН БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ

Имя и профессиональная деятельность Николая Кауфмана – академик Болгарской академии наук (БАН), музыковед-этнолога, фольклориста, теоретика музыки, композитора – связано не только с Болгарией, но и с Бессарабией (сегодня – Молдовой и Украиной). Благодаря самоотверженному труду этого собирателя и исследователя музыкального фольклора, болгары Украины и Молдовы обладают бесценным богатством – двухтомным собранием, наиболее полным по представленности песенного фольклора своего народа, – текстами и нотными записями. Весь этот материал в течение ряда лет, начиная с 1968 года, собирался Николаем Кауфманом, по его инициативе, под его руководством и при его непосредственном участии как собирателя.³

Собранный в бывшей Бессарабии фольклорный материал был опубликован в 1982 году БАН и АН Украины в виде солидного двухтомника. В этом издании представлены записи около 3000 песен и мелодий, дана характеристика ритмических схем строф, ноты и слова песен, представляющие различные тематические и обрядовые группы:

Жетварски песни (90), Седенкарски песни (359), Сватбени песни (175), Коледарски песни (304), Лазарски песни (238), Хороводни песни и Градски песни (51). Представлены также записи музыкальных инструментальных мелодий: скрипка, гьдулка, гайда (волынка), кларнет, свирка (свирель), кавал.

Труд академика Николая Кауфмана – это неисчерпаемый источник не только для исполнителей народной болгарской песни в Молдове и Украине, но и для фольклористов-исследователей, как словесного, так и музыкального фольклора соседствующих с болгарами Бессарабии.

---

³ При написании данной статьи мы воспользовались источниками, указанными в разделе ЛИТЕРАТУРА. Перевод с болгарского языка – наш (Н. Кара).

Из биографии академика Николая Кауфмана

Николай Кауфман родился в болгарском городе Русе, в 1925 году, в еврейской семье. Его отец – из румынских евреев ашкенази, эмигрировал из Румынии в Болгарию после первой мировой войны, в 1919 году. Мать его родилась в г. Свиштове, на границе с Румынией, тоже из семьи евреев ашкенази. Оба родителя – потомственные хасиды. Из города Русе семья переезжает в город Габрово. Там же прошло детство Н. Кауфмана. В 1939–1944 гг. он учится в элитной Априловской гимназии – одном из лучших средних учебных заведений Болгарии, с девятого класса начинает заниматься музыкой, играет на трубе. С 1947 года Н. Кауфман – студент Софийского университета по специальности «философия». Но, как он сам пишет, тоскует по музыке. С 1948 года становится студентом еще одного высшего учебного заведения – Государственной музыкальной академии. В 1952 году заканчивает ее по специальности «музыкальная теория». Он успешно получает образование еще на одном факультете, по исполнительской специальности – трубач. Но после окончания Музыкальной академии Н. Кауфман с 1952 по 1988 год работает в Институте по музыковедению, затем в Институте фольклористики БАН, где занимается в основном болгарскими народными песнями, описывая их роль в народных ритуалах. В 1962 году Н. Кауфман защищает кандидатскую диссертацию по искусствоведению на тему «Музыкальный фольклор болгар-мусульман». С 1963 года он является членом Этномузыковедческой секции ЮНЕСКО. В 1973 году Н. Кауфман защищает докторскую диссертацию по искусствоведению на тему «Болгарская многоголосная народная песня». В 1990 году он избран членом Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии.

Н. Кауфман получает специальную награду Союза болгарских композиторов за монографию «Болгарская свадебная песня». За уже упомянутый двухтомный труд «Народные песни болгар Украинской и Молдавской ССР» (1983 г.) он получает орден «Паисий Хилендарский», присуждаемый БАН и СУ «Климент Охридский».

В результате активной полевой работы Н. Кауфманом собраны и записаны около 40 000 вокальных и инструментальных образцов народных мелодий из 940 населенных пунктов Болгарии, а также опубликовано 17 сборников (некоторые в 2-х томах), содержащих более 12 000 записанных и дешифрованных им народных песен и инструментальных мелодий. Издано более 20 научных монографических исследований академика Н. Кауфмана.

Следует отметить, что свою собирательскую деятельность (полевые записи музыкально-песенного фольклора Болгарии) Н. Кауфман начал еще в 50-е годы XX в. Некоторые из его информаторов, чье исполнение

он записывал, рождены еще в конце XIX или начале XX века. Это было особенно важно для «исторического» подхода к материалу, для датировки музыкальных образцов и их отнесенности к определенному культурно-историческому пласту.

Наряду с собирательством народных песен и инструментальных мелодий Н. Кауфман одним из первых начинал проводить запись болгарской, балканской городской песни, вести фундаментальные исследования в области городской музыкальной культуры – песни, шлягера, городской инструментальной музыки и проч. Один из последних фундаментальных трудов академика – трехтомник «Болгарские городские песни».

Н. Кауфман – единственный болгарский музыковед, композитор и собиратель, получивший международную музыкальную награду «Грэмми» за свой альбом из серии «Мистерия болгарских голосов» (1990 г.). Он – основоположник современной болгарской фольклористической науки.

Сегодня исчезают формы естественного бытования фольклора. В связи с этим особо велики заслуги Н. Кауфмана в разработке современных форм хранения этого богатства. К таким формам можно отнести проводимые уже более 20 лет фестивали, организованные по его инициативе – Соборы народного творчества. В 1992 году впервые по инициативе Н. Кауфмана в Болгарии был организован и фестиваль старой городской песни «Золотой каштан». Огромны его заслуги в утверждении музыкальной фольклористики как науки в Болгарии и в ее популяризации за рубежом.

Сам Н. Кауфман выделяет следующие основные сферы своего музыкально-научного творчества:

- проблемы болгарского народного многоголосья; – песни болгар-мусульман (*номаков* – болгар, принявших ислам);
- фольклор болгар, живущих в диаспорах (переселенцев из Болгарии);
- сравнительное изучение болгарской и неболгарских музыкальных культур;
- фольклор этнических меньшинств Болгарии; – городской песенный фольклор;
- актуальные проблемы музыкальной фольклористики.

Представим некоторые области исследования известного музыковеда-фольклориста, академика Н. Кауфмана.

Собирательская и научная деятельность Н. Кауфмана

В области регионального исследования болгарского музыкального фольклора музыковед подчеркивает необходимость соблюдать строгую последовательность в работе с материалом: вначале сбор полевого материала (регионально структурированный), который также подчинен

определенной последовательности: исследование образцов болгарского многоголосия; далее – исследование отдельных жанров песенного фольклора, наблюдения и анализ музыкального фольклора отдельных этнических и конфессиональных общностей, музыкально-теоретические проблемы песенного фольклора и т.д. «Региональная тема» в творчестве Н. Кауфмана естественным образом выводит его за пределы Болгарии, он занимается собирательством фольклора болгар-переселенцев. А это, в свою очередь, подводит его к сравнительному исследованию болгарской и неболгарских музыкальных культур. Наряду со сбором народных песен и инструментальных мелодий Н. Кауфман работает как первый собиратель и первый фундаментальный исследователь в сфере городской песни, долгие годы остававшейся вне поля зрения исследователей. Ему принадлежит первое и единственное такого рода исследование по проблемам городского музыкального фольклора.

Остановимся на нескольких наиболее важных направлениях в исследованиях региональных особенностей болгарского музыкального фольклора, выделенных самим Н. Кауфманом.

Особенности песенного фольклора болгар-мусульман

Изучая музыкальный фольклор болгар различных районов, исследователь обратил особое внимание на песенный фольклор в Родопском крае, где рядом с болгарскими христианами живут и болгары-мусульмане (помаки). В рамках регионального исследования были сопоставлены песни этих двух групп, прослежена трансформация песен болгар после принятия ислама (особенно при запрете на пение в определенные моменты). Н. Кауфман попытался выявить наличие общих песенных образцов у болгар-христиан и болгар-мусульман. В результате ученый приходит к выводу, что словесный компонент в песне под влиянием ряда факторов – новой религии и, соответственно, новых экономических и социокультурных условий, в которых оказывается песня, – чаще всего трансформируется, а мелодия остается той же. Именно мелодия является маркером «датировки» соответствующей песни. Автор отмечает, что сохранность наиболее старинных песенных образцов у болгар-мусульман связана с их религиозной принадлежностью, приведшей к своеобразной изоляции их музыкально-фольклорной системы. Особенно сохранены эти мелодии в песнях женского репертуара, из-за закрытости в общности этой социальной группы.

Болгарское народное многоголосье

Следующий важный предмет исследования академика Н. Кауфмана – диафония в болгарском песенном фольклоре. Можно утверждать, что

именно Н. Кауфману принадлежит углубленное и целостное исследование болгарского народного двухголосья. Когда он начинает работу над этой темой, двухголосье, оказывается, все еще не было предметом изучения на Балканах. Н. Кауфман исследует и болгарское трехголосье.

И далее он наблюдает это же явление в песенном фольклоре других балканских народов – в Сербии, Герцеговине, Хорватии, наблюдает греческое, албанское многоголосье, литовское и чувашское. Позже музыковеды в этих странах используют для изучения своих народных многоголосий исследовательские модели, терминологический аппарат и теоретические обоснования, принадлежащие Н. Кауфману.

Музыкальный фольклор других этнических групп Болгарии

Большое место в музыковедческих этнофольклорных трудах Н. Кауфмана занимает исследование музыкального фольклора различных этнических групп, живущих в Болгарии, среди которых и евреи, и казаки-некрасовцы (русские старообрядцы). Но главное внимание в этом разделе научно-исследовательской деятельности Н. Кауфмана, конечно, уделено музыке болгарских евреев, музыкальный фольклор которых рассматривается в балканском контексте. Именно усилиями этого исследователя впервые были сделаны записи еврейского музыкального фольклора в Болгарии. Академик Н. Кауфман первый исследует его углубленно и проводит соответствующую типологию. Одна из первых работ музыковеда в области музыкальной культуры евреев Болгарии – статья «Еврейский музыкальный инструмент «шофар» в богослужбной практике болгарских евреев». В соответствии с представленными фольклорно-языковыми материалами Н. Кауфман выделяет на территории Болгарии три группы евреев: *сефардские* (испанские евреи, переселившиеся на Балканы из Испании и Португалии в 1492 г.; в Болгарию они переселяются из Франции, Италии, Греции, Турции); *ашкенази* (немецкие евреи, переселившиеся в Болгарию из Румынии, России, Украины и Польши); *романьоты* (местные евреи, населявшие Балканы). Так, в XVI веке в Софии сожительствовали три еврейские общности, и автор допускает, что общим их языком стал язык наиболее многочисленных сефардских евреев. Именно их музыкальный фольклор в Болгарии исследует Н. Кауфман. Основная его задача – установить, в какой мере песенный фольклор сефардских евреев на Балканах подвергся «балканизации». Выводы, к которым приходит автор, следующие: в мелодическом отношении песни сефардских евреев близки к песням греков и турок (на греческом языке, вероятно, говорило наиболее старое поколение местных евреев). В целом же налицо балканское влияние. Сравнительный анализ болгарских и сефардских народных песен доказывает, скорее, доминирующее влияние болгарских песен на сефардские, чем наоборот.

При типологическом сравнении с болгарским песенным фольклором исследователь условно выделяет в сефардских песнях три большие группы:

обрядово-бытовые песни (свадебные – исполняемые в различные моменты свадьбы; пасхальные с вариантом – домашние пасхальные песни; песни, исполняемые после родов (рождения); песни погребальные – «плакальные»); танцевые песни (сопровождающие чаще всего одиночный танец); *любовные и повседневные песни* (сюда же вошли и песни уличных торговцев). В расширенном балканском контексте (т.е. и за пределами Болгарии) песни сефардских евреев Н. Кауфман объединяет в три другие группы: кантикас (групповые песни любовного, юмористического, лирического характера, сопровождающие танцы во время праздника); *романцери* (сольное пение, связанное с исторической судьбой еврейского народа); *коплас де Пурим* (обрядовые песни, исполняемые женщинами во время религиозного праздника Пурим и связанные с определенными обрядовыми действиями).

Песни болгарских евреев ашкенази Н. Кауфманом изучены в большей степени, т.к. он опирался только на репертуар собственной матери – Иды Фроим Гершович (позже Кауфман), ашкеназской еврейки. Она родилась в 1895 году в г. Свиштове. Родители ее были родом из Украины и Молдовы (соответственно – из Одессы и Кишинева). Свои песни она исполняла на идише, восходящем к старинному северно-немецкому диалекту. Песни своей матери он классифицирует как род городского фольклора (ашкеназские песни), приближенного к греческому городскому песенному фольклору («Ребетика»). Сефардская и ашкеназская фольклорные песни по музыке отличаются коренным образом. В ашкеназской городской песне исследователь усматривает и румынское, и украинское влияние (жанр городской песни), и немецкий интонационный тип патриотической маршевой песни, а также влияние скрипичной музыки Украины и Молдовы. Автор допускает, что песни, родственные северно-немецкой народной песне, исторически более ранние, а те, в которых выявляется румынское влияние, – более поздние. Для более определенных выводов требуется и более углубленное сопоставление с еврейскими песенными образцами Украины, Молдовы и Румынии (для выявления сходств и различий).

Ашкеназская народная музыка рассматривается в балканском контексте в статье Н. Кауфмана «Взгляд на народную музыку балканских евреев». По мнению исследователя, музыкальный фольклор у ашкеназских евреев сохранился в большей мере, чем у шпаньольских евреев (сефардов). Опираясь на исследования погребальных песен ашкеназских евреев, осуществленных румынским музыковедом Гизеллой Сулициану, Н. Кауфман сравнивает их с балканскими погребальными песнями. Другая сфера тематических

исследований музыкального фольклора ашкеназских евреев – это судьба танцевальной инструментальной музыки в репертуаре музыкантов-евреев – *клемеров, называемая «булгариши», «булгар» в США, «булгаряска»*. Этот жанр исследован и описан Н. Кауфманом в статье «Бургариш» в репертуаре клемеров» и в статье «Музыка – путник без паспорта». Н. Кауфман открывает инструментальные мелодии типа «булгариш», исследуя музыкальный фольклор бессарабских болгар в конце 60-х годов XX в. Наиболее детально «булгариш» исследовал американский автор Уолтер Фельдман. Для Н. Кауфмана парадоксально то, что мелодии «булгариш» болгарскими воспринимаются как еврейские, а евреи считают их болгарскими, но, тем не менее, невозможно отрицать родство «булгариш» с музыкой Северо-Западной Болгарии. В статье «Взгляд на народную музыку балканских евреев» автор приводит интересный пример, связанный с историей гимна Республики Болгария «Мила Родино». По его мнению, эта еврейская мелодия воспринята клемерами в болгарском городе Свиштов, где и жил автор этой мелодии Цв. Радославов. Это еще раз подтверждает, по мнению Н. Кауфмана, явную близость «булгариш» и музыки Дунайской Болгарии. Анализируя музыку для народных танцев болгарского автора Дико Илиева, типичную для Северо-Западной Болгарии, он находит общее и с «булгариш» (в творчестве Дэйва Тараса в США).

Данные исследования Н. Кауфмана прослеживают путь, проделанный конкретным типом болгарской мелодии во времени и в пространстве (еще в XIX веке, раньше, чем песня).

Самое старое еврейское население в Болгарии – романьоты. Но музыкально-фольклорный материал этой группы в Болгарии уже отсутствует. Автору удалось записать только 22 песни у романьотской еврейки, переселившейся из Болгарии в США. Но и здесь обнаруживаются балканские элементы, свойственные музыкальному фольклору всех трех групп. Вопрос о еврейском фольклоре и фольклоре балканских стран – обширен, и исследование его находится еще в самом начале. Н. Кауфман – первый и единственный исследователь еврейской музыки в Болгарии, и ее же – в балканском контексте.

Николай Кауфман исследует *и песни русских старообрядцев* Болгарии (казаков-некрасовцев). Он отмечает, что их песни являются типично русскими по всем признакам и что за все годы жизни в Болгарии их песенный репертуар не подвергся влиянию болгарских интонационных моделей.

Музыкальный фольклор болгар-переселенцев вне Болгарии

Особенно важной для нас является тема исследования Н. Кауфманом музыкального фольклора болгар-переселенцев в Бессарабии и Таврии. В конце 60-х – начале 70-х годов XX века Н. Кауфман приезжает вместе

со Сливенским ансамблем народных песен и танцев в с. Кириютня (сегодня с. Кортен, Р. Молдова). Он посещает болгарские села Чадыр-Лунгского района и других районов республики. Вторично он объезжает населенные пункты Молдовы и Украины, заселенные болгарскими переселенцами, в 1971 г. Посещает он также и села Приазовья. На основании осуществленных нотных и текстовых записей была проделана огромная работа и подготовлены к изданию уже упомянутые нами два тома записей народных песен и инструментальных мелодий. Издание было осуществлено только в 1982 году. В издание включены все возможные песенные жанры, которые Н. Кауфман обнаруживает в репертуаре бессарабских болгар и которые иллюстрируют степень сохранности песенной системы. Двухтомник предваряется вводной статьей «Народные песни болгар Украинской и Молдавской ССР». Эта статья – первое исследование, в котором осуществляется музыковедческий анализ и типология инструментальных мелодий. Особо важным для автора был вопрос о влиянии молдавской инструментальной музыки на инструментальную музыку бессарабских болгар. Наблюдения автора показали, что полтора века – очень малый срок для развития и серьезной трансформации музыкального фольклора, а из этого следует, что песня – это «памятник» далеких времен, претерпевший наименьшее изменение. Следует отметить еще раз, что сборник народных песен и инструментальных мелодий бессарабских болгар – это уникальное собрание, богатство, которое с позиций времени приобретает все большую ценность.

Сравнительное исследование болгарской музыкальной-фольклорной культуры с культурами других народов в трудах Н. Кауфмана представлено в различных аспектах. Один из них – это отражение балканского единства через сравнение многоголосья болгарского и других балканских народов. Другой аспект – это выявление праславянского архетипа, задающего единство болгарской народной песни и песни восточных славян (украинцев, великороссов, белорусов). Через сравнительное изучение болгарской и чувашской народной музыки можно выявить «протоболгарский» общий элемент.

Жанры болгарского песенного фольклора

Николая Кауфмана можно считать основателем систематического и системного исследования жанров песенного фольклора болгар. Эта тема – одна из наиболее пространных, углубленных и творчески разработанных в его научных трудах. Главные монографии, освещающие жанровый подход – это «Българска сватбена песен» (С., Музыка, 1976, 392 с.); «Погребални и други оплаквания в България» (С., БАН, 1988, 392 с.); «Български народни песни на полски труд» (С., БАН, 2003, 379 с.).

В многочисленных статьях, как и в упомянутых монографиях, описаны почти все возможные виды песенных жанров: семейная обрядовость, трудовая обрядовость, календарная обрядовость, и все это – на материале различных регионов Болгарии, в фольклоре болгар-переселенцев, различных этнических и конфессиональных групп Болгарии.

Как композитор Н. Кауфман опубликовал более 100 хоровых песен, около 300 произведений инструментальной музыки. Выпущено более 200 компакт-дисков с записями хоровых песен и инструментальной музыки. К шедеврам композиторского творчества можно отнести произведение для хорового исполнения – «Триптих». Это своеобразная философия болгарского фольклора, представленная в трех частях – Рождение, Свадьба, Смерть, где воссоздается обрядовость, мировидение и ценностные представления болгарского народа, выраженные в музыкальном фольклоре.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Булгариш» в репертоара на клемерите // Годишник на Организацията на евреите в България «Шалом». Т. XXX. С., 1998/1999, с. 81-97.
2. Еврейските песни на майка ми // Български фолклор, 1990, №3, с. 41-54.
3. Илиева А. Николай Кауфман на 70 години // Български фолклор. 1995, №5, с. 4-8.
4. Кауфман Н. Поглед върху народната музика на балканските евреи // Българи и евреи. Втора част. С., 2000, с. 175-211.
5. Кауфман, Н. Фолклор и религия // Българско музикознание, 1999, №2, с. 28-34.
6. Литова-Николова Л. Приносят на Николай Кауфман в областта на сравнителните музикалнофолклорни изследвания // Български фолклор. 2001, №1, с. 59-72.
7. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска СССР. Т.1. и Т.2. С., 1982.
8. Гончева Весела. Фолклористът Николай Кауфман. София, Академично изд-во «Марин Дринов», 2005. 352 с.
9. Хлеббаров И. Метроритмичната идея на Н. Кауфман // Български фолклор. 2001, №1, с. 53-56.

Опубликовано в: Revista de etnologie și culturologie. Vol. XIV-XV Chișinău, 2014. – С. 67-71.

БОЛГАРСКИЕ И РУССКИЕ ПАРЕМИИ О ЖЕНЩИНЕ

Концептуальная картина мира, отраженная в языке и существующая в сознании определенного языкового коллектива, отличается национально-культурной спецификой, что связано с конкретным историческим опытом данного народа, его особыми культурными традициями и условиями жизни. Осознаваемое в контексте культурных традиций мировидение народа опредмечено в языке, в системе характерных для него образов, эталонов, стереотипов и символов [Телия 1996: 231]. Особую роль в передаче культурно-национального самосознания языкового сообщества играет паремиологический состав языка.

Под паремиями понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях [Савенкова 2002 цит. по Полинниченко 2004: 84]. Как правило, к паремиям относят пословицы и поговорки. Пословица в обобщенном виде констатирует свойства людей и явлений, дает им оценку и предписывает, как надо действовать [Мамонтов 2002: 88].

Паремии отражают когнитивную деятельность членов языкового коллектива, их наивные представления о мире, мировоззренческие и поведенческие стереотипы. По мнению Б.А. Серебренникова, национальная специфика пословиц выражается в присущем каждому народу особом взгляде на действительность, в характере социальных обобщений [Серебренников 1988: 159]. В пословицах вычленяются и фиксируются в форме устойчивых и воспроизводимых знаков языка те признаки обозначаемых ими фрагментов внеязыкового мира, которые представляются носителями данного языка наиболее характерными и значимыми. При употреблении в речи пословицы, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами и стереотипами, воспроизводят характерный для лингвокультурной общности менталитет [Телия 1996: 231].

Паремии (пословицы и поговорки) как сложные единицы языка и разновидность фольклорного жанра сегодня являются объектом междисциплинарных исследований (лингвистики, фольклористики, психологии, этнографии, лингвокультурологии и пр.). Паремия – суждение, в котором в свернутом виде присутствует многовековой опыт народа, представления о добре и зле, о здравом смысле и «нравственных интересах». Выявить специфику восприятия мира, ценностную систему и определить некоторые ее особенности, присущие разным народам, помогает сравнение культурных концептов, представленных в паремиях. К наиболее древним, базисным в ментальности народа, относятся макроконцепты «дом»

и «семья», куда входит ряд концептов, раскрывающих их как сложные фрагменты картины мира. В центре внутрисемейных отношений, отраженных в пословицах и поговорках разных народов, как показывают наблюдения, чаще всего находится женщина.

Представляет интерес отражение концепта «женщина» в болгарских и русских паремиях в сопоставительном аспекте. Оба народа принадлежат к славянскому этносу, к православной традиции, что должно было отразиться в аксиологических установках, выраженных в паремиях. В то же время каждый народ индивидуален в своих этнокультурных проявлениях.

Цель нашего исследования – представить видение системы ценностей, содержащихся в паремиях о женщинах в русском и болгарском языках, показать универсальное и культурно-национальное – сходство и различие в данном тематическом фрагменте культурных знаков двух народов.

В результате работы с соответствующими источниками (В. И. Даль, Цв. Минкова) было выделено 523 русских и 384 болгарских паремии, содержащих лексику, называющую женщину. Все исследуемые единицы объединены в группы в соответствии с типом номинации женщины. Наибольшую группу в обоих языках составили паремии, где женщина обозначается по семейному положению, типу родственных отношений и возрастной характеристике. Мало паремий, указывающих на социальное положение женщины. В группе номинации по типу родственных отношений у русского и у болгарского народа наиболее многочисленны те, что называют ее как *жену (супругу)* (болг. – 112, рус. – 219). В обоих языках на втором месте паремии, где женщина упоминается как *мать* (болг. – 30, рус. – 40). На третьем – *невеста и невестка* (болг. – 25, рус. – 20), затем – *бабушка* (болг. – 10, рус. – 16), наконец – *свекровь* (болг. – 5, рус. – 7). Редко встречаются, в равной степени у болгар, и у русских, паремии о *сестре и дочери*. Обнаружились и несовпадения по степени актуальности ролевой функции женщины в семейных отношениях с точки зрения ее оценки: *теща* (болг. – 1, рус. – 15); *вдова* (болг. – 2, рус. – 10); *кума* (болг. – нет, рус. – 15); *мачеха* (болг. – нет, рус. – 10).

Как наиболее частотная, именно номинация *жена (супруга)* в болгарских и русских паремиях – объект сопоставительного анализа в нашей работе. Особое значение имеет культурологический анализ настоящих паремий, дающий возможность выявить сходство и различия на основе сравнения, что должно сыграть определенную роль в дальнейшей практике исследования этих двух близкородственных языков, в составлении словарей паремий, в использовании результатов данного исследования как в процессе преподавания русского, так и болгарского языка в лингвокультурологическом аспекте.

Содержательно-аксиологический анализ паремий с лексемой жена в обоих языках позволил выделить несколько групп с точки зрения их семантики и прагматики: 1) ведущим значением в паремиях является предписание аксиологического характера, т.е. представление и оценка особенностей поведения женщины, как положительных, так и отрицательных; 2) дается характеристика отношений между мужем и женой; 3) выражено мнение мужа о жене, оценка им особенностей жены; 4) даются советы жене или мужу в отношении жены.

Наиболее многочисленной в обоих языках является первая группа – представление и оценка особенностей поведения женщины, как положительных, так и отрицательных. Именно в этой группе в результате сопоставительного анализа мы обнаруживаем как сходное, так и различное в аксиологической отнесенности конкретных свойств жены (супруги). Представим это на конкретных языковых примерах.

Рассмотрим паремии, совпадающие по аксиологической отнесенности определенных качеств жены.

1. Совпадающие в русских и болгарских паремиях качества жены:

1) *Отрицательные*

Злость: Рус. *Злая жена сведет мужа с ума. Из дому – жена, из лесу – змея.* Болг. *Жена без злина не бива. Шипка без тръни и жена без тръни не бива. Зла жена повече от зъмя.* (Жены без зла не бывает. Шиповник без шипов и жена без шипов не бывает).

Хитрость: Рус. *Жена ублажает – лихо замышляет.* Болг. *От дявола по голям дявол е само жената* (Большой дьявол, чем сам дьявол, только женщина). *Жена и лисица, една ги е майка родила* (Женщину и лису одна мать родила).

Верховодство: Рус. *Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет. Жена верховодит, так муж по соседям бродит.* Болг. *Женска воля мъжа оголя* (Женская воля оголяет мужа). *Жена мъж не бие, а лесно му навива* (Жена мужа не бьет, но легко верх над ним берет).

Лживость: Рус. *И дура жена мужу правды не скажет.* Болг. *Вярвай кучката, жена си не вярвай* (Верь собаке, а жене не верь).

Злословие: Рус. *Муж палкой, жена язычком.* Болг. *Женски език от турска сабя по-остър* (Женский язык острее турецкой сабли).

Бездушие: Рус. *Фрол плачет, жена скачет.* Болг. *Свиня децата си не познава* (Свинья своих детей не знает).

Болтливость: Рус. *Умную взять – не даст слова сказать.* Болг. *За жената е скришно, което не знае* (Для женщины тайна только то, чего она не знает).

2) Положительные качества жены

Умная: Рус. На хорошую глядеть хорошо, а с умной жить хорошо. Умная жена – как нищему сума. Без мужа что без головы, а без жены что без ума. Мужа чтут за разум, а жену по уму. Болг. Умната жена чини повече от елмаз (Умная жена дороже алмаза стоит).

Добрая (хорошая): Рус. Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать. Муж голова – жена душа. От плохой жены состаришься, от хорошей – помолодеешь. Хороша пава пером, а жена нравом. Добрая жена дом бережет, а плохая рукавом разнесет. Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье. Болг. Добра жена е от имане по-добра (Хорошая жена лучше богатства). У кого е добра жена, не му трябва рай (У кого хорошая жена, тому рай не нужен). Добра жена – мъжу рай, зла жена – мъжу ад. Добра жена пълни къщата, а лошаата я изпразня (Хорошая жена дом наполняет, а плохая – опустошает).

Работающая: Рус. Не наряд жену красит – домостройство. Болг. Де няма жена, няма и къща (Где нет жены, там нет и дома). Не хвали хубавица, а работница (Не хвали красавицу, а работающую). Жена работница ноце ѝ свети къщата (У работающей жены ночью дом светится).

II. Не совпадающие в русских и болгарских паремиях качества жены:

1. Отрицательные качества

В русских паремиях:

Блудливость: Не бери жену богатую, бери непочатую. Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет.

Любовь тратит деньги: Продай, муж, лошадь да корову да купи жене обнову. Муж в голях, жена в бусовых серьгах.

Лень: Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет.

Упрямство: Жена упорна – ни мякиш, ни корка. Чего жена не хочет, мужу век не видать.

Сварливость: Сварливая жена – в доме пожар.

Скандалность: Жена взбесилась – мужа не спросилась.

Худоба: Худую взять – стыдно людям показать.

Красота: Глупому мужу красная жена дороже красного яйца.

В болгарских паремиях:

Бесчувствие: Жената ѝ е яка душата (У жены душа черствая).

Болезни: Болна жена – голяма неволя (Больная жена – большая неволя).

Самоволие: На жена да са къси пътеките (У жены дорожки должны быть короткими).

Независимост: Ако съм му жена, не съм му робиня (Если я ему жена, то не рабыня). Коня иска зоб, а жената роб (Конь нуждается в пеще, а женщина – в рабе).

Любовь к деньгам: На жената дяволът е парата, а на мъжа жената (У женщины дьявол деньги, у мужа – жена). Жената знае «дай мъжо», а не «дай Боже» (Жена знает «дай, муж», а не знает «дай, Господи»).

Полнота: Жената като затлъстее, не ражда (Женщина, если становится толстой, не рождает).

2. Положительные качества жены

В русских поговорках:

Честная: Жена честнее, мужу милее.

Верная: Три друга: отец да мать, да верная жена.

Богатая (амбивалентность): Богатую взять – станет попрекать. Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога. Женино добро колом в глотке стоит. Знатную взять – не сумеет к работе пристать.

Здоровая: На что корова, была бы жена здорова.

Рождает детей: Жена что лебедь-птица, вывела детей станицу.

Белолицая: Всего милее, у кого жена белее.

В болгарских поговорках:

Отходчивост: Женска сръдня, дор изсъхне мокра пола, трае (Жена сердится, пока юбка не высохнет).

Послушание (амбивалентность): Вода и жена, накъдето ги поведеш (Вода и жена – куда их поведешь). Волята разваля добрата жена (Свобода портит хорошую жену). Жената е като върба – дето я насадиш, там расте (Женщина что верба – где ее посадишь, там и растет).

Красота: Кой що има лична жена, не му трябва в дома икона (У кого красивая жена, тому в доме не нужна икона).

Сравнительный анализ болгарских и русских поговорок показал, что болгарская лексика со значением «женщина» не содержит коннотативного компонента, а в русском варианте он частотен (тетка, бабенка, сестрица и т.д.). Аксиологический и семантический анализ показал значительное сходство в актуализации положительных и отрицательных качеств женщины как жены. Различие проявляется в том, что в болгарских поговорках как ценность выявляется сдержанность, внутренняя сила женщины как жены при ее внешней подчиненности мужу. В русских поговорках отражена большая свобода женщины в семейных отношениях и большая личностная проявленность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1987.
2. Мамонтов А. С. Номинативные единицы – афоризмы (пословицы, поговорки) в аспекте сопоставительного лингвострановедения. // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №2. – С. 88-97
3. Полиниченко Д. Ю. Концепт «язык» в английской паремиологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В .В.Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. Вып.26., с.83-91.
4. Пословицы, поговорки и гатанки. Под ред. Цветана Минкова. Т. 12., София, 1963.
5. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б. А.Серебрянникова. – М.: Наука, 1988. – 212 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры , 1996.

В: Сборник материалов научной конференции „Духовные и историко-культурное наследие русских Молдовы” Кишинев, 2017. (В печати.)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ВНЕШНОСТИ ЖЕНЩИНЫ (ОБРАЗ-КОНЦЕПТ «ЖЕНСКАЯ КРАСОТА») В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ

Фольклорные тексты в современной лингвистике стали источником для изучения традиционной картины мира, присущей разным народам.¹ Исследователи утверждают, что концентрация национально-культурных смыслов достигает максимума именно в фольклорных текстах, сами же эти тексты являются «сложным образом закодированными сообщениями»². Картина мира, отраженная в языке, членится на фрагменты, которые сосредоточены вокруг человека. В современных исследованиях решается масштабная задача системного и комплексного описания языкового образа человека как центрального фрагмента этнической языковой картины мира, и в частности – фольклорной³.

Язык фольклора как традиционная форма культуры задает носителю языка определенную ценностную систему через образы и символы фольклорных текстов в том числе. Образ человека с присущими ему положительными и отрицательными свойствами (как внешними, так и внутренними), присущими и этносу, также находит отражение в текстах фольклора. Человек в фольклорной языковой картине мира представлен во всех своих проявлениях – в бытовой, социальной, духовно-эмоциональной сфере. В связи с этим в соответствующую лексико-семантическую группу ЧЕЛОВЕК входят и такие лексико-семантические объединения, как «тело, красота, ум, речь» и др.⁴

В современной науке о языке одним из актуальных подходов в изучении фольклорно-языковой картины мира этноса является тезаурусно-лексикографический подход, который, по мнению ряда исследователей, может дать довольно полную аксиологическую картину. С этой

¹ **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва, 2003. 349 с.; **Пищальникова В. А.** Содержание понятия картина мира в современной лингвистике // http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1998_1/pages/13/pap_13.html; **Зиновьева И. Н.** Образ пространства в фольклорно-языковой картине мира // <http://psibook.com/linguistics/obraz-prostranstva-v-folklorno-yazykovoy-kartine-mira-nursery-rhymes.html>; **Никитина С. Е.** Устная народная культура и языковое сознание. Москва, 1993, с. 66; Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Ред. Б. А. Серебренников. Москва, 1988, с. 173-204 и др.

² **Зиновьева И. Н.** Указ. соч.

³ **Никитина С. Е.** Указ. соч., с. 66; Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург, 2007. 623 с.

⁴ **Бобунова М. А., Хроленко А. Т.** Словарь языка русского фольклора. Лексика былины. Курск, 2006. 314 с.

⁵ XV Международный съезд славистов. Заметки и впечатления участников съезда // Славяноведение. Москва, 2014, № 4, с. 82-84.

целью создаются современные словари-тезаурусы фольклорных текстов⁵.

В такого рода словаре представлены языковые единицы, реализующие свою семантику на уровне текстов как символы, стереотипы и концепты.

По мнению исследователя Т. С. Соколовой, «язык произведений... фольклора следует расценивать как источник антропо- и этнокультурной информации, специфически объективированной вербальным кодом в жанровых версиях базовых концептов, посредством которых и модулируется фольклорная языковая картина мира»⁶.

В фольклорных текстах рассматриваемый фрагмент наивной языковой картины мира представлен через условно различаемые образ-концепт целостного, образ-концепт внутреннего и образ-концепт внешнего человека. При исследовании образа человека в языке фольклора внешность человека, будучи связанной с различными сферами его бытия, важна как часть этого образа. Понятие «образ» в номинации «образ-концепт» является характеризующим, оно подчеркивает наивное, оценочное, ассоциативное в концепте. Как пишет исследователь О. В. Коротун, «в наивном сознании и языке внешний человек, как и целостный человек, многократно расчленен: выделяется множество элементов внешнего облика, эти элементы параметризуются и оцениваются. Восприятие внешнего облика человека сопровождается национально-культурными коннотациями, которые проявляются в языке в своеобразии оценок, стереотипизации, метафоризации. .... В центре внимания субъекта, описывающего объект (человека), находятся те элементы внешности, которые представляются наиболее ценными в данной культуре или ситуации с точки зрения их эстетической, экспрессивной, прагматической»⁷. Этот же автор пишет, что «понятие “концепт” отражает все представления, существующие в сознании носителей языка о каком-либо объекте действительности»⁸.

Касаясь вопроса о фольклорных концептах, исследователь Ю. А. Эмер отмечает: «Концепт – когнитивная единица, представляющая целостное знание (не предполагающее целостной структуры) о ценностных экстралингвистических явлениях, значимых для культуры/субкультуры/индивида... Исследователи сходятся в том, что фольклорный концепт является разновидностью общекультурного концепта и фиксирует коллективный опыт. Фольклорный концепт чаще всего аксиологически ориентирован... Его образная составляющая отражает устойчивые коллективные установки,

⁶ Соколова Т.С. Фольклорный вербальный код этнокультурной информации // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2005, № 2, с. 109.*

⁷ Коротун О. В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира. Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Москва, 2002, с. 5 (<http://starling.rinet.ru/~minlos/thesis/Korotun2002.pdf>).

⁸ Там же.

образы. ...Содержание концепта формируется на уровне текста: он получает воплощение через текстовые смысловые структуры... Его содержание отражает то, что является важным и актуальным для фольклорного социума... Сохраняя коллективное знание и аксиологические установки этноса, фольклорный концепт является основой национальной картины мира»⁹.

Исследователь языка фольклора А.Т. Хроленко пишет о том, что «картина мира, как мозаика, составлена из концептов и связей между ними, поэтому ее иногда называют *концептуальной картиной мира*... Концептуальные признаки выявляются через семантику языка... Концепты репрезентируются словами, однако совокупность речевых средств не дает полной картины концепта. Слово своим значением в языке представляет лишь часть концепта, отсюда необходимость синонимии слова, потребность в текстах, совокупно раскрывающих содержимое концепта»¹⁰.

Другой исследователь, Г. Г. Слышкин, также отмечает некоторые особенности как самого концепта, так и методов его исследования: «Субъективные элементы культуры, реализованные в языке, получили название лингвокультурных концептов. Общепризнанным свойством концепта стала его многомерность». По мнению исследователя, необходимо выявление *понятийного (предметного), образного и ценностного* элементов в структуре концепта. Наличие первых двух элементов сводит воедино два основных способа осмысления действительности. Третий (*ценностный*) элемент, который, собственно, и делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст¹¹.

В нашем исследовании интерес представляет анализ лексики, участвующей в формировании и выражении концепта «внешность человека» в болгарской традиционной фольклорной картине мира. По статистическим показателям при исследовании текстов песенного фольклора болгар Молдовы и Украины, важнейшими, в описании внешности (в ряду особенностей телесности и одежды) являются голова и лицо человека. Этот фрагмент (в концептуальном поле «человек») мы исследуем на соответствующем материале¹². На основании текстов более чем 2 500 песен была проанализирована лексика, описывающая части головы и лица человека. В песнях обычно описывается внешность девушки, ее красота и привлекательность – то, за что ее любит юноша. Реже упоминается внешность юноши, при этом описывается только какая-то одна часть внешности

⁹ Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. Томск, 2010, №1 (9), с. с. 91.

¹⁰ Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. Москва 2009, с. 56-57.

¹¹ Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. Воронеж, 2004, №1, с. 29.

¹² Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска СССР. Т.1, Т.2. София, 1982.

(лицо, голова), которая характеризуется через определение: «...Нанко, блазе му, че му е руса косъта...» (1638). В описании внешности (красоты) девушки участвуют также некоторые детали ее украшений и одежды.

При описании внешности девушки (как телесности) наиболее частотны¹³ следующие слова: **очи** – (рус. *глаза*) (40); **лице** (32)., **коса** (рус. – *волосы*) (31)., **вѣжди** – (рус. – *брови*) (25)., **уста** (рус. – *рот*) (8); **пшитки** (рус. – *косы*) (8).

Анализ особенностей употребления каждой из лексем позволил выявить характер их участия в формировании концепта «красота женщины» (соответствующего макроконцепта «внешний человек»). Мы исходим из того, что устойчивые словосочетания в фольклорных текстах отражают и внеязыковые реалии в фольклорной модели мира, и языковой выбор, связанный с определенной ценностной системой носителей языка¹⁴.

Исследователи этнокультурной информации, содержащейся в языке фольклора, отмечают, что фольклорное слово наделено отличительным свойством – тяготением к блоковости. Особенно это проявляется при номинации актуальных для этнического сознания (ментальности) явлений окружающего мира и человека. Такие языковые единицы и могут быть отнесены к концептам. Как отмечает Т. С. Соколова, «репертуар языковых единиц, актуализирующих содержание фольклорных концептов, различен: от морфемы к слову до фрагментов текста, образующих в комплексе фольклорный словарь монолексем и словарь текста»¹⁵.

Все части лица и головы человека в исследуемых нами текстах песен болгар Украины и Молдовы описываются чаще всего именно через блоковый, совместный, устойчивый перечень этих частей (*лице, очи, вѣжди, коса, уста*), а также через блоковое описание и актуализацию их свойств. Можно предположить, что именно перечисленные части при восприятии и оценке внешности женщины оказывались актуальными в формировании и оценке ее образа.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих блоковый характер описания частей и их признаков во внешности девушки в песенном фольклоре болгар.¹⁶

«... Либе Маринке... че нали й язык за теби... за твойта тѣнката **снага**, тѣнката, фидановата, за твойто бяло **лицѣ**, бялото либидьовото, за твойти тѣнки **вѣжди**, тѣнкити гайтановити, за твойта русата **коса**, русата кѣмшичовата» (323);

¹³ Здесь и далее цифра в круглых скобках после слова указывает на количество его употреблений в исследуемых текстах: **очи** (40);

¹⁴ **Никитина С. Е.** Указ. соч., с. 66.

¹⁵ **Соколова Т. С.** Указ. соч., с. 115.

¹⁶ Здесь и далее в тексте статьи цифры, приводимые в круглых скобках в конце цитаты, указывают номер песни в сборнике Н. Кауфмана.

«... мома Доно... Кольо йоди луд та бясен, *зарад твойто бяло лице, бяло лице либедово, черне очи черяшови*» (456);

«Пофали са ... малка мома..., чи си има бялу лица, бялу *лица* либидину, чи си има черни *йочи*, черни *йочи* чирешови, чи си има тънки *вежди*, тънки *вежди* гайтанови, чи си има руса *коса*, руса *коса* купринена» (797).

Анализ текстового материала показал, что при описании внешности женщины (образ-концепт «внешний человек») ее красота передана через множество элементов внешнего облика. Восприятие внешнего облика женщины, как уже было отмечено, сопровождается национально-культурными коннотациями, которые в языке проявляются в своеобразии оценок, стереотипизации, метафоризации внешности. Понимание культуры народа невозможно без учета подобных антропологических представлений.

Символическое выражение женской красоты в исследуемых текстах чаще всего представлено через метафору – номинативную, глагольную, признаковую¹⁷. Описываются такие детали внешности девушки, как глаза (*очи*), рот (*уста*), брови (*вежди*), лицо (*лица*), волосы (*коса*), косы (*плитки*).

Описание может быть выражено через *номинативную (предметную) метафору*, основанную на использовании номинации зоонимов (лебед, павун, риба), *фитонимов* (чуреша, трендафел), *антропонимов* (систрице), *артефактов* (гайтани, плетене, чеша, ключ), и связано с комплексом мотивирующих признаков, относящихся к этим явлениям.

Очи: черни *чуреша*; *герани* на мойто сърце *две рани*; *два гираня бистра вода*;

Лице: бялото *либидьовото*; ясно *слънце*; ален *триндафел*;

Коса: кадънско плетене; долънънско плетене; косице, милна систрице; кату на павун пирата; руса, паунова;

Вежди: склучени на мойто сърце два ключа, два ключа, два приключане; твоите вежди-гайтани;

Уста: чешка сребърна;

Плитки: вашо българско плетене, нашо кадънско (рус. – турецкое) плетене.

Глагольная метафора основана на глаголах *состояния* (юкапи, стреля, ширееши), *звучания*, *ощущений* (заболя, разлажда, разквася), *восприятия* (синееха, чирняеха, билейши, рижееше, побеля, югрозней) и др.

Очи: *са синееха* (като гайтан на нов дюкян); *са чирняеха* (като угар дважд преорана); *стреляя* (като риба в дълбина);

Лице: лицето югрозней; *са билейши* (както пряспа дважд привята); *са бияши* (като тиган на мясчина); *грееше* (като слънце в небеса);

Коса: да ти косата *юкапи*; *побеля*; *ширееши* (къкту житу жълтокласу); *са рижееше* (като ела в Романия); *са витряи*; *коса й нарусилу* (ют раму ду раму, ют глава ду пита);

¹⁷Балашова Л. В. Метафора и языковая картина мира (на материале русского языка X–XII вв. // *Язык и ментальность: Текст и концепт*. Вып. 1., Санкт-Петербург, 2004. 175 с.

Вежди: *сключени; са синееха* (като гайтан на нов дюген);

Уста: *да си устица разквася; от една уста две думи; ки та заболи* (пътници, мамо, да питаи); (като свириш и пееш) *ни та ли уста заболя;* *щото риче мед капи;* (кога припродума) *сърце ми разлажда.*

Признаковая метафора наиболее разнообразна и отражает связь чело- века с миром природы, предметным и социальным миром, явлениям которого уподобляются признаки внешности человека (в нашем случае – женщины) (*чурешии, абаджии, лебед, шикалка, гайтан, гиран, кѣмишик, куприна, паун, ключ*):

очи: *чуряшови; кѣрвави; лице:* *лебедно; коса:* *изрусена, избирана у тер- зии абаджии; шикалкова; кѣмишичовата; купринена; паунова; вежди:* *сключе- ни; гайтанови; уста:* *гиранува.*

Через каждую из вышеприведенных признаков метафор в *скрытом виде* актуализирован ряд положительных качеств, свойственных предмету, легшему в основу метафоры: **очи** (глаза) *чурешови* – сладкие, вкусные, маня- щие; *кѣрвави* – с кровью связано представление о ране; **лице** *лебедно* – белое, нежное, горделивое, с достоинством; **коса** (волосы) *шикалкова* – цвета желу- дя, блестящие, гладкие: *шикалков* – в «Български тълковен речник» находим два признака: извивающийся, темного цвета (*шикалка* – нарост на дубовых листьях, из которого делали чернила, краску); *кѣмишичовата* – упругие, длин- ные, бьющие по сердцу, как кнут (*камишик* – хлыст, кнут); *купринена* – лью- щиеся и нежные, как шелк (*коприна* – шелк); *паунова* – украшающие девушку, как перья – павлина; **вежди** (брови) *сключени* – скрывающие то, что в глубине глаз; *гайтанови* – тонкие, изысканные, блестящие (*гайтан* – шелковый шнур для украшения одежды); **уста** (рот) *гиранува* – как чистая колодезная вода, вкусная, утоляющая жажду путника (*геран* – глубокий колодец).

Обратим внимание на следующие особенности в описании женской внешности.

При описании глаз (очи) они могут быть *черными* (как черешня), *про- зрачными* (скорее – глубокими, как вода в колодце); они могут *чернеть* (как дважды вспаханная земля), *стрелять* (как рыба в водной глубине); глаза могут быть *черешневыми* (когда актуализируется не только цвет), мо- гут быть *кровавыми* (залитыми кровью). Последнее – в отношении глаз – связано с поверьем, которое встречается у многих славян и отражается в песнях. «Засорение глаз как наказание за нарушение табу на шитье и прядение в пятницу и в другие особо отмеченные дни – известный мотив в славянской мифологии... У всех восточных славян и у болгар, сербов и македонцев прядение и шитье в пятницу считалось грехом, т.к. от этого засоряются и колются глаза св. Параскевы Пятницы»¹⁸.

¹⁸ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толсто- го. Т. 1. Москва, 1995, с.500-501.

В текстах песен из собрания Н. Кауфмана речь идет также о нарушении запрета на работу, но происходит смена персонажа – поется о святой Неделе, страдающей от того, что мужчины работают в воскресенье (болг. *неделя*) – проливают кровь ягненка (в других песнях – женщины, которые по воскресеньям занимаются домашней работой):

«Стувяне, аз ни съм мума дивойка, я най съм свита Ниделя... Лицето й, мамо, упрашно, *учите й, мамо, кървави...* «За к-ко ти са очи кървави»... Ниделя дума Стувяну: ... пустити ваши касапи, *кога и свита ниделя, те си агнета колежа, затуй ми са очи кървави*» (1249).

Таким образом, контекстуальный анализ показал, что при употреблении соответствующих лексем, раскрывающих признаки женской красоты в песенном фольклоре, выявляются следующие особенности семантики и коннотации:

Лицо – считается красивым, если оно белое, румяное, нежное, как лебедь и роза, изнутри светится (как солнце, обогревая другого человека).

Брови (вежди) – красивы, если они тонкие, черные (до синевы), шелковистые, изгибающиеся и блестящие, как шнур. Они должны скрывать, держать «под ключом» тайну глаз.

Рот (уста) – должен быть источником слова, которое чисто, как колодезная вода; сказанное им слово должно быть как напиток из серебряной чаши или как мед.

Волосы – красивы, если они русые, золотистые, как колосья пшеницы; они могут быть темно-коричневыми (шикалчови); волосы красивы, если они шелковистые, могут виться, распущенные по ветру, украшать девушку, как перья павлина; наконец, могут быть густыми и собранными в жгут (камшичова коса).

Косы – могут быть заплетены особым болгарским плетением, которое отличается от турецкого и, конечно, лучше последнего.

В основе образа-концепта «женская красота» при описании внешности (как фрагмент концепта «внешний человек») в исследуемых текстах лежат национально-культурные особенности, переданные через метафору и символику окружающего мира, актуализированного в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины.

Тексты позволяют через «актуальные текстовые связи фольклорного слова, его частотность, варианты и поэтические функции, создать объемный... портрет слова в устно-поэтическом тексте»¹⁹. Слово является тем средством, которое отображает мир человека в фольклорном тексте, представляет его образ.

---

¹⁹ Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора. Лексика былинны Курск, 2006, с. 277.

Кроме описания частей головы и лица как способа выражения *красоты* девушки при описании ее внешности обязательно называются (с высокой степенью частотности) как признак и обязательный атрибут *привлекательности* – ее украшения и часть одежды. Из украшений наиболее частотными по упоминанию являются *гердан (ожерелье, бусы)* (13) и *гривни (браслет, браслеты)* (19). Из одежды чаще всего упоминается *пола (юбка)* (19).

В исследуемых текстах песен очерчивается следующее представление об обязательных атрибутах внешности девушки, украшающих ее и придающих ей привлекательность.

Гердан

Определения: «*ют бяла шия гирданя, ...ют тѣнкѣ шийѣ гирданѣ*» (2134); «*йѣрмаган гердан сребѣръѣн*» (325); «*златян гирдан*» (401); «*на шийката златен гердан*» (810); «*грѣцки гердан*» (811); «*дубрѣ дарба, ...ситен гердан на шията*» (818); «*герданче йот бяла шийка*» (1746);

Действия: «*Яз ти, Донки, ... куланѣ разпасѣф, ют тѣнкѣ шийѣ гирданѣ*» (2134); «*той либи мома тѣрновка. Тя му го йѣрмаган изпрати, йѣрмаган герда нсребѣръѣн*» (325); «*Той на мами отговаря: ... ти зѣми златян гирдан, та че иди татѣк долу... при златари, да излеят златно звѣнче*» (401); «*сребро и злато... Ша гу занесем тука долу, тука долу в долна махла. Ша гу увият вити гримни ду лахтети, куван колан, грѣцки гердан*» (811); «*... колидари, луди-млади... чи ти носят дубрѣ дарба, дубрѣ дарба вити гримни, вити гримни на рѣцети и ти носят златен прѣстѣѣн, златен прѣстѣѣн на прѣстите, и ти носят ситен гердан, ситен гердан на шията*» (818); «*Неделя дума мами си: ... я дай ми, мамо, остѣр нож да си герданче юдрежа, герданче йот бяла шийка, коланче йот тѣнко крѣстче..*» (1746);

Гердан (ожерелье) ассоциируется с белой, тонкой шейкой девушки. Часто упоминается, что оно сделано из золота, реже – из серебра, может быть из мелких монет или бусинок (*ситен гердан*). Ожерелье могут по заказу сделать свои ювелиры (в текстах – *златари от долна махала*), оно может быть похожим на греческое по виду, форме. Ожерелье может быть подарком (*дар*) девушке от юноши. Если с девушкой что-либо случается, то она лишается этого, как и других важных украшений-атрибутов («*Неделя дума мами си: ... я дай ми, мамо, остѣр нож да си герданче юдрежа, герданче йот бяла шийка, коланче йот тѣнко крѣстче..*» (1746); «*Яз ти, Донки, ... куланѣ разпасѣф, ют тѣнкѣ шийѣ гирданѣ*» (2134).

Гривни

Определения: «*вити гривни до лахтете*» (766); «*вито гривни, вито гривни – косоплитки, косплитки до земята*» (767); «*на рѣцете вити гривни*» (810); «*вити гримни ду лахтети*» (811); «*дубрѣ дарба вити гримни, вити гримни на рѣцети*» (818); «*добра дара, вити гривни до лактети...*» (828); «*ют юка гримни дебѣли, ют гайтаня полвинаата*» (1109);

Действия: «Донке, два вакли овчара, ръцете ти ти **кършеа**, гривнити ти **зимаа**, и златно пръстенчи» (121); «той ми **дари** вिति гривни, вिति гривни до лахтете, малък пръстен до нихтете» (766); «**Дарил** ми е кован пояс, кован пояс, малан пръстян, малан пръстян, вито грибни, вито грибни – косоплитки, косплитки до земята» (767); «най **изникна** сребро и злато... Ша гу занесем тука долу, тука долу в долна махла. Ша гу увият вिति grimни» (811); «...коolidари, луди-млади... чи ти **носят** дубръ дарба, дубръ дарба вिति grimни» (818; 828)

Гривни (браслеты), как и ожерелье, чаще делают из золота и серебра. Самое частое определение связано с их видом – витые (*вити*), при этом упоминается количество браслетов: их должно быть у девушки много – до локтей (*до лактети*), упоминается также вес золотой или серебряной нити – тяжелее килограмма (*юка – ока – 1283 грамма*), и толщина – толще шнура (*гайтан*) («*ют юка grimни дебели, ют гайтаня полвината*» (1109)).

Как и другие украшения – ожерелье (*гердан*), кольца (*пръстен*), реже – пояс (*колан*), – браслеты могут быть подарком от юноши или принадлежать самой девушке (как часть ее внешности). Попытаться лишить ее этих украшений – значит обидеть девушку (*два вакли овчара, ръцете ти ти кършеа, гривнити ти зимаа, и златно пръстенчи*) (121); «*Дай да фаним момата, да и земим grimнитити, да направим нахтари. Да утключим сандъци. Да извадим примяна, да приминим мумата. Да ни оди уроту...*» (1029)).

Пола

Определения: «*бели поли* (277); «*мома сельънка... Полити й фучая като вятър през гора...*» (1038, 1039, 1041, 1068); «*в мою писан сандък... при шарени поли...*» (1739, 1741); «*Пенкини поли, мале мо, на Софиринка тъкани, на бял Дунава белени*» (1775, 1779)

Действия: «*бели поли тя разгъва...*» (277); «*Полити й фучая ...*» (1038, 1039, 1041, 1068); «*... нейнитити поли, мале мо, фъв София са сновани, фъв Цариград са тъкани*» (1776); «*...Пенини поли, мале мо, във Царьъм града сновани, във Дряно поле тъкани. На бял ми Дунав белени, на мрямор камък бувани*» (1778)

Пола (юбка) девушки упоминается только во множественном числе – юбки (поли). Имеются в виду нижняя (*бели поли*) и верхняя (*шарени поли*) юбки. Юбка должна быть яркой, пестрой, украшенной. Когда девушка идет, юбка развевается и шумит, как ветер, что очень впечатляет юношу. Чтобы описать красоту юбок девушки, юноша рассказывает матери, где и как эти юбки ткали, отбеливали и украшали – в *Софии, на Дунае, в Цареграде, в широком поле*.

Все украшения девушки – ценность, которая говорит о вложенном труде и искусности того, кто ее украсил. Во внешности девушки и ее украшениях прочитывается ее красота и необычность.

Итак, как же описывается красота девушки в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины? Отметим, прежде всего, еще раз блоковый характер признаков, лежащих в основе концепта «женская красота». Для телесной части внешности – это постоянная актуализация составляющих ее таких элементов, как *лице, вежди, коса, плитки, уста*, сопровождаемых постоянными характеризующими их признаками (выраженными через метафору предметного, глагольного и признакового характера). Как постоянный предмет украшений при описании внешности девушки упоминаются *гердан, гривни, пола*, признаки которых можно отнести к группе постоянных эпитетов или других повторяющихся элементов.

В основе описания *внешности девушки* лежит метафора и символичность метафорического признака, связанного с явлениями природного мира (*лебедь, рыба, роза, черешня, дуб, мед, серебро и колодезная вода, солнце*), реже – предметно-бытового (*колодец, чаша, шелк, тесьма/шнур, ключ, жгут*), что уже содержит образную и аксиологическую (ценностную) составляющую.

В основе же описания предметов украшения, как атрибутов красоты девушки, лежит оценка этих предметов по их прямым качествам (*материал изготовления, размеры, место, мастерство изготовителя – златен, сръбрен, вит, ситен и т.д.*) и их оценка через сравнение с миром природы (*поли – гора, вятър, Дунав, поле*).

Таким образом, представление о красоте девушки в песнях болгар Молдовы и Украины выражено через сложный концепт «красота», включающий в себя *понятийный (предметный), образный и ценностный* элементы. Все эти элементы так или иначе связаны с окружающим человека миром природы, свойства и признаки которого актуализируются и наполняются аксиологическим и символическим содержанием. Происходит их стереотипизация, которая определяется как формирование базового, устойчивого культурно-национального представления о предмете (или ситуации).

Опубликовано в: *Relațiile moldo-bulgare: istorie și cultură. Chișinău: Societatea Științifică a Bulgarilor din Republica Moldova, 2016. – С. 480-491.*

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ (группа «цветы»)

В современной лингвистической науке в течение последних трех десятилетий развивается новое направление в исследовании языка – лингво-фольклористика. Одна из задач этого направления – исследование языка фольклорных текстов, и, в частности, лексики. Как пишет исследователь языка русского фольклора, в том числе и песенного, «лингвистический запас, которым располагает песня, во многом значительно больше, чем лингвистический запас разговорного языка, и творцы и исполнители фольклора свободнее пользуются лингвистическим материалом по сравнению с языком разговорным. Действительно, если рифма или ритм песни этого требуют, то исполнитель и создатель песни может ввести форму или слово из другого диалекта, может ввести архаизмы и т.п.»¹ Слово в фольклоре невозможно рассматривать просто как языковую единицу: в фольклорном слове воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира. Слова в фольклорном тексте являются маркерами времени, места создания текста и ментальности его создателя.²

В современной лингвофольклористике стратификация лексикона устной народной поэзии осуществляется на основе двух главных принципов: 1) выделении лексического ядра («ключевых слов») и периферии; 2) жанровой дифференциации.

«Ядерная», ключевая лексика представляет основные концепты фольклорной картины мира. Известно, что лексикон фольклора образуется разными разрядами слов: общеупотребительной лексикой, фольклоризмами, диалектизмами, архаизмами, просторечиями, окказионализмами и «темными словами». Но для народной лирики, в частности, песенной, особенно важными являются наименования эмоций, характеристики персонажей, использование лексики, обозначающей предметы и явления с символическим значением и оценочной функцией.

По наблюдениям исследователей, системные группировки слов в фольклоре строятся на принципиально иных основаниях, чем в общезыковой системе в целом. Иначе и не может быть, поскольку в семантике фольклорного слова на первый план выдвигаются знаковость, символичность, оценочность, иерархичность и т. п. При исследовании лексики фольклорного произведения один из возможных способов группировки слов совпадает с отражением в сознании носителей языка фольклорной

картины мира, которая делится на фрагменты («растительный мир», «животный мир», «оружие», «одежда» и др.), находящиеся друг с другом в сложных отношениях.³ Вслед за исследователем М. А. Бобуновой⁴ в нашей работе мы опираемся на *лексико-тематический* (как часть *кластерного*) подход к описанию лексики песенного фольклора болгар Молдовы и Ураины. Под *кластером* понимается совокупность лексем различной частеречной принадлежности, семантически и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента фольклорной картины мира. Кластерный принцип группировки слов представляется нам оптимальным. Он дает представление о том или ином фрагменте действительности, отраженном в лексике устно-поэтического произведения. *Кластерный анализ* позволяет описывать и анализировать отдельные тематические группы слов. Отметим, что указанные методики могут иметь практическое применение: лексикографическое (при составлении словарей фольклорных текстов), лингвофольклористическое и лингвокультурологическое. Они помогают выявить, какие фрагменты окружающего мира наиболее важны для данного народа, в связи с этим они и нашли свое отражение в особенностях языка фольклора.

Материалом для нашего исследования послужили тексты песен из двухтомного сборника «Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР», вышедшего в свет в 1982 г. в издательстве Академии наук Болгарии. Составитель этого сборника – Николай Янков Кауфман – значительная фигура в болгарской музыкальной культуре. Более пяти десятилетий он посвятил музыкальной собирательской, исследовательской и творческой деятельности. Николай Кауфман – музыковед, фольклорист, композитор и педагог. В упомянутом выше фундаментальном труде автор предстает также и как собиратель словесного песенного фольклора болгар Молдовы и Украины (той части, что относится к бывшей Бессарабии, а также к Приазовью).

В двухтомнике, объемом до 1620 стр., представлены тексты 2 543 песен с указанием места записи, данными об исполнителе-информаторе, а также приведена нотная запись каждой песни, сделанная Н. Кауфманом.⁵

Наши наблюдения над лексическим составом песен разных поджанров, представленных в издании Н. Кауфмана, показывают, что в этих текстах существенное место занимает фитонимическая лексика – названия растений. Известно, что названия растений в фольклорных текстах символически нагружены. Кроме того, растительная символика в фольклоре характеризуется большим разнообразием и обилием специфических ситуаций, в которых реализуются ее основные символические значения.⁶

О символическом значении определенного пласта фольклорной лексики так рассуждает исследователь С. Е. Никитина в своей моногра-

фии «Устная народная культура и языковое сознание»: «Принципиально важно, что мир фольклора — мир символов. Народная культура вообще глубоко семиотична и символична. Символами могут быть не только языковые единицы, но и действия, и вещи... Будем говорить о символах — словах и словосочетаниях. Эти символы-образы указывают на глубокие традиционные смыслы в народной культуре, которые, как правило, не имеют прямой номинации, а выражаются в языковых единицах, сохраняющих одновременно свое прямое, непосредственное значение... Считается, что такие названия растений и птиц, как *калина, яблоня, вишенка, лебедушка, утица*, являются символами невесты... Фольклорная символика чрезвычайно разнообразна, для выражения одного глубинного фольклорного смысла может использоваться множество слов-символов, и наоборот — одно и то же слово может быть выразителем разных символических смыслов...».⁷

Символическое значение слова в фольклорном тексте может относиться к архетипическому уровню (сохраняет свое символическое значение в культуре разных неблизкородственных этносов), может совпадать у родственных (напр., у всех славян) или только у близкородственных народов (напр., у южных славян). Может встречаться только у одного народа (напр., только у болгар или русских). Таким образом, у символа выделяется целый ряд признаков: образность, мотивированность комплексного содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архетипичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурную специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип.

Наша цель — описание семантических особенностей и символических смыслов в словах, обозначающих фитонимы (лексико-семантическая группа «цветы») в народных песнях болгарской диаспоры Украины и Молдовы.

Для выявления слов с фитонимическим значением (в частности, лексико-семантической группы «цветы») в болгарских народных песнях мы воспользовались Приложением к двухтомнику Н. Кауфмана «Народни песни...» (далее — НП, т. 1, т. 2) — «Вещен и именован показалец» (далее — Указатель...), составленным Стефкой Т. Константиновой. В Указателе даны в алфавитном порядке имена существительные, встречающиеся в текстах песен сборника. Рядом с заглавным словарным словом приводится минимальный контекст на уровне расширенного словосочетания с включением этого слова через знак — (тире). При каждом употреблении дается отсылка к тексту соответствующей песни в виде указания ее номера в издании.

В Указателе мы выявили всего 110 слов, относящихся к тематической группе «растения». Это следующие группы слов, обозначающие объекты из мира растений:

названия *цветов* (30); *травы* (16); *плодово-ягодные растения* (15); *деревья* (9); *названия овощей* (8); *зерновые культуры* (8); *части растений* (7); *виды насаждений* (12); слова с неясным значением, но *контекстуально обозначающие растение* (5). То есть наиболее многочисленной является *лексическая группа «цветы»*, которая и является объектом описания в данной статье.

Рассматриваются следующие фитонимы, называющие цветы:

божур, босилек, бървѝнче, въртига, гергина, гороцвет, гъозън, зюмбюл, иглика, калофер, камшица, крокун, лале, латинка, люляк, метлига, перунига, росен, ружа, теменуга, трендафил, френче.

Данную работу по изучению лексики песенного фольклора болгар Молдовы и Украины (по изданию Н. Кауфмана) можно рассматривать как этап в разработке материалов к словарю языка песенного фольклора болгар Молдовы и Украины. В современной лингвофольклористике существует опыт создания подобного рода словарей. Апробированная методика и последовательность работы нами используются отчасти.⁸

Материал для описания семантики и символического значения фитонимов мы представляем в следующем порядке:

- 1) Наименование растения;
- 2) контексты употребления слова в соответствии с Указателем;
- 3) значение слова в Толковом словаре болгарского языка⁹;
- 4) значение слова в словаре Н. Герова¹⁰;
- 5) информация о символическом значении фитонима по доступным нам словарям символов или по материалам научных публикаций;
- 6) показания контекстуального анализа.

Приводим информацию о значении метапонятия «цветок», данную в словаре мифологической символики М.М. Маковского.¹¹

ЦВЕТОК

Значение <<цветок>> соотносится со значением <<рвать, резать>>, букв. <<прорезаться сквозь землю, раскрыться (о бутоне, почке)>>:

- а) и.-е. **kes-* «рвать, резать», но и.-ар. *kusuma-* «цветок»;
- б) латыш. *ziedas* «цветок», но др.-инд. *chedayati* «колоть, раскалывать», лат. *scindere*, греч. *Sxiso* «раскалываю, разрываю», литов. *skiedziu* «отделяю», нем. *scheiden*;
- в) литов. *gele* «цветок», но и.-е. **ghel-* «резать» > **ghel-* «блестеть, сиять»;
- г) греч. *anthos* «цветок» соотносится с и.-е. *(s)*Hend-* «разрезать, разрывать».

Интересно сопоставить с греч. *anthos* «навоз», которое также соотносится со значением <<бить, ударять>> (о запахе по отношению к органам обоняния).

Понятие <<цветок>> может также соотноситься с понятиями <<гнутья>>, <<надуваться>>: ср. лат. *fls* < «цветок» **bhle-*/ *bhlo - «раздуваться»,» **распускаться**». Понятие цветка может соотноситься с понятием числа (символом Вселенной): ср. латыш, *zieds* «цветок», но тох. *Akaq* «число»; латыш, *rike* «цветок», но и.-е. **repk-* «пять»; и.-е. *kuetuor* «четыре», но русск. *цвет, цветок* + авест. *urvara-* «растение», греч. *a-rítmos* «число», но др.-англ. *wyri*, др.-сев. *Virtr* «растение»; и.-е. **ond-* «один», но греч. *avGoq* «цветок» (**интересно, что слова со значением <<цветок>> входят в название человека — символа Вселенной**: ср. тох. *Aatal* «человек», но греч. *anthos* < «цветок»+ др.-сев. *all* «росток»). Значение <<цветок>> может также соотноситься со значением <<издавать звуки>> (звук — символ божественного творения): ср. русск. *цвет, цветок*, но др.-англ. *Cweadan* «говорить»; литов. *gele* «цветок», но и.-е. **ghel-*, **gel-* «издавать звуки»; лат. *Flosm* «цветок», но латыш, *balss* «голос». Интересно, что некоторые цветы издревле служили символом смерти, зла, ненависти: ср. латыш, *zieds* «цветок», но и.-е. **kad-* «зло»; литов. *gele* «цветок», но прусск. *gallon* «смерть»; и.-е. **kuet-* (русск. *цвет, цветок*), но др.-англ. *sodi* «болезнь»; латыш, *rike* «цветок», но хет. *Рик* «ненависть». Цветок может иметь фаллическое значение (ср. греч. *avGoq* «цветок», но др.-инд. *anda-* «половые органы»), а также выступать в качестве символа начала (Вселенной): ср. греч. *anthos* «цветок», но и.-ар. *adi* «начало», гот. *Airei* «мать» (первоначало). (Ср.: Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. Киев, 1994).

ЦВЕТЯ БОЖУР

В текстах песен:

«..сбири ги, боже, двамата, каква са лика-прилика като два стрька люлика, като четъри чюбрика и два алени *божура*» (423);

«...как расте *божур* в градинка, тъй расте мома при майка..» (1849);

«.. как вйяни *божур* в градинка, тъй вйяни млада нивяста, при свекър и при свикърва...» (1850);

«... бяла Радо,.. йоткъсни до два *божура*, идина сама закачи, другия на вратник забучи..., ... ут вратник ши го отбуча, на калпак ши го забуча» (1124);

«Брала й моме *божур* цвете, кат го й брала, йем плакала: защо й меньъ *божур* цвете, кога няма първо либе...» (1893), (1894).

Български тълковен речник:

Божур – м. Полско и градинско цвете с червени кичести цветове, *Paeonia*.

Если исходить из **материалов словаря Н. Герова**, то в ряду синонимических народных названий встречаем *божур*, *калинка*, **пион**, *гергине*, *лале* и т.д.:

1) *Paeonia officinalis*, *градинско цвете...*;

2) *Papaver rhoeas* и *Argemone*, *полско цвете по нивите, червено цъфти, див хашаш, божия, божичка, божюрига, божурок... кадънка, кокоружа, лале, мачец, папаронка, папорунка, пеперуга, пламяница, дикий мак...*

3) *Tulipa*, *цвете лула, лале, тюльпан* – *Божур планински, цвете Trollis, гергине, гюрджин, желтоглав.* (Т.1, с. 59)

Символика:

(В словаре Дж. Трессидера):

Пион На Западе корни, семена и цветы *пиона* издревле имели целебную репутацию – отсюда его название, произошедшее от греческого слова «врач», а также от имени Пеона (Пеана), который лечил богов... *Пион* иногда называют «**розой без шипов**»¹²:

«Происхождение *пиона* (*Paeonia femina*) в южнославянских легендах и сказках связано с кровью, пролитой на поле брани: В Кюстендильском округе около церкви Спаса много пионов, которые выросли здесь из крови сербов и болгар, бившихся у Велбуждского перевала... В р-не Топлица считали, что **пион** возник из крови, пролитой в великой битве людьми разной веры: черный получил свою окраску от цыганской крови, синий — от крови турецкой, а красный — от сербской. По народной этимологии название этого цветка божур связано со словом Бог [Чайкановић 1985: 36, 37].»¹³

В записях Н. Кауфмана:

Определения: два алени божура;

Синонимия: два стръка люлика, като четъри чюбрика и два алени божура;

Действия: *расте божур* в градинка, тъй *расте мома* при майка; *вйяни божур* в градинка, тъй *вйяни млада нивяста*; *Брала й моме божур* цвете, кат го й брала, йем плакала; *йоткъсни* до два божура; *сама закачи*, другия на вратник забучи;

Место: *в градинка; на вратник забучи; на калпак ши го забуча.*

Контекстуално божур синонимичен таким растениям, как *люляк* (*люлик*) – сирень, *чюбрик* – чабрец. Оба растения обладают сильным ароматом, имеют свою символику – молодости, здоровья. *Божур* (в ряду синонимов) соотносится с образом молодой девушки, образом влюбленных.

Коннотация: увядание цветка – символ утраты любви, слезы.

БОСИЛЕК

В текстaх песен:

«... баня му прилива, *босилек* залива; *босилек* са кърви, и Рада го бере, на китки го вие, на Иван ги дава... китка бял *босилек*...» (313);

«китка ран *босилек*...» (314);

«... той турска вяра духа му на турчин мириши,... българска душа мириши на гъозън и на *босилък* и вечер на бял калофър» (1426);

«... Бяло ми, бяло момиче..., посеи китки сякакви, сякакви, се босилкови. Яко поникне *босилек*, дълго ща гориш по меня» (2070);

«Ах, гиди, мома и момък, момите ружа в градина, момците зилен *босиляк*, довица озъбън габър, довците изсъхнал копър» (2151);

«... Изгорях, либе, за вода, като *босиляк* за роса...» (308);

«Ганка на Вълко думаше: ... най купи, Вълко, най купи Ганина горна градинка, овцети ружа ша пасът, шилъята зилен *бусилък*» (316);

«я най прикупи, байо льо, нашите горни гърдини, овцети ружа жа пасът, ягънца дребен *бусилек*» (317);

«Дето й кръвта (на Маринка – Н. К.) капеша, земята се пукаши, зелен *бусилек* никнеше...» (1813);

«... то приз плета гледа, дребно сълзи рони. Дето сълза капи, зимята са пука, ран *бусилек* никне... Станка рано стана, *бусиле* юбрала, три си китки увила, увила й нарича – първата й на мене, втората й на либе, третата на девера» (357);

«... най си искам лукаро, да си влезе в градинки, да са лукум нарупам, бял *бусилек* наноса» (383);

«Яна дори мите... с метла чемширвова, с китка бял *босиляк*...» (1745);

«... гиздава девойке, що си повяйнала и си посърнала като лен за вода, *босилек* за сянка?... я знайното либе... дребно сълзи рони, дето сълзи капят, зимята са пука, ран *бусилек* никне, моми го беря, три го китки вият...» (467);

«... каква съм съня сънувал... зад къщата й равни гърдинки, във гърдинки равни каръци, фъв каръцити радости цвети, ран ми *босилек*, яз го поливам дзаран и вечер, той повяйнува... Ют там са вижда, чи а ж да умра» (558);

«Сялай мома ран *босилък*... То ни изникна ран *босилък*, ми най изникна сребро и злато...» (811);

«Тръгнала и малка мома ... да си бере дребен росън, дребен росън, ран *босилек*» (813);

«... Ква са лика прилика, като гиргина в градина, като два стръка *босилък*, като абълка на фидана» (1048);

«Минка сиди в градинка, та разсада присада – зилен ранън *бусилък*, шестумреда камшица» (1117);

«Нища гу, мамо, дувца й, ... слана есенна... и яз ду негу пупарен копър, йргеньъ й мамо, китка *бусилек* и аз ду негу альну цвети» (1944);

«дувца й мамо есенна слана, иргеня й мамо росен *бусиляк*, чи падна слана изгури *бусилек*» (1945).

Български тълковен речник:

Босилек – Градинско и саксийно цвете с приятен дъх, което се употребява при църковни обреди, *Ocimum basilicum*.

В словаре Н. Герова:

Босиляк, *с.м. Раст. Ocimum Basilicum*, има твърде хубав дъх, цъфти бели, весма ситни цветица; базилик. Босиляка сушат на стръкове и го държат във всяка къща пред иконите. От него вият китки за ръсене със светена вода; затова в една песен босилекът се хвали: «Няма цвете по-хубаво от мене, че не може света вода без мене». В песните често се споменува **ситен ран босилек...** (Т.1, с. 65).

Символика:

По словарю Жана Шевалие: Базилик - «Растение, чийто цвят притежава силен аромат. Смята се, че листата на босилека притежават целебни свойства...»¹⁵

В словаре «Славянские древности» под ред. Н. И. Толстого находим расширенное описание символики базилика в славянских культурах.

«Базилик (*Ocimum Basilicum*), от лат. ... царская трава – вечнозеленое пахучее растение, в народной культуре – апотропей¹⁵. Имеет широкое ритуально-магическое применение на Балканах, Карпатах и юге Украины... В основе легенд и поверий о происхождении базилика... лежит мотив его произрастания из останков умерших: Б. вырос на могиле Христа или на месте его распятия... (божигробско цвете...)... Как универсальное охранительное средство Б. использовался для украшения людей, животных, построек, предметов домашнего обихода, пищи... Ими украшали участников свадьбы – невесту..., жениха..., всех свадебных чинов и гостей...

В похоронном обряде ветками Б. обкладывали тело умершего... Наиболее типичным было использование веток и пучков Б. в качестве кропила. С помощью веток Б. обрызгивали водой или вином участников свадьбы, крестин, похорон, некоторых календарных обрядов... Использовался Б. в любовной магии и гаданиях. Согласно поверьям, Б. способен вызывать и сохранять любовь и супружескую привязанность... Болгары верили, что если завладеть Б. из венков жениха и невесты и расеять его семена в своем саду, то это ускорит приход сватов... Любовная символика Б. нашла отражение и в песенном фольклоре южных славян... (В. В. Усачева, Т.1, 131-135).¹⁶

В словаре «Българска митология»:

«**Босилек** (*Ocimum basilicus*) – цвете, на което народното вярване приписва предпазна и продуцираща сила. Б. е широко представен в пое-

тичната традиция и обредите на българите. Белият цвят и хубавият мирис на Б., който се запазва и след изсъхването му, го определят като символ на младостта, хубостта и здравето... Смята се любимо цвете на момите, възпявано в народните песни с епитетите «ран», «росен», «ситен», «миризлив». Момината градинка е немислима без Б. С китка от Б. момата се кичи и я дава на момъка в знак на любов... Легендата, че върху Христовия гроб... израснал Б., поражда представата за връзка между Б. и християнската вяра... На Йордановден свещеникът ръси от кръстената вода с китка Б. по домовете за здраве. Б. се слага като апотропей върху шапката на новородено и кърпата на родилката... Б. слагат при мъртвеца. Употребява се често и в народната медицина на кадене на болни и при баене. (Маргарита Василева)».¹⁷

См. также: «**Базилик** играет большую роль в обрядах, магии, медицине славян; на юге Славии пользуется особым уважением и почитанием: его считают святым, приписывают ему исключительную мистическую силу, особенно защитную, а иногда и плодородную... Воспет в славянской народной песне, являя собой символ святости, любви, красоты, чистоты... В болгарской песне злая мачеха – виновница смерти двух влюбленных – срубает и сжигает розу и виноград, выросшие на их могилах, а из пепла, рассеянного ею, вырастает душистый базилик – символ любви и верности, и юноши прикалывают его к фескам, девушки носят на груди, а малые дети в ручонках... В цикле семейных обрядов базилик наиболее активно выступает в свадьбе... Болгарская девушка, желая выразить свою любовь к избраннику, посылает с кем-нибудь из родни букет цветов и китку базилика, перевязанные шелковой ниткой... Любовная символика базилика нашла отражение и в песенном фольклоре: девушка дает избраннику базилик в знак любви, сажает его у себя в саду, ухаживает за ним, его рвут для свадебных венков».¹⁸

В записях Н. Кауфмана:

Определения:

бял босилек; ран босилек; зилен босиляк; дребен бусилек; зилен раньън бусильък; росен бусиляк;

Синонимия:

китки сякакви, сякакви, се босилкови; момците зилен босиляк; като гиргина в градина, като два стръка босильък, като абълка на фидана; раньън бусильък, шестумреда камшица; дето й кръвта... капеша, бусилек никнеша; сълза капи..., ран бусилек никне; йъргеньъ й, мамо, китка бусилек и аз ду негу альъну цвети; българска душа мириши на гъозън и на босильък .

Действия:

бусилек залива; босилек са кърви, и Рада го бере, на китки го вие, на Иван ги дава; българска душа мириши на гъозън и на босильък; поникне босилек;

овцети ружа ша пасът, шилььта зилен бусильък, ... ягънца дребен бусилек; дете й кръвта... капеша, земята се пукаши, зелен бусилек никнеша; Дето сълза капи, зимята са пука, ран бусилек никне; ...босилек, яз го поливам дзаран и вечеръ, той *повяйнува*, ют там са вижда, чи а ж да умра; *Сяла й мома ран босильък; изникна ран босильък; Яна дори мите...* с метла чем-ширвова, с китка бял босиляк;

Место:

зад къщята й равни гърдинки, във гърдинки равни каръци, фъв каръцити радости цвети, ран ми босилек;

Контекстуално:

босилек соотносится с образами юноши и девушки (ранней молодости); аромат босилека ассоциируется со светлой душой; босилек растет на месте капель слез и крови невинной жертвы; увядание босилека – символ ранней смерти; букетик босилека – символ молодости и любви.

Коннотация: босилек – чистота, праведность, радость, любовь; увядание цветка – символ утраты любви, слезы, смерть.

БЪРЪВИНЧЕ

В текстах песен:

«Синюту цвети цъфтеши, цъфтеши, тум, тумче, тум бървинче, жангъра, мангъра, цъфтеши, цъфтеши, малки го моми беряха... (428).

Български тълковен речник:

возможно, от **боровинка** ж. 1. Дребен планински храст с черни възкисели плодове, *Vaccinium myrtillus*. 2. Плодът на тоя храст.

В словаре Найдена Герова:

Боровинка и боравинка, с. ж. Растение и неговый плод, расте по високыты места. Боровинкыты быват два вида: а) червены боровинкы, *Vaccinium Vitis idaea*, кокази; Черны боровинкы; *Vaccinium Myrtillus*, брусници; **черника**, **черница** (Т. I, с. 64).

В текстах Н. Кауфмана:

Определение: Синюту цвети... *бървинче*;

Действия: малки го моми беряха...; *цъфтеши*

ВЪРТИГА

В текстах песен:

«Посей, байно, ядове,... байне ле, кахъри, ..., че гледай, кво ще изникне... Ако изникне въртига, ... много ще въртиш момите,... ако изникне лапата, ... много ще лапаш муите...» (469);

«Сдумали са два мънинки, вила са й лоза и въртига, две мънинки момичънца...» (892);

«Що гора на росен мерише, на росен, на стратул на въртига и полето на червен тръндафел» (1995).

Български тълковен речник:

вратига и вратика ж. Полско цвете подобно на пелина, с жълти цветове, *Tanacetum vulgare* (с. 110).

В словаре Н. Герова:

«Врътыга, с.ж. Раст. *Tanacetum vulgare*, вратыка, вратлика; пижма, дикая рябинка...» (Т.1, с. 162).

В енциклопедичния речник «Българска митология»:

«Биле, билка – ...част от Б. са известни в обредността и фолклора като момински, те се носят предимно от девойките в предбрачна възраст във вид на момински китки. Украсяват техните коси и дрехи, като едновременно с това ги предпазват от зли очи, уроки и зли духове. **Към моминските Б.** принадлежат: **божур** (*Paeonia decora*), **седефче** (*Ruta graveolens*), **невен** (*Calendula officinalis*), **иглика** (*primula officinalis*), **здравец** (*Geranium* sp.) и **ружа** (*Altheae officinalis*)... Друга група Б. **кроят необикновена свръхестествена мощ срещу змейове, самодиви и нави**. Носейки ги, момите вярват, че няма да бъдат залюбени от змей. Това са: **перуника** (*Iris* sp.)..., **вратига** (*Tanacetum vulgare*)...(с. 24).

В българской песне *едностърка иглика* наряду с другими травами (базилик, **вратига** ‘тысячелистник; пижма’, *комунига* ‘донник’, *чубрица* ‘душица(?)’) входит в билките разделни — травы, защищающие от змея (Георгиева 2000: 273), (Колосова, с. 197).

В текстах Н. Кауфмана:

Синонимия:

Посей, байно ядове,... байне ле, *кахъри*..., ако изникне *въртига*; *лоза* и *въртыга*, две мънинки *момичънца*; *росен*, *стратул*, *въртига*, червен *тръндафел*;

Действия:

изникне въртига; гора *мирише*... на *въртига*;

Место: гора.

ГЕРГИНА

«Йубава мома, Илено, ирген джелепин, Ваньо, льо, каква сте лика-прилика, като два стръка иглика, като *гиргина* в градина» (444);

« ... чи ква са лика прилика, като *гиргина* в градина, като два стръка босилък, като абълка на *фидана*» (1048).

Български тълковен речник:

Градинско цвете с едри кичести цветове, *Dahlia variabilis*.

В словаре Н. Герова: *Гергине* с. ср. Раст. *Frollius*, *планински божур*, *гюрджин*, *желтоглав* (Т. 1, с. 213).

В текстах Н. Кауфмана:

Синонимия: *мома*; *ирген*; *иглика*, *гиргина*, *босилек*, *абълка на фидана*;

Место: градина

Контекстуальное символическое значение: *молодость, красота*

ГОРОЦВЕТ

В текстах песен:

«... що ни ми донасяш ют гора гороцвет, ют поли тръндафъъл, росна

Български тълковен речник:

гороцвет и горицвет м. 1. Род тревисти растения с тънкоперисти листа и червени или жълти цветове, *Adonis*; сплетикоса. 2. Име на някои цветя като момина сълза, салеп и др. (139).

В словаре Н. Герова:

«Гороцвет, Това название в разны места дават на разны растения...» (Т.1, с.236).

Автор словаря указывает, что среди синонимичных названий встречаются *перуника, кукушкины слезки, ятрышник;.. ластовична трева, струмишко цвете, лютница, лютик...; гороцвет; желтоцвет, заячий мак...; первоцвет*

В Словаре символов Дж. Тресиддера находим:

... «Это раноцветущее многолетнее растение считается в Европе эмблемой молодости...».¹⁹

Названия *горицвет*, укр. *горицвіт*, србх. *gorokvet*, чеш. *Goržikwiat* ‘адонис весенний *Adonis vernalis* L.’ даны растению по желтому цвету лепестков. Подобные названия даются и другим растениям с желтыми и красными лепестками: србх. *гороцвет* ‘лютик едкий *Ranunculus acris* L.’ болг. *гороцвет* ‘то же’ *горицвет* (б. м.), от глагола *gorěti. Желтый как цвет огня послужил основой для метафорических названий лютика: пол. *płomiennik*, чеш. *plamínek, plamínek*; лихниса – огненный цвет, огневик (б.м.), србх. *plamenica*, чеш. *plamenčice, plamenčik*, пол. *płomieńczyk*, луж. *płomjenčica*

Путем сравнения с цветом золота образованы фитонимы болг. *златно цвете, златна чашка...*²⁰

В текстах Н. Кауфмана:

Синонимия: *гороцвет, тръндафъъл, пирунига;*

Место: *ют гора гороцвет*

ГЪОЗЪН

В текстах песен:

«българска душа мириши на гъозън и на босильък, а вечер на бял калофъър» (1426).

Български тълковен речник:

ДЖОДЖЕН м. Градинско растение със силна миризма, употребявано за подправка на ястия, *Mentha viridis*.

В словаре Н. Герова:

«Гъозум с.м., гюзум, джоджен, раст. *Menta crispata*, мята... (Т.1, с. 213).

В словаре «Славянские древности»:

«Мята (*Menta piperita* и др. виды) – пахучее растение, апоторопей, употребляется как лечебное и приворотное средство. С помощью мяты можно приворожить противоположный пол... Во время полнолуния отваром мяты обливались для здоровья (болг.)... (Т.3, с. 349).

ЗЮМБЮЛ

В текстах песен:

«...бяла Стана в ръка носи пъстра стовна,... на стърна й дзюмбюл китка» (875).

Български тълковен речник:

Зюмбюл. Пролетно градинско цвете с кичести, силно ароматни цветове, *Hyacinthus orientalis*; хиацинт. [*ар.>тур.*] (с. 283).

В словаре Н. Герова:

Зюмбюлче вместо **Зюмбюлче.** Диво зюмбюлче, растение. *Hyacinthella leucorhaea*. (Допълнения, стр. 139).

В текстах Н. Кауфмана: Место: на стърна

ИГЛИКА

В текстах песен:

«каква сте лика-прилика, като два стръка иглика» (444; 452).

Български тълковен речник:

«Пролетно планинско цвете с жълти звънчевидни цветове, *Primula suaveolens*» (284).

В словаре Н. Герова:

Игличина, с. ж. Раст. цвете *Primula veris*, **аглика**, ангелика, ангелинка, еглика, иглек, игличя, гороцветие, гороцвет, меча стъпка, пятопръстница, пятопръст, христово цвете... (Т. II, с. 171).

«Имя *яглика* происходит от корня *јаг-*, который имеет значение *проскакивать* и *сиять*, так как это растение пробивается сквозь снег и цветет в числе первых растений». Многочисленны схожие болгарские фитонимы: *ангелика*, *ангелинка*, *аглика*, *еглика*, *еглича*, *егличе*, *иглек*, *иглика*, *игличина* ‘первоцвет *Primula L.*’, *иглика*, *яглика*, *ягуличка*, ‘аглика, аглика, ягуличка, януличка, ъглика, ъгликовина, ъгличина’ ‘первоцвет *Primula suaveolens Bert.*’. Их возводят либо к слову *игла* (без мотивации), либо к греч. *ἀγυλλος* ‘горький’. Авторы ЭССЯ сближают рус. диал. *яглый* с лит. *uõglis* ‘однолетний побег, росток’, *uõglus* ‘название растения’ (для реконструкции *aglǫjь) или с лит. *jėgti* ‘мочь, быть в состоянии’, *jėgà* ‘сила’ (для реконструкции *jaǫlǫjь) (ЭССЯ I: 53). В болгарской фитонимике также встречается указание на белый цвет: болг. *Беличка*, *белочка* ‘первоцвет *Primula L.*’, *беличка*, *белючка* ‘первоцвет *Primula suaveolens Bert.*, ср. тж. пол. *biała bukwica*, *pierwiosnka biała i czarna*. Вкус растения отражен в болг. *гороцвет*, *гороцвете*, *гороквец*, *грозвец*, *гротвец* – от *горѣк цвет; вариант *гроквец* связывается с болг. диал. **грок-* в *нагроквам* ‘горчить, отдавать горечью’ (БЕР I: 265); прочие

варианти: болг. *гороцвекъе, гороквещь*, макед. *гороцвет, гороцвете* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ Можно предположить, что и болг. *христово цвете* ‘первоцвет *Primula L.*’, макед. *христосово цвекъе*, болг. *христово цвете* ‘первоцвет *Primula suaveolens* Bert.’ обусловлены лекарственными свойствами растения. (Колосова, с. 195-196).

КАЛОФЕР

В текстах песен:

«българска душа мириши на гъозън и на босилък, а вечер на бял калофър» (1426);

«Калофяр бяла Радо льо, що на калофър миришиш, пък ти калофър не носиш... бачо Иване, яз не го нося на глава, ... на бяла дима, я най го нося в пазува да ми дреите миришат на ситен, дребен калофер, на бяла ружа чървена» (2075).

Български тълковен речник:

калофер и калоферче ср. Ароматно градинско цвете, *Crysanthemum balsamita* (339).

В словаре Н. Герова:

Калофер, с. м. Раст. *Balsamita vulgaris*; **калуфер, кануфер** (Т. II, с. 340).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: бял калофър, ситен, дребен калофер;

Синонимия: гъозън, босилек, калофер, ружа;

Действия: калофър не носиш; нося...

Место: не го нося на глава; нося в пазува.

КАМШИЦА (*Бархатцы* - Н. К.)

В текстах песен:

«чи навлезли турски коне, чи изпасли желта ружа, желта ружа и камшица» (212);

«да додиш, Донке, да видиш, какъв съм одър направил ут дилпята кадъфа, ут чърнъока къмшица» (366).

В словаре Н. Герова: **Камшица** ум., ж. от камха (Допълнения, с. 156).

Камха с., ж. Коприняна тъкань; **камуха; камка** (Т. 2, с. 344).

Камуха с., ж. Един строй коприняна тъкан; **камха; камка** (Т.2, с 344).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: чърнъока къмшица;

Синонимия: кадъфа; желта ружа и къмшица;

Действия: коне... изпасли ...камшица; съм одър направил ут чърнъока къмшица;

Место: градина, одър

КРОКУН

В текстах песен:

«... утре е света неделя, аз ще да легна, да умра, хубаво да ма премениш – ... венче ми увий от ружа, от ружа, мамо, от крокун, на глава ми го турете» (1967).

В словаре Н. Герова:

«Крокон, с. м. 1) Раст. Цвете *Calendula officinalis*, цъфти жълто-граниво; ... **невян**, голямо цвете, джюнджюла, левян; ноготки (Т.2, с. 416).

В словаре «Българска митология»:

«Към моминските Б. принадлежат: божур (*Paeonia decora*), седефче (*Ruta graveolens*), **невен** (*Calendula officinalis*), иглика (*primula officinalis*), здравец (*Geranium sp.*) и ружа (*Altheae officinalis*)...» (с. 24).

Невеста, согласно обичая, приносила своему будущему мужу букет календулы *Calendula L.* (србх. *Невен*). Способность этого растения вызывать любовную тоску отражена в сербской песне.²¹

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения – отсъствуюнт;

Синонимия: ружа, крокун;

Действия: да ма премениш, венче ми увий;

Место: на глава

ЛАЛЕ

В текстах песен:

«Лаленце се люлее на зелени ливади, не е било лаленце, най е било детенце» (1067);

«сяди мома висок чардак... с черна кърпа забрадена, с бяло лале накитъйна. На лалето огледало» (1888);

«Маринка плачи, дувец ни рачи: Дувеца й, мамо, будлива драка, ергеня й, мамо, ально лале» (1946).

Български тълковен речник:

Лале ср. Градинско или диво цвете с едър чашковиден цвят наврѣх стѣблото, *Tulipa*. [перс.> тур.].

В словаре Н. Герова: «Лале с. ср. Т. 1) Цвете *Tulipa gesneriana*, чюшка, тюльпан; 2) Цвете *Papaver rhoeas* и *Ardemone*, божия, божичка, *божюрига*,.. божюр,.. булла, кадънка, кокоружа, мачец, пламяница... (Т. 3, с. 4).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: бяло, ально;

Синонимия: детенце; ергеня й, мамо, ально лале;

Действия: Лаленце се люлее; с бяло лале накитъйна;

Место: на зелени ливади; на главата (?)

ЛАТИНКА

В текстах песен:

«Надяваш ли са, Лазаре,... чи цъфти цвети сякъкво... ем моравата люлека, ем бозоѣта латинка» (1166).

Български тълковен речник: ж. Градинско цвете с едри светлооранжеви ароматни цветове, *Troaeolum majus*.

В словаре Н. Герова:

Латина, с.ж. Цвете *Troaeolum maius*, латинка.; *настурций, капуцин.*

Латинча 1) ум. Ср. от латина, 2) Цвете бяло лале» (Т.3, с. 6).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: *бозоџта;*

Синонимия: *цвети сякџкво;*

Действия: *џџфти;*

ЛЮЛЯК

В текстах песен:

«Шо ми са илее, илее, белее долу в градинката? Дали е *люлика*, али е *чубрика*» (310, 311, 2113);

«догодина ша дода, догодина тва времи, кога *џџфти* итлига, итлига и митлига... и морува *лилика* и бял чървен *триндафел*» (984);

«... лесно да са *фаля*, какво съм одила и кво съм носила на чървена кърпа бял чървен *тръндафел*, на морава кърпа морава *люлика*» (1748);

«чи ютри ки ма пувидат, пувидат да ма юбясат под бял, чървен *трендафил* и под морава *лилика*...» (1766);

«сал мойту либе на конџь, на конџь на синю седло, шапката му са ни види йут бял, йут чървен *тръндафџъл*, йут моравата *люляка*» (2008);

«*Лилика* *џџфтя*, *преџџфтя*, нека *џџфти* да *преџџфти*, за есьн да са намира, за есьн за млади *булки*» (2210);

«заспало е момченци пуд бял-чървен *тръндафџъл*, пуд морава *люляка*... стани, стани, дитенци да погледаш *Лазара*» (1040, 1049, 1052).

Български тълковен речник:

Люляк м. Планински или градински храст с лилави, червени или бели благоуханни гроздовидни съцветия, *Syringa vulgaris* [от ар.].

В словаре Н. Герова: «**Люляк**, с.м. Люлек: 1) Раст. *Лиляк*, *лиляка*; *сирень*. 2) Раст. *Hesperis matronalis*; *ночная фиалка*. 3) Дърво *Robinia acacia*, *салкџм*; *акация*» (Т.3, с. 36).

«**Сирень** (*Syringa vulgaris* L.), по българскому преданию, возникла из крови, поэтому ее часто можно встретить на развалинах крепостей..., где происходили битвы и проливалась кровь».²²

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: *морува лилика; морава люлика;*

Синонимия: не отмечена;

Действия: *са илее, илее, белее; џџфти;* съм носила на морава кърпа морава *люлика*; *пувидат да ма юбясат*... под морава *лилика*; *Лилика џџфтя, преџџфтя; са намира за есьн за млади булки; заспало е момченци*... пуд морава *люляка*;

Место: долу в градинката; на морава кърпа; мойту либе на коньъ... шапката му са ни види... ют моравата люляка;

МЕТЛИГА

В текстах песен:

«догодина тва времи, кога цѣфти итлига, *итлига* и *митлига*, *митлига* и морува *лилика*» (984);

«брат ми ѝ златна абълка, я либи ми ѝ *митлига*, със *митлига* дор мита» (1001);

«брата ми ѝ златна ябълка, а либи ми и *митлига*, със абълка град градя, със *митлига* дор мита» (1673).

Български тълковен речник:

метлика ж. Дърво бреза.

Метличина ж. Полско цвете с тъмносини цветове, което расте главно из житата, *Centaurea cyanus*, синчец.

В словаре Н. Герова: Метлига, с. ж. Раст. синя метла. Метлика, с. ж. 1) *Centaurea Montana*. 2) Раст. *Pinus abies*, бяла ела; пихта. 3) Раст. бреза (Т.3, с. 31).

Возможны два толкования этого слова:

В Болгарско -руском словаре: *Метличина* – василек в народной культуре.²³

Как нередко в народной фитонимике, мотивация многих фитонимов остается неясной. То же относится и к болг. *метла*, *метлига*, *метлика*, *метлинка*, *метличе*, *метличина*, *метличка*, *метлянка*, *модра метла*, серб. *метловина*, *метлјина*. Подобные фитонимы восходят к праслав. *metъla и нередко относятся к растениям, из которых изготовляли метлы, что, однако, маловероятно в отношении васильков.²⁴

В текстах Н. Кауфмана:

Определения: отсъствуютъ;

Синонимия: *итлига*, *либи*;

Действия: догодина тва времи, кога *цѣфти*; със *митлига* дор мита;

Место: дор

ПЕРУНИГА

В текстах песен:

«що ни ми донасяш ют гора гороцвет, ют поли тръндафьъл, росна *пирунига*...» (300);

«Ой вай ваз, колььдари, га питати да ви кажа – не съм в поли пилин брала, нето в гори *пирунига*» (766, 767, 768);

«Тодорчице,... дали у гора бьълка брала или у поле теменюка, ювчерската *перенюка*?» (1872).

Български тълковен речник:

«**Перуника** ж. 1. Полско и градинско цвете с високо стъбло и нежни

рехави, жълти, сини или бели цветове, Iris; крем, ружа. 2. Диал. цвете салеп» (с. 625).

В словаре Н. Герова:

«**Перунига и перуника**, с.ж. 1) Раст. *Orhis*, гороцвет, ливадерничя, ливадер, салепча, салеп, туяк..., кокушкины слезки..., ятрышник». Раст. *Iris germanica*, крив дядо, магарешки уши, манастирско цвете, пеперуга, перунига, синя ружа, турско цвете, хурка; петушок» (Т.4, с.24).

Символика:

В словаре Дж. Тресиддера: Ирис – Чистота, защита, но также, по ассоциации с Девой Марией, печаль – символ, основанный на клинообразном строении листьев этого вида гладиолуса. Голубой ирис часто встречается на изображениях Девы, символизируя безутешное горе от страданий Христа. Ирис может символизировать непорочное зачатие...²⁵

Тема символической близости растений разных видов, объединенных одним фитонимом (или группой фитонимов), приобретает интересное развитие при сравнении разных славянских ареалов. Так, в болгарском языке много пересечений в названиях (и в употреблении) орхидных и касатиковых: *кукувичи сълзи, тъжак, перуника, ливадар* (Н. Геров 4: 24)... В болгарском фольклоре растения вида *Orchis* как бы „не существуют“... А для *перуники* [ирис. — Н.К.] есть множество верований и обрядовых практик — это цветок, который используют девушки для любовной магии, для отгона змея (дракона) и его любви к девушке.²⁶

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: *росна пирунига; ювчерската перенюка;*

Синонимия: *тръндафъъл, росна пирунига; пилин; теменюка, ювчерската перенюка;*

Действия: *ни ми донасяш ...росна пирунига; брала... у поле ювчерската перенюка;*

Место: *ют поли; в гори.*

РОСЕН

В текстах песен:

«Руса мома *русян* брала, из *русян* са погубяла, изпаднала на овчари, на овчари, говедари... айди да ма изведете от таз гора *русянова...*» (376);

«Тръгнала мома *росен* да бире, дребна ми гора *росянова*, китки да бере, венци да вие...» (806);

«Тръгнала и малка мома дребна ми гора *росиньова*, да си бере дребен *росън*, дребен *росън*, ран *босилек...*» (813);

«Руса мома *росън* брала, из *русьъм* са й погубяла...» (1851, 1852);

«Ойне, Тойне, червена ягода, що в гората на *росян* мирише, я полето бял чървен *тръндафъъл...*» (1661);

«Що гората на *росън* мирише, я полето на чървен *тръндафъъл*. Дали

ми са й гората развила, яли ми са й *росъвна* разроси...» (1985);

«Шо гръта на *росъвн* мерише, ем градинки на бял гюл трендафъл...» (1994);

«Шо гората на *росен* мерише, на росен, на стратул на въртига и пълето на чървен тръндафел...» (1995).

Български тълковен речник:

«Росен м. Многогодишно тревисто растение по сухи и каменливи места, полухраст с високо стъбло, перести листа и гроздовидно съцветие от бели и розови цветове. *Dictamnus albus*; русанче, русанлийче, самодивско цвете... (с. 848).

В словаре Н. Герова: «Росен, с.м. 1) Раст. *Dictamnus Albis*, росян, русалча, русанлийча, чевирме; ясенец. Това е най-любимото растение на русалките, расте по горите и по самодивските хорища... 2) Раст. *Lilium Margaton*, руган, цървен замбак; сарана. 3) Им. соб. Мъжко» (Т.5, с. 86).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: дребен;

Синонимия: китки ран босилек;

Действия: венци да вие; мома русян брала; из русян са погубяла; на росян мерише; ми са й *росъвна* разроси;

Место: гора; ют поли; в гори.

РУЖА

В текстах песен:

«*Ружо* лъо, *Ружо* весела, мари, тебя ти й, *Ружо*, весъбло, я меня ни мий весъбло...» (149);

«Високо *ружо* лъо, весъбла, тебъ тий, *ружо* весъбло, менъ ни мий и весъбло... кък да та, *Ружо*, откъсна, откъсна, да та затыкна на бяло лице лебедно, на кругли бузи чървени, на тънки вежди тънило» (149, 150);

«Овцети *ружа* ша пасът, шилита зилен бусилькъ» (316);

«овцети *ружа* жа пасът, ягънца дребен бусилек» (317);

«Айди, сестро, айди, джанам, ай да идим във градинка, аз жа стана ран босилек, ти над менъ – жълта *ружа*» (892);

«Лазар веднъж в година като *ружа* в градина, като чървен тръндафел» (1126);

«*Ружо* ле, *ружо* весела, весела, та засмяена...» (1766, 1767);

«момите *ружа* в градина, момците зилен босиляк» (2151);

«...чи навлегли турски коне, чи изпасли желта *ружа*, желта *ружа* и камшица...» (212);

«сън заюсна млади войно под бяла-чървена трендафяла, ... стани, войно, да гледами Колядата, че е веднъж в годината, като *ружа* в градината» (903);

«Лазар ни мий ката ден, най мий йднаж в година като *ружа* в градина...» (975, 976, 979, 1050, 1053, 1063, 1064).

Български тълковен речник:

«Ружа ж. 1. Градинско или диво цвете с високо стъбло и едри цветове с къси дръжки, *Althaea*. 2. диал. Цвете роза (с. 849).

В словаре Н. Герова:

«Ружа, с. ж. 1) Раст. *Althaea officialis*, бяла ружа, дива ружа..., 2) Раст. *Malva alcea*, божа ръчица, волово око, камбула..., камилка, кралица..., проскурняк, дива ружа, слезенка, шапка. 3) Раст. *Verbascum Thapsus*, бабьяк, лепян, див кобак, мече ухо, овча опашка, свишулка, богородична хурка, фенерче... 4) Так някои викат жената си. 5) Раст. *Iris germanica*, крив дядо, ливадарь, магарешки уши, манастирско цвете, патета, пеперуга, перуника, перунига, пиронига, турско цвете, хурка... (Т. 5, с. 89).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: Ружо весела; Високо ружо; жълта ружа; засмяена;

Синонимия: ружа, чървен тръндафел;

Действия: откъсна, откъсна, да та затъкна на бяло лице; Овцети ружа ша пасът; аз жа стана ран босилек, ти над менъ – жълта ружа; турски коне, чи изнасли желта ружа;

Место: затъкна на бяло лице лебедно, на кругли бузи чървени, на тънки вежди тънило; във градинка;

ТЕМЕНУГА

В текстах песен:

«Каква мома,... синян сукман тя развява, като тиминуга...» (277);

«Годорчице изгорчице, дали у гора бълка брала или у поле теменюка» (1872).

Български тълковен речник:

Теменуга, теменужка ж. 1. Пролетно цвете с малки морави цветчета и силна приятна миризма, *Viola odorata*; виолетка. 2. Пролетно и лятно цвете с пъстри цветове без миризма, *Viola tricolor*. 3. Градинско цвете с по-едри различно обагрени цветове без миризма, *Viola altaica*.

В словаре Н. Герова: «Темянуга, с.ж. 1) Раст. *Viola tricolor* и *Viola odorata*, любика..., калугеричкы; фиалка трехцветная, анютины глазки, Иван-да-Марья, фиалка душистая. 2) Раст. *Syclamen europaeum*, копытняк..., теменужка» (Т.5, с. 331).

В текстах Н. Кауфмана:

Синонимия: бълка;

Действия: брала;

Место: у поле

ТРЕНДАФИЛ

В текстах песен:

«Гано ле,.. що не ми донасяш... от гора гороцвет, от поле трендафел» (129);

«като погледна (момчето – либето, и обратно – Н.К.), *триндафял* цъфна, като продума, рай са отвори» (272, 2090);

«Що ни ми донасяш ют гора гороцвет, ют поли *тръндафъъл*, росна пируника» (300);

«...сал на Мица *тръндафъъл* ухапа... Иван Мица ухапа...» (428);

«Тодоро ле, любне ле, бял чървен *триндафъъл*...» (302);

«Заспало ми детенце под бял-червен *трендафъъл*, под морова люляка» (959);

«догодина тва времи, кога цъфти итлига, итлига и митлига, митлига и морува лилика и бял чървен *триндафел*» (984);

«Лазар веднъж в година като ружа в градина, като чървен *тръндафел*» (1126);

«що в гората на росен мирише, я полето бял чървен *тръндафел*» (1661);

«Що гора на росен мерише, на росен, на стратул на въртига и пълето на червен *тръндафел*» (1995);

«и кво съм носила на чървена кърпа бял чървен *тръндафел*. На морава кърпа морава люлика» (1748);

«чи утри ки ма пувидат, повидат да ма юбясат под бял, чървен *трендафил*» (1766);

«що горат на росен мирише, я полето на чървен *тръндафъъл*» (1985);

«Заградил ми тетю градинчица...разсади я бял червен *трендафел*, до трендафел морава люляка...» (1993);

«сал мойту либе на коньъ, на коньъ на синю седло, шапката му са ни види йут бял, йут чървен *тръндафъъл*, йут моравата люляка» (2008);

«заспало е момченци пуд бял-чървен *тръдавъъл*, пуд морава люляка...» (1040, 1049, 1050, 1052, 1053, 1054, 1057);

«сватови... куне ша навържат пут чървен *тръндафъъл*» (1740).

Български тълковен речник:

«**Трендафил** м. Градинско цвете като розата, с червени или бели цветове, *Rosa centifolia*» (с. 980).

В словаре Н. Герова: «**Трендафил**, с. м. гр. Трендафел, тряндафил, раст. *Rosa*, гюл; роза – Див трандафел, раст. *Rosa canina*, див гюл, шипка...» (Т.5, с. 351).

В словаре «Славянские древности»: «Роза (*Rosa*) дикая роза (*Rosa canina* L., ... болг. ружа, роза, гюл, трендафил, тръндъфир) – символ красоты и здоровья, чистоты, жизненной силы, плодородия; одно из наиболее ценных и воспевемых растений, преимущ. у зап. и юж. славян. Розе приписывается божественное происхождение, ср. болг. песню: «Господ ме сади,/ Господ полива,/ Татко ти ме носи на златна хурка,/ Сестра ти ме кити на руса коса, / брат ти ме носи на ален пояс» (БНМ: 359).

...В свадебных обычаях Р. – один из главных символов: девушка украшает себя розами, дает Р. парню в знак любви; в песнях ее сравнивают с Р., сваты, придя в дом родителей девушки, спрашивают, могут ли они «да си захвана от техния трендафил» (БМ: 292). ... Благодаря своим шипам, Р. наделяется способностью отгонять демонические силы и очищать окружающее пространство... Р. выступает в качестве апотородея: лепестками Р. Осыпали новорожденного, купали его в розовой воде, после купания выливали воду под Р. (болг.)... Дикая роза – шиповник – повсеместно применялась как оберег от нечистой силы... (В. В. Усачева).²⁷

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: бял чървен триндафъъл; чървен;

Синонимия: рай; Тодоро ле, любне ле, бял чървен триндафъъл; Лазар; пуд бял-чървен тръдавъъл, пуд морава люляка; ружа;

Действия: не ми донасяш; като погледна, тръндафъъл укана; Заспало ми детенце под бял-червен трендафъъл; цъфти; мирише; носила на чървена кърпа; да ма юбясат под бял, чървен трендафил; расади я бял червен трендафел; куне ша навържат пут чървен тръндафъъл.

Место: от поле; в градина; на чървена кърпа; градинчица; мойту либе на конъ, на конъ на синю седло, шапката му са ни види йут бял, йут чървен тръндафъъл;

ФРЕНЧЕ

В текстах песен:

«Альбно френчи на дюген цъфти» (943);

«Мораво френчи във диген цъфти (Дюкенджия – отгадка – Н.К.) (1198);

По словам Эмили Банковой, уроженка села Кортен, Р. Молдова, в селе традиционно есть несколько названий соответствующего цветка – френчи, хренчи, алтънка. Все они относятся к настурции.

В словаре Н. Герова: «Алтънка, с.ж. 1) Раст. *Tropaeolum majus* и *Nasturcium Indicum*, цвете латина, латинка, латинчя., анджер,.. настурций... (Т.1, с. 8).

В текстах Н. Кауфмана:

Опеделения: алено; мораво

Синонимия – отсутствует;

Действия: цъфти;

Место: на диген

Как показывают наблюдения, фольклорно-песенная лексика характеризуется семантической широтой и диффузностью. Эта диффузность обусловлена стремлением фольклорного сознания к отождествлению разных элементов мира и, следовательно, разных элементов языка.²⁸ Отождествление в фольклоре или синонимическое сближение слов с разным

значением, а значит, и явлений предметного мира, связано с психологическим параллелизмом, характерным для фольклорных текстов.

1) **Божур**, люлика, чюбрика – соотносятся с образом молодой девушки-ки, влюбленных. Увядание цветка – символ утраты любви, слезы;

2) **Босилек**, китки сякакви, момците, гиргина, абълка на фидана, камшица; сълза йъргеньъ, альъну цвети, гъозън – чистота, праведность, радость, любовь; увядание цветка – символ утраты любви, слезы, смерть;

3) **Иглика**, ядове, кахъри, въртига, лоза, две мънинки момичънца; росен, стратул, въртига, червен тръндафел; наряду с другими травами (базилик, вратига ‘тысячелистник; пижма’, комунига ‘донник’, чубрица) входит в «билките разделни» — травы, защищающие от змея;

4) **Гергине**, мома; ирген; иглика, гиргина, босилек, абълка на фидана – символ молодости;

5) **Гороцвет**, тръндафъл, пирунига; это раноцветущее многолетнее растение считается в Европе эмблемой молодости;

6) **Гъозум** – мята. С помощью мяты можно приворожить противоположный пол... Во время полнолуния отваром мяты обливались для здоровья (болг.)... (Т.3, с. 349); българска душа мириши на гъозън и на босильък, а вечер на бял калофър. Символ чистоты, здоровья;

7) **Калофер**, гъозън, босилек, ружа – символ чистоты, молодости;

8) **Къмшица**, кадъфа; желта ружа (конечнее... изпазли ...камшица; сьм одър направил ут чърньока къмшица) – символ потери, печали;

9) **Крокун (невян)**, ружа – символ молодости, любовной тоски;

10) **Лале**, детенце, ерген – символ молодости;

11) **Пирунига**, тръндафъл, теменюка, пилин – это цветок, который используют девушки для любовной магии, для отгона змея (дракона) и его любви к девушке;

12) **Триндафъл**, рай, Тодоро, любне, Лазар, люляка – символ красоты и здоровья, чистоты, жизненной силы, плодородия.

В приведенном выше материале из болгарского песенного фольклора мы видим контекстуальное сближение целого ряда наименований различных цветов. Сближение происходит не на уровне лексической семантики, а на уровне символического значения этих слов. Наиболее распространенные символические значения, вокруг которых объединяются целые ряды слов, называющих цветы, – это любовь, красота, молодость, горе, утрата, заботы и т. д.

Список сокращений:

Словарь Н. Герова - Геров, Найден. Речник на българския език. Пловдив, 1985 – 1904. Тт. 1 -5.; Допълнения. Пловдив, 1908.

Словарь Трессидера - Трессидер Джек. Словарь символов. М.: 2000 (slovarj_simvolov[1].zip - ZIP archive, unpacked size 336,244 bytes).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богатырев П. Г. Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973, №5, с. 106-116.
2. Колесов В. В. Мир человека в слове Древне Руси. Л-д, 1986, с. 10.
3. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. – 140 с.
4. Бобунова М. А., Климас И. С., Праведникова С.П., Хроленко А.Т. Эвристический потенциал лингвофольклористики. <http://www.rastko/rs/projekti/etnoling/delo/12498>; Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во Курск. Гос.ун-та, 2004. – 240 с.
5. Кауфман, Николай. «Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР», София: БАН. Т.1, 1982. – 718 с.; Т.2, 1982. – 944 с.
6. Копытов Н. Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах... <http://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm>
7. Никитина С. Е. «Устная народная культура и языковое сознание». М.: Наука, 1993. – 189 с.; см. также: Никитина С. Е. Словарь языка фольклора: Принципы построения и структура // X Междунар. съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1982.
8. Бобунова М.А., Хроленко Т.А. Словарь языка русского фольклора. Лексика былинны. – Курск: Изд-во курского гос. ун-та, 2006. – 314 с. См. также: Никитина С. Е. Словарь языка фольклора... (Ч. II, гл. 4. Тезаурусное описание языка народной поэзии: общий подход и структура словаря).
9. Български тълковен речник: Андрейчин Л. / Георгиев Л. / Илчев Ст. / Костов Н. / Леков Ив. / Стойков Ст. / Тодоров Цв. Български тълковен речник. Четвърто издание. Доп. и прераб. от Димитър Попов. София: Наука и изкуство, 2008. – 1093 с.
10. Геров, Найден. Речник на българския език. Пловдив, 1985 – 1904. Тт. 1 – 5; Допълнения. Пловдив, 1908.
11. Маковский М. М. Сравнительный Словарь Мифологической Символики в индоевропейских языках. Образ мираи миры образов. Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996, с. 383.
12. Трессидер Джек. Словарь символов. М.: 2000 (slovarj_simvolov[1].zip - ZIP archive, unpacked size 336,244 bytes).

13. Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008, с. 168.
14. Жан Шевалие, Ален Геербрант. Речник на символите. В 2 т. София, 1995–1996. Т. 1–2.
15. См.: Апотропей (от греч. apotropaios — отвращающий беду) – амулет, «оберег», в археологии и этнографии название предметов и изображений, которым приписывалась магическая способность отгонять злых духов. К А. относятся: изображения устрашающих божеств, зверей и предметов (египетского Беа, Горгоны, льва, грифона, фаллоса, сложенных пальцев и т. д.), которые носили как нательные амулеты; архитектурные рельефы в виде звериных морд и подобные изображения на сосудах и оружии. (Большая советская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия. 1969—1978.)
16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 1– 4. М.: Международные отношения, 1995–2009.
17. Българска митология. Енциклопедичен речник. София: Издателство «Захарий Стоянов», 2006, с. 32.
18. Усачева В. В.. Этноботанический этюд. Базилик *Ocimum Dfsilicum L.*// *Studia Slavica/ Языкознание. Литературоведение. История. История науки.* К 80-летию С. Б. Бернштейна. М., 1991, с. 92-99.
19. Трессидер Джек. Словарь символов... с. 132.
20. Колосова В. Б. Лексика и символика народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009, с. 17.
21. Там же, с. 58.
22. Усачева В. В. Магия слова и действия в народной культуре... с. 168.
23. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1986. – 768 с.
24. Колосова В. Б. Лексика и символика народной ботаники., с. 147.
25. Трессидер Джек. Словарь символов. М.: 2000 (slovarj_simvolov[1].zip - ZIP archive, unpacked size 336,244 bytes)/, с. 59
26. Колосова В. Б. Лексика и символика., с. 265.
27. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009, с. 468.
28. Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора. //Облик слова: Сб. статей/ РАН. Ин-т рус. Яз. – М., 1997. – С. 360-373) (Цит. По: Бобунова М.А., Климас И. С., Праведников С.П., Хроленко А. Т. Эвристический потенциал лингвофольклористики. - <http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/12498>)

Опубликовано в: България: метрополия и диаспора. Сборник по случай 65-годишнина на Николай Червенков. Кишинев, SSB, 2013. – С. 459-480.

СИМВОЛИКА И КОННОТАЦИЯ ФИТОНИМОВ В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ БОЛГАР МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ (группа «плодовые деревья»)

Создание словаря фольклора (в соответствии с фольклорными жанрами, и сводного), где бы нашли отражение *семантика, символика, метафорика и коннотация* фольклорного слова – один из путей выявления особенностей этнической ментальности, отраженной в языке. По мнению исследователей (и на практике), лексика такого рода в словаре должна быть представлена как отражающая структуру фольклорной модели этнической картины мира.

Картина мира, как мозаика, составлена из фрагментов реальности, отраженных в языковой субстанции, получившей символический смысл, а потому предпочтителен (в частности, при описании народно-песенного словаря) тематический (идеографический) порядок расположения слов и словарных статей. По мнению Е.Б. Артеменко [2], в исследовании фольклорно-языкового строя на передний план выдвигается лингвокультурологический анализ лексики как отражение организации этнической концептосферы в фольклоре.

Примем положение, что интегральная языковая модель мира детерминирована *признаками*, на основе которых формируется таксономия конкретных имен, обозначающих физический мир и природные явления, животный и растительный мир, внешние черты человека и др. К семантическим разрядам слов в соответствии с предметными сферами относятся *животный мир, люди, вещи, растения, материал, вещество* и т.д. [12, 123]. Фрагмент предметной сферы «растения» включает фитонимы семантических групп («разрядов») – *цветы, травянистые растения, плодовые растения и плоды, деревья, овощи, зерновые растения, части растений*.

В исследуемых нами текстах выявлено всего более 110 наименований, относящихся к этой предметной сфере. В предлагаемой работе мы продолжаем представлять материал для словаря песенного фольклора болгар Молдовы и Украины как фрагмента языковой картины мира, ограничиваясь лексической группой «плодовые деревья» [6, 459-480]. Каждое слово в тексте фольклорного произведения (в нашем случае – песенного жанра) имеет три существенные особенности. Первое – это включенность в текст: «Абсолютной реальностью вербального фольклора является текст. Все нити творческого процесса сводятся к нему, и все реалии его (непосредственные носители фольклорной культуры, среда, искусство исполнения и его особенности, формы функционирования

текстов) так или иначе сосредоточены вокруг текста, обращены к нему, им в конечном счете определяются» [Путилов 2003:166] (Цит. по: 15, 21). Второе – это то, что «основной единицей стихотворно-песенного фольклора является строка, которая характеризуется ...синтаксической цельностью» (15, 80). Третье связано со вторым. Фольклорное слово художественно, во многих словах на основе *метафорического* формируется *символическое* значение, проявляемое в контексте (на уровне синтаксической единицы, в тексте). Исследователи отмечают обязательность символики в идейно-художественной структуре лирической песни. Часто метафорическое и символическое значение разграничить трудно, потому что в зависимости от контекста одна и та же единица может быть то метафорой, то поэтическим символом. [9, 3].

По мнению А.Т. Хроленко, «природа народного лирического произведения такова, что в ней все подчинено описанию эмоционального мира человека. И в этом смысле использование любого явления из мира природы изначально носит двойственный характер. «Человеческий аспект» любой растительной или животной реалии появляется не в данном тексте, а задан потенциально, включен в фольклорное слово в качестве тенденции с условием обязательной реализации. Потому *можно считать символическое или метафорическое постоянной... компонентой семантической структуры фольклорного слова*» [15, 49].

В связи с этим представляется интересным суждение исследователя Т. В. Цивьян о языковых кодах, отражающих различные фрагменты модели мира. В частности, автор рассуждает о вегетативном (растительном) коде, включающем в себя единицы наименований тех растений, которые не только привычны для быта и культурной деятельности носителей языка, но и мифологизированы в связи с традиционным ритуальным использованием. Эти наименования могут входить в мифологический фонд, отражающий творение мира, и входить в сакральный круг. «В каждой традиции выделяется одно или *несколько репрезентативных растений* (выделение наше – Н.К.). Они как бы аккумулируют и основные функции, и основные атрибуты, и основные сюжеты, и мотивы, переходя таким образом границы своего кода» [16, 42-47].

Мир фольклора, отражающий и реальный мир, и мир символический, так или иначе связанный с мифологическими представлениями носителей языка, включает в текст болгарской песни наименования некоторых плодовых деревьев, представленных и в мифологии, как наиболее частотные.

Исследователь Т.А. Агапкина в своей работе «Южнославянские обряды и поверья, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе» подчеркивает, что недостаточно внимания уделялось до сих

пор символике и ритуальным функциям плодовых деревьев, хотя плодовые деревья играют значительную роль в хозяйственной деятельности и духовной культуре южнославянских народов [1, 84]. Автор отмечает, что особое место фруктового дерева в традиционной культуре славян обусловлено его исключительной близостью к человеку – как в плане практическом, так и в силу совпадения наиболее важных жизненных проявлений, свойственных человеку и дереву. «Для фруктового дерева, как и для человека, акцентирован момент рождения, их жизням присущи периоды расцвета и увядания, они наделены способностью к плодоношению... По-видимому, именно поэтому фруктовое дерево может выступать в виде своеобразного двойника человека» [1, 84-85]. «Средоточие символики фруктового дерева в наиболее ответственных точках семейного и календарного циклов можно рассматривать... в качестве дополнительного аргумента в пользу определения фруктового дерева как объекта особой значимости в народной культуре» [1, 107].

Представляем данную лексико-семантическую группу в сопровождении материала для словарной статьи соответствующего типа словаря. К словам даются извлечения из текстов песенного фольклора с соответствующими лингвистическими комментариями. Специфике фольклорного слова соответствует и структура словарной статьи, где учитываются все выявленные связи описываемого слова с другими лексемами в корпусе привлеченных текстов. Имея в виду, что мир фольклора – это мир символов, в информации к слову приводятся значения слова из словарей символов, а также материалы в виде извлечений из отдельных исследований.

Как мы уже указывали выше, предполагается, что в словаре языка фольклора (в соответствии с фольклорными жанрами, и сводного) найдут отражение *семантика, символика, метафорика и коннотация* фольклорного слова. Что касается коннотации, то ряд исследователей придерживается следующего определения данного понятия: «*Коннотация – это сумма всех культурных значимостей, которые сигнификат может вызвать ... в памяти получателя информации...*» (выделено нами – Н.К.). Количественные и качественные характеристики объекта вызывают в сознании говорящего отнесенность языкового знака к определенному культурному пространству, отражают специфику этнокультурной маркированности коннотированных единиц лексического и фразеологического фондов языка» [3, 30]. Хочется особо подчеркнуть заключение автора определения, относящееся к языку как источнику изучения национальной картины мира: «Использование этнолингвистического подхода к исследованию еще мало описанного коннотативного репертуара различных языков (выделено нами – Н.К.) как проявления интерпретируемости мира в первовидении носителей на-

ционального языка и его вариантов позволяет изучить идиоэтническую специфику языковой картины мира конкретного языка и *весьма перспективно при сопоставительных исследованиях проявления фактов культуры в разных языках*» [3, 30].

Обращаясь к семантике и символике деревьев в фольклорных текстах, отметим, что в христианской символике дерево вообще играет важную роль. Дерево является символом либо жизни, либо смерти, в зависимости от того, какое оно: здоровое и стройное или слабое и иссохшее. В Книге Бытия 2:9 описано, как Господь сажал райский сад: «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла».

В этой связи Н.П. Колпакова совершенно справедливо пишет, что два основных цикла человеческих эмоций — радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями — составляют основное содержание народных лирических песен. Именно поэтому вся символика народных лирических песен разделяется на две группы: а) символику счастья и б) символику горя [8]. Это имеет отношение и к символике деревьев. У большинства слов песенного фольклора непосредственное значение (первичное, или ближайшее) совпадает со значениями слов литературного языка или близко к ним. Однако, кроме этого значения, у многих слов имеется одно или несколько символических значений.

Словарь должен каждому слову сопоставить все традиционные смыслы, им выражаемые. Их может быть много.

До сих пор нет стандартного метаязыка для описания народнопоэтических символов. Сделана только попытка представить традиционные фольклорные смыслы в качестве значений семантического языка фольклорной традиции [17]. Это тоже начало большой работы по собиранию и представлению фольклорных «смыслов». Представляемый нами материал может быть использован для такого описания. *Мы указываем их символические или семиотические значения для отобранных слов, если эти значения достаточно четко определены.* В толковании нуждаются слова, получившие в языке фольклора дополнительные, оценочные, коннотативные значения.

Для выявления лексико-семантической группы «плодовые деревья и плоды» в болгарских народных песнях мы воспользовались Приложением к двухтомнику Н. Кауфмана – «Вещи и именован показалец», составленным Стефкой Т. Константиновой [7, 914-942]. Материал для описания семантики и символического значения упомянутой группы фитонимов мы представляем в следующем порядке:

- 1) наименование растения;
- 2) контексты употребления слова в соответствии с Указателем;

- 3) информация о символическом значении фитонима по доступным нам словарям символов или по материалам научных публикаций;
- 4) показания контекстуального анализа;
- 5) выявленное коннотативное и символическое значение.

Представленный материал позволяет выявить степень традиционности коннотативной и символической нагруженности фитонимов группы «плодовое дерево, плод» и способов контекстуальной реализации этих значений в исследуемых текстах.

В энциклопедии «Мифы народов мира», Т. 2, подчеркивается следующее: «Роль растения в мифопоэтических представлениях определяется прежде всего наличием особого растительного («вегетативного») кода, с чем связано Р. в многочисленных системах классификации... Символика плодородия, процветания, богатства, новой жизни выражена в растительном коде... В народных представлениях деревья нередко воспринимаются как живые существа... Объектами мифологизации становятся не только сами Р., но и их корни, листья, ветви, а также те части, которые выражают quintessence не только данного, но и вообще всех растений (цветы, плод, зерно, семя). Плод (фрукт) в различных мифологических традициях символизирует идею изобилия, плодородия, успеха, жатвы; а в духовном плане – мудрость... В христианстве плод – символ небесного блаженства, добродетели, атрибут девы Марии. Запретный плод с дерева познания добра и зла ассоциируется с **яблоком**, фигой, лимоном, апельсином, гранатом, **грушей**, **айвой**. Духовный плод – в христианской традиции представлен фиговым деревом с плодами на нем и цветами, **сливой**, **виноградной лозой** и т. д. Зерно и семя – самый общий в непрерывности развития жизни и плодородия...» [10, 368-369]. (Подчеркнута лексика, описываемая в работе – Н.К.)

Абълка (Ябълка)

1. В Сборнике Кауфмана

«Фърли, метни ябълка, дето падне ябълка, там речено й казано и с бълклица й пратьно...» (424); «Мари моме хубава, фърли, метни ябълка, дето падне ябълка, там йъ твое то речье, там йъ мое то речье...» (425); «Подфръкнала, Дойне ле, пьстра птица соколькова.., чи си кацна в момин дори .., в градинчица на ябълка, да си вий вито гнездо, да си мъти дребни птици...» (825); «бяла й чарвена като хабълка...» (932); «Либе Марино, Маринке, защо си толкоз хубава, бяла чървена, като чървена ябълка...» (281); «...я дай ма, Боже, пак млада, пак млада и пак хубава, пак бяла и пак червена като червена ябълка...» (2); «Я сбири, Илено, сидянка..., и ний със мама ша дойдим..., на мама зглавка да сложиш, на меня златна ябълка, дано та мама хареса за снаха, за къщно чадо» (94);

«аз не зная отде Дунав тече, Дунав тече от златна ябълка, ябълката с пушка оградена...» (205); «Радо льо, пазаркиньо льо, ябълката с пушка оградена (Рада в тимница лижеши, майка й покроя йоди...» (219); «... Дунав тече през златна ябълка, ябълката й с саби окачена..., с пушки оградена» (228); «Га са за мен тръгнаха, вишни-чуреша *цѳтели* и *раноздрейки абълки*. Га са със мене върнаха, вишни-чуреша здреяха и *раноздрейки абалки*...» (261); «Бано майка дори мите..., дори мите с кит бусилек, чи измела две абълки позлатени,, *посрѳбдени*...» (901); «как да продам брата си, да откупъ либи си, *брат мий златна ябълка*...» (1001); «Подфрѳкнали са *сиви гълѳби*..., *пѳстри пауни*, чи са *кацнали* Ванюм в градинки,..., *на абълчица*..., *на ранозрелка*, чи поронили бялото цвети..., *ябълчовото*» (1042); «*Фърли, митни ябълка*, *дето падни ябълка*, там е *марийка речъна*...» (1861a).

Символика яблoка

Яблoкo в верованиях славян

«В верованиях славян яблoкo оставило свой заметный след. Оно выступало в *функции любовного знака*: парень и девушка, обменявшись плодами, выражали взаимную симпатию, публично объявляли о своей любви. Яблoкo, принятое девушкой во время сватовства, — *знак согласия на брак*. Помогало от бесплодия яблoкo, зародившееся после вторичного цветения яблони (болгары), первое на молодом дереве (сербы), долго висевшее на яблоне (украинцы). Кроме того яблoкo связано с миром мертвых и играет значительную роль в похоронных обрядах: его клали в гроб, в могилу, чтобы покойник отнес его на «тот свет» предкам. В болгарских поверьях Архангел Михаил принимал душу в рай только с Яблoком. Маленькую яблоню несли перед гробом, сажали на могиле (вместо креста), чтобы умершие могли через нее общаться с живыми (сербы, болгары). Полагали, что деревце находилось с покойником в пути до самого его перехода на «тот свет». Когда яблоня засыхала, это значило, что душа достигла рая и дерево должно расстаться с ней» [19].

В «Българска митология. Енциклопедичен речник»:

Ябълка – едно от дърветата, което заедно с плодовете си се радва на голяма почит сред народа. Я. (дърво или плод) се споменава много често във фолклора, както и в обредната практика. За народното схващане Я. е символ на плодovitост, плодородие, хубост, здраве, любов. Оттук и връзката между Я. и жената, отразена в митопоеитичните представи... Размяната на Я. между момък и мома е знак на любов... Образът на дървото Я. заедно с плодовете като символ на плодovitост... се идентифицира с жената майка и нейните деца. В този смисъл е участието на Я. в сватбената обредност. » [4, 359].

В книгe Ивaнички Георгиевой «Българска народна митология»:

Ябълка. В обичайната практика и поверия ябълката заема голямо място. Когато двама се харесат, те си разменят ябълка – най-голям знак на любовта (221). Такъв е смисълът ѝ при сватбените обичаи: младоженците ядат ябълка, за да имат деца. Тя украсява сватбеното знаме и кумовото дръвце. С ябълка калесват за сватба. Ябълката заменя ризата на невестата след първата брачна нощ: когато невестата е честна, вместо ризата показват ябълка. Върху тази ябълка сватбарите оставят пари (221). Ябълката семантично се свързва със света на мъртвите и затова играе определена роля и в погребалната обредност като посредник между двата свята.

Едно от най-разпространените схващания е, че архангел Михаил взема душата с ябълката. Също така в специална торба се слагат до мъртвеца ябълки, които той да занесе на своите по-рано починали роднини.

На гроба на неженен вместо кръст се забива *оруглица* — цяло малко дръвче, отсечено от самия корен. Клоните му на върха са заострени и на тях слагат по една „позлатена“ ябълка. „Това дръвче не може да бъде друго освен ябълчица. То отива заедно с душата и помага из пътя. Като изсъхне, означава, че душата е отишла в рая и там са се разделили, защото дървото не може да влезе « [5, 46].

В представенных записях Н. Кауфмана находим:

Определения: чървена ябълка; златна ябълка; ябълката с пушка ограндена; ябълката ѝ с саби окачена...; раноздрейки абълки; две абълки позлатени, посърбрани.

Действия: Фърли, метни ябълка; дето падне ябълка; пъстра птица соколюва... кацна на ябълка, да си вий вито гнездо, да си мъти дребни птици...; да сложиш на меня златна ябълка (юноша просит девушку); Дунав тече от златна ябълка; Дунав тече през златна ябълка; измела две абълки; сиви гълъби...; пъстри пауни, чи са кацнали... на абълчица... на ранозрелка...

Место: дето падне ябълка, там ѝ твоего речъне, там ѝ мойто речъне; в момин дори; майка дори мите ..., чи измела две абълки; Ванюм в градинки,... на абълчица.

Контекстуално: яблко соотносится с образом девушки, подчерквивая ее свежесть и красоту (*хубава, бяла чървена, като чървена ябълка*); **яблко** – символ признания в любви: юноша бросает его во двор своей избранницы, девушка – вручает своему избраннику (дето падне ябълка, там речено ѝ казано и с бъклица ѝ пратъно...; да сложиш, на меня златна ябълка, дано та мама хареса за снаха); **яблонево дървце** – символизирует женщину как мать детей (*птица соколюва кацна в момин дори .., в градинчица на ябълка, да си вий вито гнездо, да си мъти дребни птици...*).

Коннотация и символика: яблко – девичья красота, любовь, плодовитость, семейное благополучие – то, что ценно для человека; источник жизни; любовный знак; знак согласия на брак.

Возможно, выражение «аз не зная отде Дунав тече, Дунав тече от златна ябълка...» связано (или восходит) косвенным образом с представлением о потустороннем мире, где начало и конец жизни.

Вишни, Вишни-черешки (Вишнички).

В Сборнике Кауфмана:

«Га са за мен тръгнаха, вишни-чурешки цѣфтели и раноздрейки абалки. Га са със мене върнаха, вишни-чурешки здреяха и раноздрейки абалки, зълви й девяри беряха и на булката даваха...» (261); «... кога за бульчи отиваа, вишни чурешки цвита. Кога са бульчи връщая, вишни чурешки здреяха, девери, зълви късяя и на булката давая» (507); «Куга за булка тръгнаа, вишни чирешки цѣфтяя, ичимицити сеяа, га са с булка връщая, вишни чирешки зреяха, ичимицити косяа» (1862); «чурешке ле, вишничке ле, чурешка е род родила, ют родом са поломила, поломила, потрошила, няма пъдар да я варди.» (1879).

Череша, черешка, черешки

В Сборнике Кауфмана:

«...йно ми бяло мумичи. Изик му й чеша сребърна, учи му черни черешки...» (234); «Излязла и калина Веда,... очите й са чернееха като черните черешки» (819); «чурешке ле, вишничке ле, чурешката цвят цветила, цвят цветила, род родила...» (377); «чи то е твърде далеко, далеко и по-далеко... та й за буля ти тѣй дошли... Кога за буля идиха, вишни, чуряши цѣфтяха, кога са надзат върнаха, вишни чуряши зряиха» (1844).

В представленных записях Н. Кауфмана

Определения: черни черешки;

Действия: вишни-чурешки цѣфтели; вишни-чурешки здреяха; девери, зълви късяя и на булката давая; вишничке ле, чурешка е род родила, са поломила, потрошила;

Место: не указано

Контекстуально: вишня и черешня сближены синонимично. Общность значения – метафорического характера. Цветение обоих плодовых деревьев происходит одновременно. Одновременно созревают плоды. Отсюда одинаковый отрезок времени между цветением и вызреванием плода и вишни, и черешни.

Коннотация и символика: оба дерева (как и плоды), символизируют молодость, красоту и свежесть девушки; ее плодовитость как молодой женщины: учи му (на момичето – Н.К.) черни черешки.... чурешката цвят цветила, цвят цветила, род родила...

В тексте песни срок между цветением и плодоношением деревьев – это отрезок времени, в течение которого сваты находятся в пути, одновременно время в пути обозначает и длину пути – сваты приезжают за невестой из очень дальнего края («... кога за бульчи отиваа, вишни чурешки

цвитяя. Кога са бульчи връщая, вишни чуреши здрея, девери, зълви късая и на и на булката давая»).

Грозде (виноград).

В Сборнике Кауфмана:

«...от млякото съм беличка, *от гроздето* съм черноока, от виното съм червена...» (24); «Божа майка... нарича: ойде житу по чифчии, *черно грозде* по лозаре, бяла мляко по овчаре» (761); «ой лозе, лозе, *се бяло грозде*, като та сада и та поливам, кой жа ти яде *бялото грозде...*» (252); «станахме два гълъба. ...че кацнахме в едно лозе... *с бяло грозде*, че кълвахме та ронихме...» (307); «Ти ша си видиш убава Стана, гато върбата *грозди* да вържи, а пък *гроздито* върба да стани» (781); «Ой тай теби, бяла Радо, ти ша видиш майка и баща, кога върба грозди вържи и рикета жълти дули»; (1665); «един баща лози сади, ...то са фаща и цвят цъфти... и завръз вързва бяло *грозди*» (2221).

В словарях символов

«В символе винограда отражается радость и красота сотворения семьи. У славян Сад-виноград – это жизненная нива, на которой муж – сеятель, а жена обязана растить и ухаживать за родословным деревом... Этот символ перешел и в христианство, где виноград также является символом многочисленного потомства. При бракосочетании ранее можно было встретить символ виноградной кисти исходя из следующей строки псалма: «Жена твоя, как лоза виноградная плодоносная...» [20].

Из словаря «Славянские древности»:

«**Виноград** – растение и плоды, наделяемые в народной культуре юж. (отчасти и зап.) славян признаками святости; символ жизни и продолжения рода. На славянские представления о В. повлияла библейская символика виноградной лозы... В. считается символом плодовитости... [13, 374].

В представленных записях Н. Кауфмана

Определения: *черно грозде; бяло грозде;*

Действия: *грозде*, като та сада и та поливам, кой жа ти яде *бялото грозде...*; «*бяло грозде*, че кълвахме та ронихме...»; *гроздито върба да стани; цвят цъфти...* и завръз вързва *бяло грозди...*

Место: *грозде* по лозаре; в едно лозе;

Контекстуално: виноград – источник девичьей красоты; сходство глаз с черными виноградинами – признак красоты девушки;

Коннотация и символика: виноградник и виноград – символ девушки на выданье и символ любовных отношений (*един баща лози сади, ...то са фаща и цвят цъфти...; че кацнахме в едно лозе... с бяло грозде, че кълвахме та ронихме...*)

Лозе (виноградник)

В Сборнике Кауфмана:

«Садила й мома край море лозе... *Ой лозе, лозе, се бяло грозде. Като сада и та поливам, кой жа ти яде бялото грозде...*» (252); ««станахме два гълъба. ... че кацнахме в едно *лозе...* с бяло грозде, че кълвахме та ронихме...» (307); «Свити Петър *лозе* сади... краюм бяло, рядом черно...» (727); «Дай ми, Боже, дъждец за зилени нивя, за кръстати *лозя...*» (1210); «братчето... лудо залуди – в ниделя *лози* копаши, пондельник оро играе» (1916).

В доступных нам словарях символов представлены лоза, виноград, но отсутствует *виноградник*. Но находим в Энциклопедическом словаре «Славянские древности» Н.И. Толстого: «Запретный плод с дерева познания добра и зла ассоциируется с **яблоком**, фигой, лимоном, апельсином, гранатом, грушей, айвой. **Духовный плод** – в христианской традиции представлен фиговым деревом с плодами на нем и цветами, сливой, **виноградной лозой** и т. д.» [13, 368-369].

В представленных записях Н. Кауфмана

Определения: *лозе...* с бяло грозде; *кръстати лозя; лозе...* краюм бяло, рядом черно.

Действия: *Садила й мома... лозе;* сада и та поливам; кацнахме в едно *лозе; лози* копаши; (Свити Петър) *лозе* сади...

Место: край море лозе;

Контекстуално: виноградник – благое место, где трудится юноша или девушка; Богоизбранное место.

Коннотация и символика: символ семейного единения, благополучия в жизни.

Дюля (дули)

В Сборнике Кауфмана:

«Турци под *дюля* сидяха, *дюля дюлеша*, под слива бяла светлива...» (215); «бульня... ша й купя , либе ле, една *жълта дюля*, тя ша гризе.... ние ша са либим»(381); «Заспала Донка в равна градинка, *под жълта дюля, под миризлива, дюля* й цветила бяло цветило на Донкъното бялото лице...» (414); «Разболя са бяла Неда,... поискала *жълта дюля...* и неранза, и петрова абълчица...» (397); « Свити Петър *лозе* сади.... На сридата ина *дюля. Под дюлята* злат трапеза.... сички свитци...» (727); «зряла *дюля* ни дозряла. Извади, Йеньо, паламарката! Дето щяла, там паднала.» (1200); «Заспала Иванка мари под *жълта дюля*, под миризлива, вятър дуйнало, *дюля* полюля, цвети й упада на Донкъното... бялото лице...» (2021); «... гато за буля додайти, желтити *дюли* цвѣтя. Я наранзити връзвая; га са надзади върнайми, желтити *дюли* биряя. Я ниранзити падная...» (1690);

В словарях символов – не представлена. Но см.: находим в Энциклопедическом словаре «Славянские древности» Н.И. Толстого: «Запрет-

ный плод с дерева познания добра и зла ассоциируется с яблоком, ... айвой». [13, 368-369].

В записях Н. Кауфмана

Определения: жълта дюля; зряла дюля ни дозряла; дюля... миризлива;

Действия: Турци под дюля сидяха; дюля... тя ша гризе; дюля й цветила бяло цветило упада на Донкъното бялото лице; поискала жълта дюля; Заспала Иванка под жълта дюля; вятър... дюля полюля; дюли цвѣтяя; дюли биряя...

Место: в равна градинка; лозе ..., на сридата ина дюля; ... сред лозето жълта дюля;

Контекстуально: дюля (айва) ритуально важное дерево.

Коннотация и символика: Символика положительная – Св. Петр сажает айву в винограднике, под деревом собираются на трапезу святые; под ним спит прекрасная девушка, лицо которой обсыпает цвет дерева; период его цветения – период сватовства юноши; плод необходим больной девушке для здоровья. По символическому значению дюля (айва) сближается с яблоком (яблоней). Айва также синонимична сливе как цветущее белым цветом дерево.

Круша

В записях Кауфмана встречается всего одно употребление:

«Утри ки ма повидат, повидат да ма убясат под крива круша на сянка...» (1767);

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности»:

«Груша – дерево, наделяемое в народной культуре признаками чистоты и святости и одновременно связываемое с нечистой силой. Юж. славяне считают грушу святым деревом, часто сажают ее во дворе нового дома. Почитая грушу, вместе с тем к ней относились как к месту обитания нечистой силы» [13, 566].

В представленных записях Н. Кауфмана

Определения: крива круша

Действия: да ма убясат

Место: на сянка

Контекстуально – отрицательная коннотация.

Слива

В Сборнике Кауфмана:

«...грозно либи: краката му криви кату мутувили, учити му сиви кат бардачки сливи»; «Турци под дюля седяха.... под слива бяла светлива» (215); «... грозно либи либя, грозно та юмразно, ючити му сини – тамбурлашки сливи» (2128)

Определения: сиви кат бардачки сливи; слива бяла светлива; тамбурлашки сливи.

Действия: седеяха.... под слива

Место: под слива

Коннотация и символика: сравнение со сливой (плодом) содержит отрицательную коннотацию.

Смокиня

В Сборнике Кауфмана:

«...мома добра бя, на зъби ситен маргарец, език и черна *смокина*...» (286); «дубро мумичи... изик и сладка *смукиня*» (287);

Фиговое дерево (смоковница) понимается как символ брака, плодovitости, возжеления, женского начала, но и истины. Листья и плоды иногда толкуются как сочетание мужского и женского начал, символизирующее жизнь и любовь [18].

«К благословенным деревьям относится смоковница, которая раздвоилась и дала св. семейству укрытие. Напротив, в Евангелии от Матфея (Мф 21:18) и от Марка (Мк 11:12-14, 19-25) рассказывается о том, что смоковница, растущая близ дороги, по которой ехали (шли) Христос и Его ученики, была проклята Христом. Она тут же засохла. В одном из апокрифов об Адаме и Еве сатана дал Еве плод именно смоковницы, и когда Ева, увидев свою наготу, хотела прикрыться листьями, все деревья лишились листы, кроме смоковницы» [14, 137].

Определения: черна *смокина*; сладка *смукиня*

Действия: не указано

Место: не указано

Коннотация и символика: символ достоинств девушки – сладкоречия, возможно – притягательности.

Всего в наших источниках представлено 11 наименований плодовых деревьев (и плодов). Мы привели материал по девяти наиболее частотным лексемам данной лексико-семантической группы.

Коннотация и символика большинства рассмотренных лексических единиц положительная и связана с красотой молодой девушки, плодovitостью женщины, семейным благополучием. Отрицательная коннотация выявлена только у *груши* и *сливы*. В целом коннотация и символика приведенных лексем совпадает с традиционной коннотацией и символикой, отмеченной в южнославянских фольклорных, а также, в частности, и в христианских традиционных текстах. Это же лежит и в основе формирования базовых этнических представлений и ценностей, отраженных в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины. Дальнейшая задача – в сравнении этих значений с семантикой и символикой данной лексико-семантической группы фитонимов в фольклоре других этносов Бессарабии (в частности, Молдовы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т.А. Южнославянские обряды и поверья, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // *Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал*. Москва: Наука, 1994, с. 84-110.
2. Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия. (http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf).
3. Быкова О.И. Этнолингвосомиотический подход к исследованию коннотации // *Филология и культура*. Казань, 2012. №2 (28), с. 28-31.
4. Българска митология. Енциклопедичен речник. София: Захарий Стоянов, 2006. 367с.
5. Георгиева И. Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1993. 259 с.
6. Кара Н.В. Семантика фитонимических символов песенного фольклора болгар Молдовы и Украины // *България: метрополия и диаспора*. Сборник по случай 65-годишнина на Николай Червенков. Съст. И. Думиника. Кишинев: S.Ş.B., 2013, с. 459-480.
7. Кауфман Н. Народни песни на българите от Украинска и Молдавска ССР. София: БАН, Т.1, 1982. 718 с.; Т.2, 1982. 944 с.
8. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.-Л.: АН СССР, 1962. 284 с.
9. Лосев А.Ф. Символ и художественное творчество // *Известия АН СССР*. Серия литературы и языка. Т. XXV. Москва, 1971, с. 3-13.
10. Мифы народов мира. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
11. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.
12. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. 216 с.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Том 1, А-Г. Москва: Международные отношения, 1995. 576 с.
14. Усачёва В. В. Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // *Этноботаника: растения в языке и культуре*. Отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. 385 с.
15. Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. Москва: Наука, 2010. 192 с.
16. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207с.

17. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростов. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 224 с.
18. Энциклопедия мифологии (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/)
19. Яблоко в верованиях славян (http://simbol.ucoz.ru/publ/simvol_i_simvolika/obshhechelovecheskie_simvolu/simvolika_jabloka_v_mirovoj_kulture/24-1-0-111).
20. Виноград, символ (<http://mythologie.ru/?p=737>).

Опубликовано в: Бесарабските българи: история, култура и език. Кишинев: S.Ş.V., 2014. – С. 373 – 384.

РАЗДЕЛ IV

ПРЕПОДАВАНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ И ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

ПРОБЛЕМА ИНТЕРКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

В современном пространстве Восточной Европы, в связи с процессами глобализации, возрастает проблема национальной самобытности, национальной идентичности личности. Все более актуальной становится и проблема успешной межкультурной коммуникации, языкового поведения личности в условиях полилингвизма.

В связи с современными социокультурными процессами в мире, как объект исследования в лингвистике в центр внимания попадает уже не собственно язык, а человек, его язык и культура. Проблемой «человек и его язык» занимаются смежные области знания: социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, исследуются взаимоотношения языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета.

Проблемы языка рассматриваются также в триаде «язык – культура – человеческая личность». Формирование личности через язык и культуру, соотношение языка и культуры в процессе формирования личности, личность в полилингвальной и поликультурной среде – вот круг проблем, к которым сегодня обращается наука о языке, человеке, обществе.

Круг представленных проблем углубленно изучается различными направлениями лингвистики, но все эти проблемы взаимосвязаны, отражают реальное положение языковой личности в современном коммуникативном и культурном пространстве.

Наиболее сложным можно считать процесс языковой и культурной самоидентификации представителей национальных меньшинств в поликультурной и полилингвальной среде.

Самоидентификация национальных меньшинств в иноязычном и инокультурном окружении предполагает «этнолингвистическую жиз-

неспособность». В социолингвистике выдвигается модель этой жизнеспособности, которая в качестве показателя предполагает наличие трех групп факторов:

- 1) демографические факторы;
- 2) институциональные факторы (формальные и неформальные институты, регулирующие языковой узус: образование, культура, религия, армия и проч.);
- 3) статусные факторы (социо-исторический, экономический, социальный, лингвистический) [Й. Ахтенберг 2005: 40].

Одним из важных факторов жизнеспособности оказывается фактор изменений в сфере институциональной поддержки языка. Исследователи судьбы языка одного из национальных меньшинств утверждают: «Важно, в какой степени исследуемый социум пользуется своим языком как официальным способом коммуникации в государственный, региональных и общественных институтах и средствах массовой информации, обладает ли этот язык (диалект) поливалентностью и полифункциональностью... В связи с этим возрастает значимость (как на локальном, так и на региональном уровне) элиты общества, представляющей этнос и пользующейся общим признанием, а также отдельных авторитетных личностей, способных пробуждать интерес общества к собственному языку и культуре» [Й. Ахтенберг 2005: 41]. Таким образом, важна попытка закрепления регионального языка в системе образования, поддержка ее населением.

Если говорить о сохранении этнической самоидентификации и этнического самосознания у представителей национальных меньшинств (в условиях «этнос в иноязычном окружении»), то следует в первую очередь принимать во внимание степень сохранности языка и культуры. Отметим, что, по данным некоторых исследователей, «отдельный язык не является необходимым условием формирования нации и возникновения национальной самобытности» [Е.Бартминьский 2005: 28-29].

Лингвистическая общность не тождественна национальной, поскольку язык не наследуется биологически, а овладение им происходит в процессе обучения и социализации, и во взрослом состоянии язык может быть выбран сознательно.

На одном языке могут говорить две нации. Например, на английском языке создана национальная ирландская литература. В бывшей Югославии два народа, хорваты и сербы, создали единый язык, использующий два алфавита – кириллицу и латиницу. При этом у каждого народа развито свое национальное чувство, определяемое особыми историческими, культурными и религиозными факторами.

Иногда один народ говорит на двух или даже на нескольких языках. Например, такова еврейская диаспора, где связь между индивидуумами

основана на религии и историческом сознании. Встречаются ситуации, когда часть нации лишена возможности использовать национальный язык. Например, не все поляки говорят по-польски, не все болгары – по-болгарски, будучи гражданами других государств, а не метрополии.

Когда представители какого-либо этноса оказываются в инокультурном и иноязычном окружении, роль одного из языков актуализируется. Как правило, актуализируются две основные функции – «эмблематичная» и «ментальная» [Е.Бартминьский 2005:33].

«Эмблематичная» роль ведет к тому, что элементы языка воспринимаются как знаки, направленные вовне, рассчитанные на восприятие социальной среды.

«Ментальная» роль рассчитана на то, что языковые элементы воспринимаются как знаки, имеющие культурные функции; они открывают путь к системе ценностей, свойственных данному языку, ментальности, картине мира, общей для носителей языка.

Именно культурный аспект в функционировании языка привлекает особое внимание современных исследователей в ситуации культурного плюрализма и растущей глобализации.

Язык является хранителем культурных ценностей, закодированных (зафиксированных) в единицах языка, устных и письменных. Культура, выраженная в единицах языка – это языковая картина мира, которая включает весь объем знаний, зафиксированный в языке народа, на нем говорящего.

Полноценная этническая самоидентификация невозможна без знания родного языка, без вхождения в поле национальной культуры через язык. Это – первая часть проблемы сохранения национальной идентичности языковой личностью. «Овладевая языком, человек одновременно овладевает и контекстом – культурой социокультурной среды, в которой он реализует себя» [Сысоев 2003: 111].

Вторая часть проблемы самоидентификации языковой личности – это жизнь, функционирование, самореализация в условиях иноязычного окружения или в поликультурной среде.

Обратимся к понятию «языковая личность». Ю. Н. Караулов определил языковую личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой – по уровням языка, т.е. фонетике, грамматике и лексике» [Караулов 1987: 29].

В структурном плане языковая личность состоит из трех уровней:

1) вербально-семантического, предполагающего нормальное владение естественным языком;

2) когнитивного, охватывающего интеллектуальную сферу личности и дающего выход через язык к знанию, сознанию, процессам познания человека;

3) прагматического, включающего цели, мотивы, интересы.

По данной концепции языковая личность соединяет в себе психологический, социальный, этический и другие компоненты. Учитывая неразрывную связь языка и культуры, по мнению П. В. Сыроева, «можно утверждать, что на всех этапах своего развития в национально-языковой среде языковая личность обладает национально-культурными чертами на всех уровнях. Каждый человек индивидуален и является представителем одновременно множества культур, каждой из которых соответствует свой язык или вариант языка» [Сыроев 2003:114].

Вслед за П. В. Сыроевым мы можем согласиться и с положением исследователя Л. П. Клубуковой, что языковая личность – это «многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей» [Клубукова 1997].

Формирование языковой личности происходит в процессе овладения ребенком родным языком. Овладение родным языком в когнитивном плане – окно, через которое индивид воспринимает окружающую действительность и взаимодействует с ней.

При изучении второго и третьего языка новые культурные модели, по мнению исследователя, будут надстраиваться дополнительно, а не формироваться параллельно структурам внутренней речи родного языка. Процесс обучения (в частности, обучения родному и неродным языкам) – это всегда процесс формирования и языковой личности обучаемого (учащегося).

В современной лингводидактике используется термин «вторичная языковая личность». Термин предложен исследовательницей И. И. Халеевой [Халеева 1995]. Этот автор считает, что при обучении иноязычной коммуникативной деятельности учащиеся должны видеть различия между иноязычным и родным материалом не только на вербальном, но и на когнитивном (мыслительно-познавательном) уровне. Иными словами, следует принимать во внимание национально-специфическую систему мирозидения, национально-культурную особенность другого языка. Именно поэтому необходимо соединить изучение второго языка и культуры страны изучаемого языка с изучением родного языка и родной (национальной) культуры.

На основе социокультурного подхода [Сафонова 1996] разработан метод соизучения языков и культур, что помогает воплотить идею диалога культур. Следует, однако, подчеркнуть, что при таком подходе нельзя предполагать или ставить целью обучения полную аккультурацию.

В этой связи более корректно было бы говорить о формировании средствами родного и изучаемого языков единой поликультурной лич-

ности, отличительной чертой которой является осознанное самоопределение в спектре культур современных поликультурных обществ. Именно поэтому предлагается рассматривать культурное самоопределение личностей, обучающихся средствами родного и изучаемого языка в качестве одного из финальных целевых уровней билингвальной (или полилингвальной) социокультурной компетенции.

По мнению некоторых исследователей [Сафонова 1991], формирование культурного самоопределения личности средствами родного и других языков должно происходить не отдельно или параллельно, а как один общий процесс самоопределения личности. При этом изучение неродных языков и культур будет способствовать расширению социокультурного пространства индивида.

Формирование культурного самоопределения личности средствами языка возможно исключительно в рамках социокультурного подхода. Социокультурный подход позволяет обратить внимание на весь спектр культур, существующих на территории страны изучаемого языка. При этом акцентируется внимание не только на различиях, но – и это главное – на сходстве между родной и изучаемой культурами. Это позволяет также увидеть культурное разнообразие современных поликультурных обществ и способствует осознанию себя обучающимися в качестве поликультурных субъектов в родной среде. При таком подходе к изучению других языков и культур более реальным становится культурное и этническое самоопределение личности.

В связи с вышеизложенным следует определить взаимосвязь следующих понятий:

- культурное разнообразие;
- культурная осведомленность;
- культурное самоопределение.

В условиях культурного и языкового разнообразия человек оказывается в особой, усложненной языковой ситуации. Социолингвисты, лингвокультурологи, преподаватели языка должны учитывать особенности языковой ситуации с точки зрения ее структуры и коммуникативной модели (контактирующие языки и культуры, их состояние, сферы функционирования и проч.).

В современных подходах актуализируются также и такие понятия, как «носитель – пользователь языка» [Нещименко 2005:77]. Человек может быть носителем одного языка, а пользователем – другого или других, и наоборот. Учет этого момента позволяет, по мнению Г. П. Нещименко, понять специфику конкретной языковой ситуации, оценить реальное состояние языковой культуры отдельной языковой личности и в языковом сообществе в целом.

При языковом и, соответственно, **культурном разнообразии** каждый участник коммуникации (социальной, профессиональной, межличностной) стремится быть понятым и понимать другого. Одно из условий – если не главное – успешной коммуникации – взаимная культурная осведомленность участников общения, межкультурная восприимчивость, знание языка и культурных особенностей другого [Бергельсон 2001].

Как отмечают исследователи [Новикова 2006:95], если один из собеседников не является в данном языковом пространстве языковой личностью в полном объеме (не является «носителем языка»), не обладает достаточным «культурным» знанием, то возникают пробелы во взаимопонимании. Культура должна стать на занятиях по языку предметом соизучения, включающим в себя знания о различных сферах жизни носителей языка, системе свойственных им ценностей, способах поведения.

Приобретая **культурную осведомленность** как определенный уровень социокультурной компетенции, участник коммуникации формирует в себе такие качества, как толерантность, эмпатия, терпимость к представителям других культур.

Культурное самоопределение – это необходимый, основной компонент социокультурной компетенции. Культурное самосознание – основа для осознания и принятия другого.

Культурное самоопределение в условиях многоязычия предполагает:

1) осознание себя в качестве представителя одновременно нескольких культурных групп (этнической, социальной, территориальной, религиозной, гендерной и др.);

2) умение видеть культурные сходства между представителями различных культурных групп соизучаемых языков для осознания более широких рамок собственной групповой принадлежности;

3) понимание, что в зависимости от контекста коммуникации меняется групповая принадлежность;

4) умение воспринимать поликультурность современных культурных сообществ с их культурным разнообразием как норму сосуществования культур в этих сообществах;

5) осознание своего места, роли и значимости в глобальных человеческих процессах;

6) снижение культурной агрессии, дискриминации и вандализма [Сысоев 2003: 120-121].

В нашем обзоре мы постарались представить взгляды современных исследователей на проблемы языковой и культурной компетенции личности в полилингвальном и поликультурном сообществе. Думаем, что знакомство с современными подходами будет интересно и специалистам, занимающимся языковыми и культурными проблемами национальных

меньшинств Молдовы. Прежде всего, представленные подходы могут быть использованы в процессе обучения и воспитания в среде национальных меньшинств, где особо выделяется проблема формирования национального самосознания и этнической самоидентификации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ахтенберг Й. 2005** - Й. Ахтенберг, М. Порембска. К вопросу о витальности кашубского языка // *Славяноведение*. № 6.
2. **Бартминьский Е. 2005** - Е. Бартминьский. Польский язык как символ национальной самобытности // *Славяноведение*. № 6.
3. **Бергельсон М. Б. 2001** - М. Б. Бергельсон. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий // *Вестник МГУ*. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4.
4. **Караулов Ю. Н. 1987** - Ю. Н. Караулов. Русский язык и языковая личность. М.
5. **Клобукова Л. П. 1997** - Л.П. Клобукова. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М.
6. **Kłoskowska A.** Kultury narodowe u korzeni. Warszawa. 1996.
7. **Нещименко Г. П. 2005** - Г. П. Нещименко. Некоторые раздумья над книгой «Языковая ситуация: итоги и перспективы (болгаро-чешские параллели)» // *ВЯ*. № 6.
8. **Новикова Н. С. 2006** - Н. С. Новикова. Коммуникативная норма и лингвистические проблемы межкультурной коммуникации. ФН. № 2.
9. **Сафонова В. В. 1991** - В. В. Сафонова. Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М.
10. **Сафонова В. В. 1996** - В.В. Сафонова. Изучение языков международного общения в контексте культур и цивилизаций. Воронеж. 1996.
11. **Сысоев П. В.** Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. Тамбов. 2001.
12. **Сысоев П. В. 2003** - П. В. Сысоев. Когнитивные аспекты овладения культурой // *Вестник МГУ*. Сер. 1 Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4.
13. **Халеева И. И. 1995** – И И. Халеева. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. М.

Опубликовано в: Материалы Международной научной конференции «Сохранение культурного наследия в странах Европы» (25-28 сент. 2008 г.) Кишинев, 2009. – С. 181-190.

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ МОЛДОВЫ

В современной школе обучение родному языку следует нескольким ключевым целям, которые предполагают коммуникативный и культурологический подходы.

Языки (родные и неродные) изучаются как средство коммуникации (обмена информацией, взаимодействия и взаимовлияния участников общения) и как средство формирования всех сторон личности, в том числе – ее этнического самосознания.

В Молдове до провозглашения ее независимым государством в школах изучались литературные языки двух этносов – русского и молдавского. Учитывалось (даже вне научного рассмотрения вопроса) коммуникативное взаимодействие носителей соответственно только этих двух языков – русского и молдавского, независимо от их этнической принадлежности.

Представители других этносов в Молдове становились либо русскоязычными (в большинстве своем), либо молдоязычными. Соответственно, для успешной личностной реализации необходимо было овладеть литературной формой одного из этих двух языков. Именно национально-культурные тексты на этих языках в их высшей, литературной форме давали возможность человеку включиться в поле мировой культуры.

При этом болгары, украинцы, евреи, гагаузы и представители других этносов, обозначая свою национальную принадлежность в соответствующих документах, родным языком называли русский или молдавский, так как реальным родным языком (в соответствии с этнической принадлежностью) могли овладеть, и то не всегда, как и родной культурой, только в их диалектно-фольклорной форме, в устно-разговорной, то есть в форме «домашнего», крайне ограниченного употребления, со всеми вытекающими отсюда последствиями – социального, психологического, точнее – этносоциопсихологического характера. Выбор без возможности выбора.

Сегодня в школах Молдовы есть возможность выбора языка обучения и возможность изучать родной язык как предмет (соответственно – изучать литературу, историю и культуру своего этноса).

По-прежнему большинство, как мы сегодня говорим, представителей национальных меньшинств учатся в русскоязычных школах (многие – в школах с государственным языком обучения). Но это, в условиях нового государства, Республики Молдова, уже – выбор.

В новой этнокультурной, языковой и политической ситуации изменились соотношение, место и роль родного, русского и государственного языка в формировании этнического и культурного самосознания учащегося.

Учителю-словеснику приходится учитывать новую языковую ситуацию и помогать учащемуся в осознании места и роли его родного языка в межкультурной коммуникации.

Сегодня в науке, в частности в лингвистике, активно исследуются формы и виды межкультурной коммуникации, исследуется влияние культуры на язык, отражение культурно-специфических явлений и понятий в лексике (словарном составе языка) в исторической перспективе, отражение взаимовлияния языков и культур.

В процессе преподавания языка в школе, как подчеркивают исследователи-педагоги, важно создать такие условия, в которых учащийся начинает соотносить себя не только со своей, но и с другими культурами, испытывать соучастие, симпатию, стремление найти способы взаимодействия, желание сотрудничать с людьми другой этнической принадлежности, несмотря на имеющиеся различия.

Обучение общению на основе модели межкультурной коммуникации может рассматриваться как обучение преодолению различных барьеров.

Познание каждым учащимся самобытной ценности другой культуры, отраженной в языке, возможно при рефлексии, осознании места этой культуры в родном языке учащегося.

Большие возможности преподавателям предоставляет история взаимодействия и взаимовлияния изучаемых языков.

Так, в школах Молдовы с русским языком обучения, где изучается болгарский язык как предмет, а также в классах с болгарским языком обучения, где, безусловно, изучаются русский язык и литература, соответствующий материал может быть использован как на уроках русского, так и болгарского языка или литературы.

Напомним достаточно известные факты, которые обычно не находят места на школьных уроках, но могут быть преподаны учащимся в контексте взаимовлияния культур и языков, в том числе и народов Молдовы.

Если обратиться к древности, то мы узнаем, что русский язык и болгарский (как, впрочем, и украинский, и белорусский) – это языки-потомки двух древних ветвей одного праславянского этноса – южной и восточной. Сформировались языки южных и восточных славян к VI веку н.э. как самостоятельные на основе диалектов одного древнего языка – праславянского. Отсюда то многое общее, что мы находим и сегодня в славянских языках, в том числе – болгарском и русском.

В эпоху раннего средневековья (начало X века) болгары составляют свою азбуку – кириллицу, которая приходит на смену более ранней глаголицы, изобретенной братьями Кириллом и Мефодием (**середина IX века**). Именно кириллица **в конце X века** (официально – одновременно с крещением Руси) приходит к восточным славянам от болгар. Первые

книги, распространявшиеся в Киевской Руси, были написаны на кириллице, на древнеболгарском языке (сегодня мы его называем старославянским). Язык древнерусской книжности, легший в основу древнерусского литературного языка, – это древнеболгарский язык. До наших дней в современном русском литературном языке мы находим древнеболгарскую (старославянскую) лексику, которая несет на себе печать книжного, научного, высокого стиля, выражает чаще абстрактные, категориальные понятия. При этом бывшие старославянские слова соседствуют в русском языке с собственно русскими по происхождению (*гражданин – горожанин, порох – прах, ворота – врата, голова – глава* и др.). Часто исконно сходные древнеболгарские и русские слова расходятся сегодня и по значению, что требует иногда не только лингвистического, но и культурологического комментария.

Первые тексты на древнеболгарском языке, появившиеся на Руси, – это Библия и тексты религиозно-нравственного, духовного, общекультурного содержания. Отсюда и соответствующая лексика в русском языке из болгарского: *срам, охладеть, праздный, благословить, благородство* и др.

В XV веке влияние болгарской книжности приходит на Русь вторично, и связано это с тем, что носители болгарской духовной письменной культуры бегут от нашествия турок в другие православные земли – на Русь, в Молдову и Валахию.

Учитель найдет достаточно материала об этом, заглянув в источники по истории Руси, Болгарии, Молдовы, Румынии или в учебники по истории болгарской и русской литературы, описывающие данный период.

С XVIII века в истории болгарского языка и литературы мы наблюдаем обратный процесс – влияние русского языка и русской духовной культуры на болгарские язык и культуру, особенно активным это влияние становится в середине XIX века.

В начале XIX века наиболее прогрессивные и активные, патриотически настроенные представители болгарского народа обучают своих детей за пределами поработенной Болгарии – чаще всего в России, в основном на юге – в Одессе, Николаеве, Херсоне. Некоторые достигают и столичных университетов – Петербургского, Московского. Велико духовное и просветительское влияние русской литературы на болгарскую интеллигенцию, получившую образование в России.

Весь XIX век – это период активного формирования современного болгарского литературного языка во всех его стилистических разновидностях. Различные стили и жанры литературных текстов потребовали мощного нового лексического наполнения.

Влияние русского языка на болгарский в этот период велико. Русские слова усваиваются болгарским языком легко и не воспринимаются

как чужеродные. Иногда происходит фонетическая адаптация: *възторг, събитие, тълпа, мълва*. Некоторые слова заимствуются без изменений – *имущество, изящен, точно* и др.

Среди слов, заимствованных из других языков в болгарский, русские слова наиболее многочисленны, встречаются практически во всех стилях и сферах общения. Больше всего русских слов в области общественно-политической, научной, административной и военной терминологии.

Русские по происхождению слова – это различные части речи – и существительные, и прилагательные, и глаголы, и наречия: *възторг, ведомост, винтовка, госпожа, занятие, крепост, очерк, привычка, развитие; вежлив, горд, лукав, свиреп, точен; дерзая, старая се, умея; въобще, даже*.

Русский язык – главный посредник в усвоении болгарским языком международной культурной лексики, научной терминологии.

Как пишет крупный болгарский ученый Б. Цонев, «...не следует сожалеть о том факте, что наш язык наводнен русскими словами, потому что польза, которую он получил, велика; слова эти пришли через великую русскую литературу... Через русский язык и литературу мы выросли интеллектуально гораздо быстрее, чем могли бы это сделать через литературу французскую или немецкую... Через русскую книгу мы восприняли культурные понятия, познакомились с русской и европейской мыслью – одним словом, народный интеллект развился за короткий период благодаря русской книге, а это – великая польза...».

За каждым древнеболгарским словом в русском языке и за русским словом в болгарском кроется интереснейший факт из истории взаимовлияния и взаимодействия культур, языков и духа двух народов.

Опубликовано в: Diversitatea cultural si dialogul intercultural in procesul de comunicare/Materialele conferintei stiintifice internationale/ 22-23 octombrie 2010. Chisinau Stiinta, 2010. – С. 132-134.

О СТРАТЕГИИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КУРРИКУЛУМА ПО БОЛГАРСКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ*

В системе образования Республики Молдова произошли и продолжают происходить структурные и качественные изменения, обусловленные социокультурными и геополитическими факторами.

Кроме изменений, связанных с внедрением новой образовательной парадигмы (в центре внимания личность ученика как субъект образования, культуросообразность и природосообразность как основные принципы современного воспитания) актуальные изменения в сфере образования в Молдове определяются процессами демократизации общества, установкой на возрождение культур этносов, при учете международных соглашений в области прав человека [1], национальных меньшинств [2], прав ребенка [3]. Признается, *что этническое, культурное и языковое многообразие, взаимная терпимость и межэтнический мир являются главным достоянием Молдовы* [4]. Это подтверждает, что реформа образования в Республике Молдова соответствует современным мировым ценностным ориентациям, в том числе и в области образования этнических меньшинств. Усиление интеркультурных оснований образования – главное условие включения нашей страны в общеевропейское образовательное пространство.

В области политики образования этнических меньшинств основные **принципы** отражены в *Конституции Республики Молдова* (1984) [5], а также в ряде законодательных и нормативных документов [6]. Соответственно государство создает условия для реализации права граждан различных национальностей, проживающих в Республике Молдова, на воспитание и обучение на родном языке. Изучение государственного языка Республики Молдова является обязательным во всех учебных заведениях; структура и содержание образования, а также образовательные стандарты едины для всех учебных заведений республики, независимо от языка обучения; содержание школьного предмета «язык и литература» является оригинальным на каждом языке.

В соответствии с этими принципами, образование для этнических меньшинств имеет **целью** формирование разносторонней, гармоничной, самостоятельной и творческой личности, способной своевременно адаптироваться к изменениям современного мира и быть полезной обществу; с равными со всеми гражданами республики возможностями, с развитым национальным самосознанием и поликультурным кругозором –

* Статья написана в соавторстве с Е. Рацеевой

на основе сохранения и развития родной культуры, приобщения к мировым культурным ценностям, а также к духовным и культурным ценностям румынского народа и этнических меньшинств Молдовы, путем усвоения румынского и иностранных языков [cf. 7].

Идеальные ожидания относительно критериев «образованного и культурного человека» можно выразить формулой В.С. Библера: это «мобильная, динамическая и творческая личность, легко и органично входящая в диалог с любой культурой, оставаясь при этом носителем и творцом культуры своего народа с ее неповторимостью, эмоционально-чувственной сферой, духовной наполненностью и образной целостностью» [8, p. 48].

Время и опыт реализации *Куррикулума по болгарскому языку и литературе* [9] (далее - *Куррикулум*) показали корректность большинства концептуальных идей и принципов, заложенных в его основе: в частности, *культурологический подход к изучению родной словесности; практическая, коммуникативная направленность в изучении родного языка; тесная интегрированность предметов **Болгарский язык и Литература***. Идеям мультикультурного образования концептуально соответствует главная цель (см. выше), базовые (*развитие и совершенствование способностей восприятия устных сообщений; развитие способностей говорения; развитие способностей воспринимать письменные сообщения; развитие способностей создавать текст в устной и письменной форме*) и ключевые цели *Куррикулума*.

Необходимость усовершенствования *Куррикулума* продиктована несколькими реалиями современного образования:

- необходимостью учета изменений социокультурного, учебно-организационного и учебно-методического характера, опыта преподавания болгарского языка в Молдове, общих характеристик и общего уровня образования учащихся болгар;

- необходимостью корреляции *Куррикулума*, системы школьного оценивания, стандартов и матриц спецификаций по предмету, на основании которых разрабатываются задания для национального тестирования;

- большей, в сравнении с первым его изданием, определенностью *Куррикулума*.

Сегодня очевидны предпочтения большинства школ с болгарским контингентом учащихся: за редким исключением, в основном, выбран вариант учебного плана, согласно которому родной язык и литература изучаются по 3 часа в неделю. Это также потребовало определенной коррекции уровня необходимой филологичности, заложенного в *Куррикулуме*, и, соответственно, ключевых целей и рекомендуемых видов деятельности, а также уровня компетенций обязательного учебного минимума.

Создание *Куррикулума по болгарскому языку и литературе* в 2000 году было в определенной степени экспериментальным этапом и, имея в виду существование трех вариантов учебных планов для школ с болгарским контингентом учащихся (соответственно, для классов с болгарским языком обучения, для классов с гуманитарным профилем и классов естественного профиля), которые предлагали разное количество часов на преподавание родного языка и литературы, все разделы *Куррикулума* как программы обучения были представлены в максимально расширенном виде. Предполагалось, что учитель в процессе преподавания сможет из максимума представленного материала выбрать необходимый, исходя из реального объема часов в каждом конкретном случае.

Практика показала, что для приближения к реальным условиям и потребностям учебного процесса отдельные части компонента *Содержание* в *Куррикулуме* должны быть пересмотрены, переработаны и сокращены.

Языковое и коммуникативное воспитание

Возникшая необходимость изменений не коснулась концептуальных идей этой части *Куррикулума*, в переработанном варианте которого остались те же основные концептуальные положения, что и в первом издании:

- при обучении родному языку реализуется системно-структурный и коммуникативно-речевой подход с преимуществом коммуникативного;
- речевая практика учащихся направлена на рефлекссию и осмысление соотношения диалектная речь – *литературная речь*;
- текст является основой для развития языковой и коммуникативной компетенции учащихся, средством формирования этнической языковой ментальности;
- обучение родному языку ориентировано на способность учащихся при необходимости самостоятельно пользоваться научно-учебной литературой на болгарском языке по ряду предметов.

Не изменилась и ***общая цель обучения болгарскому языку*** – *формирование духовно богатой, нравственно ориентированной, творческой личности, с развитым чувством национального самосознания, ответственностью перед обществом, адаптированной к изменяющимся условиям социальной жизни и стремящейся к личному успеху* [9, с. 6].

Современная школа словесности предполагает «помочь подрастающей личности овладеть языком во всех его функциях: функции общения, функции познания и мышления, функции накопления знаний о мире и постижения культуры мира и нации, функции социализации личности, ее адаптации к жизни в современном обществе» [9, с. 6]. Итак, цель речевого развития – это одновременно и развитие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер личности.

Учебно-воспитательные задачи при обучении болгарскому языку решаются через изучение текстов родной литературы, в рамках интегрированного школьного предмета *Болгарский язык и литература*. Чтение, понимание и интерпретация образцовых текстов – необходимое условие воспитания любви к родной речи, формирования национального самосознания.

Родной язык должен стать как средством усвоения всемирной культуры, так и средством проявления творческого потенциала личности.

В связи с этим, *ключевые цели* предмета направлены на достижение основной цели обучения и на решение соответствующих учебно-воспитательных задач.

На уроках языка и литературы в ряду учебно-воспитательных задач в новом варианте *Куррикулума* важное место отводится лингвокультурологическим задачам – воспитанию языковой личности учащегося как субъекта национальной культуры и как сформировавшейся индивидуальности со своим видением мира [cf. VI.Pvslaru, 10].

Лингвокультурологические задачи на уроках по болгарскому языку решаются на материале текстов художественной литературы. В процессе языкового и речевого освоения образцовых текстов, через восприятие художественной и общезыковой стороны текста ученик получает основу и для личного речевого творчества. Этот процесс включает в себя этапы продуктивного мышления.

В процессе переработки *Куррикулума*, с учетом перечисленных учебно-воспитательных задачи, были переформулированы, сокращены или заменены некоторые ключевые цели обучения в рамках четырех видов коммуникативной компетенции (*слушание, говорение, чтение, письмо*) [cf. 7, 11]. При этом мы учитывали опыт преподавания болгарского языка в школах Молдовы за пять лет.

В системе ключевых целей как на рецептивном, так и на продуктивном (творческом) уровне, акцент сделан на умения учащихся дифференцировать диалектную, разговорную и литературную речь, различать, определять и создавать тексты различных функциональных стилей в границах литературного языка.

Речевая компетенция предполагает прежде всего языковую компетенцию – знание языковых единиц, их использование в текстах различных стилей. Переработанный *Куррикулум* в формулировке ключевых целей и разработке видов деятельности усиливает акцент на усвоении учащимися языковых элементов, помогающих им создавать собственные тексты различных стилей.

Усиливается работа с синонимией языковых единиц на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. При этом учтены реаль-

ные коммуникативно-речевые ситуации, в которых болгарский язык функционирует в Молдове. Эта реальность находит отражение и в обучении. Предъявляются различные требования к уровням (рецептивный, репродуктивный, продуктивный) владения видами речевой деятельности в различных функциональных сферах. Уточняются задачи, связанные с овладением учащимися различными функциональными стилями речи болгарского языка. Доминирующими в реальности и в обучении оказываются научно-учебный, художественный и разговорно-литературный стили. На уроках литературы учащиеся читают, анализируют, воспроизводят в письменной и устной форме художественные тексты болгарских и бессарабских авторов, обогащая собственные речевые возможности.

Предполагается овладение научно-учебным стилем не только на рецептивном (чтение и понимание текстов), но и на продуктивном уровне (создание собственных текстов на болгарском языке на уроках литературы и языка).

Общение с учителем, соучениками, сонародниками из Болгарии развивает у учащихся способность дифференцировать диалектные элементы в чужой речи и избегать их в собственной речи; совершенствуется литературно-разговорная речь. Таким образом, предполагается продуктивный уровень владения двумя функциональными стилями языков – научно-учебным и литературно-разговорным, официально-деловым – только в рамках нескольких видов текста.

При изучении единиц различного уровня языка особое внимание уделяется лексике и фразеологии как единицам, несущим культурную этническую информацию.

Акцентируется внимание на монологической и диалогической речи (на рецептивном, репродуктивном и продуктивном уровне). Этот аспект речевой компетенции также предполагает внимание к двум моментам – особенностям речевой ситуации (а значит, – к стилистическим особенностям воспринимаемой или продуцируемой речи) и к точности и выразительности речи (умение использовать лексическое и синонимическое богатство родного языка). В новом варианте *Куррикулума* это нашло отражение на уровне ключевых целей и в рекомендательных видах деятельности. Например, одна из ключевых целей в V классе – использование в собственной монологической речи слов из предложенного синонимического ряда, которые служат для наиболее точного обозначения нравственных понятий. Виды деятельности, помогающие достижению соответствующей ключевой цели – подобрать слова из предложенного синонимического ряда в соответствии с предметом речи, адресатом, видом текста; охарактеризовать персонаж (по его поступкам, мыслям и т.д.), выбрать наиболее точные и выразительные слова из синонимического ряда.

При обучении родному языку (различным видам деятельности как на рецептивном, так и на продуктивном уровне) сквозной, постоянно присутствующей задачей является выведение на сознание учащегося типологического компонента (сходство языков контактной группы – болгарского, русского, молдавского/румынского) на уровне соответствующих языковых единиц, а также явлений языковой интерференции и культурных заимствований, отраженных на различных языковых уровнях.

Задачи, связанные со сходством изучаемых языков и их взаимовлиянием, решаются на конкретном дидактическом материале в процессе обучения. На уроках болгарского языка важен практический подход. Сегодня, помимо учебников (небольших по объему), учитель болгарского языка и литературы не обеспечен необходимым дидактическим материалом в достаточной степени. Тем не менее, на уровне ключевых целей и видов деятельности типологический подход в *Куррикулуме* намечен. Например, при изучении темы *Членная форма имени в болгарском языке* проводится параллель с особенностями артикля в румынском языке. Многие грамматические явления болгарского языка могут быть объяснены через грамматические явления русского языка – спряжение глагола, сравнительная и превосходная степень имени прилагательного, образование причастий и т. д. Общность и родство нескольких языков (болгарского, румынского, русского) обнаруживается на уровне лексического состава, во фразеологии, в пословицах и поговорках. Это явление также учтено в переработанном *Куррикулуме*.

Как на уроках литературы, так и на уроках болгарского языка, решение вышеназванных задач способствует интеркультурному воспитанию учащихся, осознанию единства культурного пространства, а также единства мира, познаваемого через языки и отраженных в языках ценностей.

Ключевые цели и задачи в обучении учащихся четырем видам речевой деятельности на родном языке, а также формулировка соответствующих задач были переработаны с учетом в большей степени культурологического (интеркультурного) подхода (элемента) в обучении.

Содержание предмета *Болгарский язык* было пересмотрено, переработано и сокращено в соответствии с количеством часов, реально выделенных на изучение предмета; оно было приведено в соответствие с возрастными и интеллектуальными возможностями учащихся, а также с предположительно достигнутым уровнем лингвистических и коммуникативных компетенций.

Основные изменения, внесенные в Куррикулум по болгарскому языку, по классам.

Сквозным образом с V-го по XII-й класс введены исправления и уточнения, связанные с работой по расширению лексического запаса учащихся и его семантико-стилистическому усложнению.

В V классе на уровне ключевых целей при работе учащихся с синонимическими рядами слов акцентируется внимание на лексике, описывающей характер, называющей нравственные качества человека.

На уровне видов деятельности введена работа по выбору слова из ряда синонимов с учетом предмета речи, темы, адресата, вида текста при создании учащимися собственного текста.

При работе с переносным значением слова расширены виды деятельности, направленные на понимание контекстуального значения слова, что готовит учащихся к восприятию смысла слова в художественном тексте.

Углубленно анализируется семантика слова в тексте, возможность его контекстуальной синонимической замены.

Учащиеся расширяют знания о синонимических рядах слов, словосочетаний, фразеологизмов, их стилистической и смысловой вариативности.

В Куррикулуме **VI-го** класса одна из ключевых целей при работе с публицистическим или художественным текстом – выявление авторского отношения к сообщаемому. На уровне видов деятельности вводится работа по комментированию экспрессивных особенностей авторского слова.

Синонимический ряд расширяется за счет введения фразеологических единиц.

В связи с установкой на определение стилистической принадлежности текста введена работа по подбору стилистических синонимов, раскрывающих значение фразеологизмов. На продуктивном уровне предлагаются задания по употреблению учащимися фразеологизмов в текстах собственного сочинения.

При работе со словом в текстах разных стилей внимание учащихся акцентируется на однозначности и многозначности слова, на его экспрессивной коннотации, на прямых и переносных значениях.

Введены дополнительные виды деятельности в *Куррикулах* V-го и VI-го классов, помогающие ученикам глубже понять семантические и экспрессивные возможности слова в болгарском языке.

На продуктивном уровне учащиеся создают тексты научно-учебного стиля с вниманием к слову-термину. **В VII-ом классе** при изучении терминов акцентируется внимание на международной лексике, на словах, выражающих морально-нравственные, этические понятия.

Вводятся виды деятельности, направленные на выявление общей лексики (межкультурной, научной и бытовой) в болгарском, русском, румынском и гагаузском языках.

Сочинение-миниатюра по языку и сочинение-эссе по литературе предполагает использование элементов публицистического стиля, то есть использование экспрессивных возможностей слова.

В Куррикулуме VIII-го класса на уровне ключевых целей сделан акцент на понимание учащимися диалектной и литературной форм языка как двух равноценных разновидностей народного языка. На уровне учебной деятельности введена задача – выявить экспрессивную роль диалектизма в устной и публицистической речи.

В Куррикулуме IX-го класса введены ключевые цели и виды деятельности, направленные на системное осмысление различий между диалектной и литературной формой болгарского языка – на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Формулируются ключевые цели и виды деятельности, направленные на выявление влияний русского и румынского языков (на уровне диалектной болгарской речи).

В связи с культурологическим подходом введены задания по выявлению ценностных этических представлений, выраженных в пословицах, поговорках и фразеологизмах действующих на территории Молдовы славянских языков – болгарского, русского, украинского и других.

При анализе художественного текста акцентируется внимание на языковых средствах выражения авторского отношения к предмету высказывания. Расширены задания по анализу языка произведений болгарских писателей Молдовы.

Введенные в Куррикулум по болгарскому языку в порядке уточнения и расширения некоторые виды деятельности, реализующие соответствующие цели, помогли расширить коммуникативно-культурологический подход при обучении болгарскому языку.

Болгарская литература. Куррикулум по болгарскому языку и литературе нацеливает на «культуросообразность» образования в школах Молдовы с болгарским контингентом учащихся и среди других принципов прямо актуализирует проблему формирования *идентичности и толерантности* [cf. 12] как задачу, ориентирует на такую организацию обучения по болгарской словесности в условиях культурного полилингвизма, которая предполагала бы разумный баланс между культурным этноцентризмом и моделями интеркультурного взаимодействия.

Известно, что в подростковом возрасте происходит переход от эмоционально-образного к рационально-логическому восприятию мира, что это период интенсивного физического и социального созревания личности, создающий предпосылки начала процесса культурной самоидентификации, вхождения в мир национальной культуры, ее понимания, согласия с культурой, обретение позиции человека культуры [cf. 13].

Основные педагогические предпосылки развития в этом возрасте – включение подростка в ситуации выбора ценностей, их осмысление, нравственно-мотивированное отношение, помощь в оценке и самооценке своих действий, поступков, культурное творчество. Считается, что

«сравнительный анализ различных культурных традиций, формирование представления о многообразии человеческих культур и диалоге как единственно возможном способе их сосуществования и взаимодействия» [Ibidem] – это задача 3-ей ступени обучения, где «на первый план выступает теоретическая подготовка в сфере гуманитарных наук, диалог с культурой, интеграция знаний в целостную картину мира, культурная рефлексия, саморегуляция, принятие решений в ситуациях выбора, жизнотворчество» [Ibidem]. Однако на наш взгляд, уже вторая ступень должна закладывать основы для более широкого контекста восприятия своей национальной культуры, тем более, что уже сама болгарская культура – это яркий пример разнообразия: регионального, диалектного, что проявляется в традиционной одежде, практиках, фольклорных текстах. Сама культура бессарабских болгар в определенной мере является другой по отношению к болгарской культуре. Это создает дополнительные предпосылки для изучения болгарской литературы уже в средних классах в интеркультурном дискурсе, где компонентами содержания литературного образования и воспитания являются произведения болгарского фольклора и фольклора бессарабских болгар, произведения болгарской классики, а также произведения литературы на болгарском языке, созданные в Бессарабии/Молдове в разные исторические периоды. Все это представляет собой калейдоскоп болгарского многообразия, общим знаменателем которого являются общее в исторической судьбе, традиционные этнические ценности, ключевые концепты картины мира. Имея в виду, что в средних классах осваиваются нормы и ценности национальной культуры, а также опираясь на физиологические, психологические и социальные особенности развития подростков, Е. В. Бондаревская справедливо подчеркивает, что в подростковом возрасте наиболее подходящими являются технологии, имеющие ценностно-ориентированный характер (например, проблемное обучение, стимулирующее способность к выбору и ориентации), другие технологии, развертывающиеся на ситуативной основе [13]. Цель этнокультурной составляющей образования – это культурная идентификация со своей этнической общностью, представленной как естественная часть болгарской культурной истории и культурной традиции. Но культурная идентификация бессарабских болгар изначально включает в себя бессарабский компонент, одна из главных особенностей которого – поликультурность среды существования. То есть становление этнической идентичности бессарабских болгар естественно включает и развитие валентностей для межкультурного диалога. Таким образом, интеркультурность дискурса в данном случае не противоречит психолого-педагогическим постулатам о возрастных особенностях развития. Тем более, что для воспитания понимания *другого как подобного*, близкого, не чужого,

необходимы условия более образно-эмоционального уровня восприятия, что в большей степени характеризует вторую ступень обучения по сравнению с третьей ступенью. Таким образом, будет подготовлена основа для развития в старшем школьном возрасте, когда смысловое значение приобретают процессы духовно-нравственной автономизации личности, физического и нравственного самосовершенствования, социально-психологической адаптации; когда на первый план выступает теоретическая подготовка в сфере гуманитарных наук, диалог с культурой, интеграция знаний в целостную картину мира, культурная рефлексия, саморегуляция, принятие решений в ситуациях выбора, жизнотворчество, саморазвитие.

Переработанный *Куррикулум* подтверждает актуальность заявленной изначально литературно-культурной направленности литературного образования в школе: изучение художественной системы болгарской литературы должно служить опорой для этнической и личностной самоидентификации учеников – носителей традиционной культуры болгарской этнической среды в диаспоре. Главной задачей литературного образования остается изначально сформулированная в Куррикулуме: через подготовку компетентного читателя формировать духовно полноценную личность. Следует подчеркнуть, что наряду с другими принципами очень точно сформулирована как задача родной литературы установка на стимулирование творческих возможностей через осмысление *Я* в контексте *Других* и *Другости*, то есть, по сути своей, концептуально заложена установка на изучение родной словесности в контексте *Диалога культур*.

Однако, при очень определенно заявленной как стратегической цели литературно-культурная направленность обучения в ключевых целях и видах деятельности проявляется недостаточно: наблюдается определенная размытость установки на возможность и необходимость выявления системной культурной информации. Коррекция ключевых целей и видов деятельности по болгарской литературе была направлена на более отчетливое и системное формирование представлений о родной культуре в контексте культур других народов с акцентированием общечеловеческих ценностей и этнокультурной специфики. На наш взгляд, уже с V-го класса следует использовать позитивные возможности поликультурной среды, в которой живут потомки болгарских переселенцев в Молдове и изучение родной словесности организовывать как одно из самых эффективных средств развития поликультурной личности. Тем более, что эта идея системно реализована в учебниках по болгарскому языку и литературе для средних классов.

Так, в *Куррикулуме*, начиная с V-го класса, при реализации ключевой цели *Ученик должен адекватно отвечать на вопросы учителя по содержанию изученного произведения*, учителям предлагается “организовать систем-

ные наблюдения над хронотопом (место и время действия в художественном произведении) и этносоциокультурными реалиями, отраженными в тексте”. Учебник содержит исторические и социокультурные комментарии и энциклопедические справки относительно болгарских культурных героев, символов, ритуалов и предлагает такие вопросы, последовательные ответы на которые естественно актуализируют наблюдение в системе над иерархией болгарских ценностей, над особенностями болгарских социальных установок, над проявлениями национального характера и национальной картины мира, и, вместе с тем, учебник предлагает виды деятельности, которые реально ведут к достижению заявленных в *Куррикулуме* ключевых целей. Этому служат задания на сравнение и сопоставление текстов (или фрагментов) болгарских, румынских, русских, украинских, гагаузских сказок с общими мотивами; рассмотрение в культурологическом аспекте болгарских пословиц и поговорок (как народные оценки, советы, предписания). Все это в совокупности подготавливает содержательность представлений и выводов об общем и специфическом соседних этносов Молдовы.

Логика ключевых целей в последующих классах наряду с другими аспектами литературного образования представляет углубление и развитие культурологического компонента: выявлять общечеловеческие идеи в произведениях с общими мотивами и близкими по своим нравственным посланиям и идейным внушениям; описывать особенности художественного мира, превос созданного в произведении (историческая эпоха, символы, герои, ценности, общественная и нравственная проблематика, основные конфликты, быт, и т.п.); понимать основные этнические символы, героев, ритуалы, ценности и комментировать их, опираясь на личный и общественный опыт; осмысливать национальные ценности и идеалы, отраженные в произведениях литературы; осознать духовное наследие как универсальное средство сохранения целостности и продолжительности рода; осознавать общечеловеческие нравственные проблемы в художественном произведении.

Обогащение видов деятельности прежде всего связано с вышперечисленными ключевыми целями, направленными на этнокультурное и интеркультурное развитие учащихся, например: реконструкция картины традиционного болгарского мира путем анализа культурных деталей, отраженных в текстах; комментарии отраженных в произведениях литературы нарушений ценностей родового мира и способы их восстановления; комментарий относительно системы болгарских моральных принципов; анализ и комментарий различных аспектов болгарских образов, в Болгарии и в Молдове, в сравнении с молдавскими и русскими, на материале литературных произведений. Установка на функциональность зна-

ний в средних классах успешно реализована в учебниках по болгарскому языку и литературе, в которых представлен необходимый и достаточный уровень литературной теории и социокультурных комментариев. Все это необходимо как опора для обучения по родной литературе в лицейском курсе.

Изначально в *Куррикулуме* минимум литературной компетенции, которую должен приобрести лицеист, предполагал формирование умения читать и воспринимать художественный текст адекватно его идейно-художественному содержанию, что, в свою очередь, невозможно без знания о литературном произведении как *моделирующем специфический условно созданный мир*. При этом акцентировалось, что знания по теории литературы должны быть функциональными, что они являются не самоцелью, а инструментом для понимания, усвоения и интерпретации этого смоделированного в художественном произведении мира, а также средством формирования потребности в общении с этим миром. Необходимый минимум по теории литературы: литературные произведения должны восприниматься как эстетический объект, как знак литературных вкусов эпохи и авторов, как возможность выявления культурных универсалий; знания о строении художественного произведения, о художественной условности, о нравственной проблематике и универсальных ценностях, о самых важных моментах литературной истории; общее представление о литературных жанрах и элементарные познания о болгарской литературе, созданной в Болгарии и в Бессарабии/Молдове, соотношенной с произведениями румынской и русской литературы. А также сформированные умения устного и письменного самовыражения на основе фольклорных и художественных текстов и рефлексия на нравственные проблемы на основе житейского и эстетического опыта.

Изменения в Куррикулуме по болгарской литературе для лицейского звена, затронули прежде всего содержание обучения и воспитания. Сохраняя возможности для реализации вышеуказанных целей в контексте полилингвистического и поликультурного обучения болгар Молдовы, маркируя основные этапы развития болгарской литературы в историческом и эстетическом аспектах, мы значительно сократили общее количество произведений для изучения. В частности, в более общих параметрах, чем прежде, предполагается изучение фольклора и древнеболгарской литературы, снята из ключевых целей и видов деятельности как обязательная работа по истории болгарской литературной критики и истории болгарской периодики, уменьшен общий объем подлежащих изучению произведений болгарской беллетристики, созданной после второй мировой войны: из нескольких исторических романов, первоначально включенных в *Куррикулум* как рекомендованное содержание, в переработан-

ном *Куррикулуме* предлагается 1 на выбор. Также с целью оптимизации и сокращения пересмотрены списки рекомендованных для изучения произведений классиков болгарской литературы: из рекомендованных для обязательного изучения произведений сняты цикл *Сън за щастие* П. Славейкова, стихотворение Д. Дебелянова *Сти градът*, повесть Й. Йовкова *Белите рози*, Г. Караславова *Снаха*, комедия по выбору Ст. Костова. Из 9 лирических произведений Н. Вапцарова осталось 5. Соответственно, в пересмотренных ключевых целях и видах деятельности акцент сделан на более глубокую работу по изучению текстов.

Куррикулум по литературному образованию в лицейском звене, соддержательно базируясь на прежних концептуальных основах (филологическая направленность, историко-литературный и историко-типологический подход, восприятие литературы как искусства слова, формирование умений в создании устного и письменного текста), тем не менее продолжает заложенный и ясно очерченный в *Куррикулуме* и дидактическом обеспечении для гимназического звена культурологический подход.

Это следует и из формулировок, раскрывающих содержание понятия *филологическая направленность* в данном контексте:

Филологическая направленность обучения по родной литературе предполагает:

приобщение к красоте родного слова; формирование языковой личности с ее этническими и социально-психологическими особенностями, способной к самовыражению через богатство болгарского слова; активную речевую деятельность для: а) восприятия текста и заложенных в нем национальных и общекультурных ценностей; б) создание текста как выражение творческого потенциала личности; формирование чувства языка художественной литературы как основы для развития поликультурной личности [14, с. 9].

Такое целеполагание предполагает в качестве результатов выводы об общем и специфическом в художественном пресотворении болгарской национальной судьбы в литературе, созданной как в самой Болгарии, так и в Бессарабии/Молдове, а наряду с этим, через сопоставление с явлениями в русской и румынской литературах, выявление и работу над общими культурными символами и формами словесности в контексте той или иной культурной эпохи. Формирование умений адекватно анализировать – это по сути реализация цели сформировать представление о литературе как о процессе, учитывая особенности каждой литературной эпохи, национальную специфику, интертекстуальность, диалог между типами культурных текстов (мифологическими, фольклорными, литературными), а также диалог между литературами и культурами соседних этносов. Приоритетной остается задача сохранения эмоциональной отзывчивости и развития индивидуальной рефлексии на гуманитарную проблематику.

Цели и задачи литературного образования при усилении культурологической его направленности определяют соответствующие требования к **компетентности учителя**:

- Он должен быть эмоционально и интеллектуально приобщенным к духовным ценностям болгарской культуры (литературы);
- Обладать глубокими и системными познаниями в области болгарского языка и болгарской литературы;
- Владеть методическим инструментарием для достижения целей на литературного образования и этнокультурного воспитания;
- Быть подготовленным в области интеркультурной коммуникации.

Культурно эффективный педагог [Livermore, D., 15] должен обладать широким набором навыков, чтобы интерпретировать мировосприятие и стиль коммуникации учеников и, соответственно, выбирать самые подходящие образовательные стратегии и техники. Особенно важно быть подготовленным в отношении универсальных и культурноопределенных элементов *Куррикулума*.

Выполняя деятельность, связанную с конечными и промежуточными целями *Куррикулума*, при константности основных принципов, учитель должен уметь варьировать содержание и особенно методы и инструментарий обучения, применять концепции межпредметных и межкультурных связей. Учитель должен уметь оценивать прогресс, развитие в обучении, а также уметь использовать долгосрочные процедуры оценивания.

Учитель должен уметь:

- формировать у учеников базовые социальные компетенции (умение выслушивать и понимать рассуждения других; умение ясно выражать свои мысли; уметь свободно участвовать в дискуссиях; уметь анализировать собственные мысли и менять позицию);
- формировать у учеников основные техники обучения: технику наблюдения, слушания, понимания; техники коммуникации в группах, техники работы в интердисциплинарных группах.
- проектировать проблемы, цели, концепции; управлять классом; индивидуализировать преподавание;
- переносить исследовательские идеи в педагогическую ситуацию.
- организовывать работу в команде.

Этот уровень компетентности может быть обеспечен прежде всего при помощи обновленной системы непрерывного образования: курсы и семинары по болгарскому языку и литературе в национальных или региональных центрах, а также мероприятия в школах, командировки в Болгарию и т.д.

Таким образом, стратегия усовершенствования *Куррикулума по болгарскому языку и литературе* неизбежно является важным компонентом

стратегии совершенствования всего образовательного процесса в школах с болгарским контингентом учащихся. Это предполагает координацию всех элементов гуманитарного модуля, и, в первую очередь, филологических дисциплин, что, в свою очередь, предполагает новый уровень межпредметной взаимообусловленности и тесного сотрудничества педагогов.

REFERINȚE BIBLIOGRAFICE

1. Declarația Generală a Drepturilor Omului, adoptata de Adunarea Generala a Organizatiei Natiunilor Unite la 10.12.1948. *Tratate internationale*, 1998, volumul, pag. 11 (Aderat la Declaratie prin Hotararea Parlamentului nr. 217-XII din 28.07.1990).

2. Convenția cadru cu privire la apărarea drepturilor minorităților naționale la 1.02.1995 Seria Tratatelor Europene.

3. Convenția ONU cu privire la drepturile copilului, adoptata de Adunarea Generala a Organizatiei Natiunilor Unite la 20 noembrie 1989 (traducere) (republicata in Monitorul Oficial nr. 314 din 13 iunie 2001).

4. Concepția politicii naționale de stat a Republicii Moldova Monitorul Oficial № 1-5, 2004.

5. Constituția Republicii Moldova, adoptata la 29 iulie 1994, în vigoare de la 27 august 1994.

6. Codul educației și învățământului, 2006; Legea cu privire la funcționarea limbilor pe teritoriul RSS Moldovenești, 1989; Decretul Președintelui Republicii Moldova din 30 martie 1992 Cu privire la unele măsuri de asigurare a dezvoltării culturii naționale a bulgarilor; Hotărârea Guvernului Republicii Moldova nr. 428 din 23 iunie 1992; Legea nr.382-XV din 19.07.2001 Cu privire la drepturile persoanelor atribuite minorităților naționale și la statutul de drept al organizațiilor acestora // Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr.107/819 din 04.09.2001

7. Curriculum de bază. Documente reglatoare /Ministerul Învățământului, Consiliul Național pentru Curriculum și Evaluare; Vl. Guțu, Vl. Pâslaru, V. Goraș-Postică et al. Cimișlia, TipCim, 1997.

8. Библер, В.С., Школа диалога культур // Искусство в школе. – 1992, № 2, С.48

9. Български език и литература. Училищен курикулум V-IX клас /Ministerul educației și Științei, Consiliul Național pentru Curriculum și Evaluare; Демирева, К., Cara N., Iași, Editura Dosoftei, 2000.

10. Pâslaru, Vl., Principiul pozitiv al educației, Chișinău, Editura CIVITAS, 2003

11. Pâslaru, Vl., Crișan, Al., Cerkez, M., Curriculum disciplinar de limba și literatura română, Chișinău, Editura Știința, 1997.

12. Pâslaru, Vl. Identity and Tolerance. În: Educating Tolerance in Multicultural Societies: Roundtable Discussion Materials, Chișinău, October 3-7, 2001 / Institute for Public Policy – Moldova, East East Program of the Open Society Institute – Budapest, Ch. Arc, 2002, p.79-92; Неделчева, Т. Етнокултурна идентичност в съвременен социален контекст // Етнокултурна идентичност и поведенчески модели. София, 2003.

13. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Педагогика: Личность в гуманистических теориях и системах воспитания. Ростов н/Д, 1999.

14. Български език и литература. În: Limbă și comunicare. Curriculum național. Programe pentru învățământul liceal / Ministerul Educației și Științei, Centrul Educațional PRO DIDACTICA; Vl.Guțu, Vl.Pâslaru, A.Răileanu (coord.), Chișinău, Editura Cartier, 1999, pag. 157 – 180.

15. Livermore, D., Intercultural Competency. Sonlife International Forum: Elburn, Illinois, Junrrrrre 2-4. 1998.

Опубликовано в: Curriculum scolar: proiectare, implementare si dezvoltare. Кишинэу, 2008. – С. 247-261.